

Франтишек Яноух

КИТАЙ

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

КИТАЙ ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

ФРАНТИШЕК ЯНОУХ

Франтишек Яноух родился в 1931 г., в Праге.

В 1954 г. окончил физический факультет Ленинградского университета, в 1959 г. — аспирантуру в области теоретической физики в МГУ. С 1961 г. — доктор естественных наук Карлова университета в Праге. С 1960 г. — заведующий отделом теоретической ядерной физики Института ядерных исследований ЧСАМ. Им опубликовано свыше 60 научных статей в области теории ядра и элементарных частиц и несколько сотен статей по истории физики, научно-популярных и полемических статей. Был председателем научного фонда Тржинецкого комбината стали и заместителем председателя государственной комиссии по присуждению научных степеней. Он организатор многих научных конгрессов и школ.

После оккупации Чехословакии советскими войсками, в августе 1968 г., Яноух из-за активного участия в "пражской весне" исключен из КПЧ и уволен с работы. Он — один из инициаторов чехословацкого правозащитного движения. В 1974 г. Яноуху разрешают выехать в Швецию, куда его пригласила шведская Королевская академия в качестве гостевого профессора. В 1975 г. его лишают чехословацкого гражданства.

Яноух — автор ряда книг, в том числе книги об экспедиции на Памир, книг "Семь писем из Праги", "Нет, я не сожалею" и др.

В настоящее время Яноух работает в научно-исследовательском институте физики в Стокгольме.

Франтишек Яноух

КИТАЙ ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Чехословацкий диссидент в Китае

**Перевод текста и стихов
с чешского А. Кольман**

CHALIDZE PUBLICATION

NEW YORK 1982

Frantisek Janouch

CHINA FAR AND NEAR

A Czechoslovakian dissident in China

*Text and poetry
translated from Czech by A. Kolman*

Copyright 1982 by Chalidze Publications

Published by Chalidze Publications
505 Eighth Avenue,
New York, N.Y. 10018

Manufactured in the U.S.A.

*ПАМЯТИ ДОРОГОГО ДРУГА
ФРАНТИШЕКА КРИГЕЛЯ*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бо Цзюй-и. Спрашиваю у друга .....</i>	5
<i>Языковая неразбериха .....</i>	7
<i>Часть первая. Кануло в прошлое .....</i>	9
<i>Часть вторая. 17 лет спустя .....</i>	20
<i>Часть третья. Все было по-другому .....</i>	59
<i>Часть четвертая. На перепутьи .....</i>	125
<i>Дополнение. Важнейшие китайские имена и названия .....</i>	154

СПРАШИВАЮ У ДРУГА

Посадил орхидею,
Но полыни я не сажал.

Родилась орхидея,
Рядом с ней родилась полынь.

Неокрепшие корни
Так сплелись, что вместе растут.

Вот и стебли и листья
Появились уже на свет.

И душистые стебли
И зловонной травы листы

С каждым днем, с каждой ночью
Набираются больше сил.

Мне бы выполоть зелье, —
Орхидею боюсь задеть.

Мне б полить орхидею, —
Напоить я боюсь полынь.

Так мою орхидею
Не могу я полить водой.

Так траву эту злую
Не могу я выдернуть вон.

Я в раздумье: мне трудно
Одному решенье найти.

Вы не скажете, друг мой,
Как в несчастье моем мне быть?

Бо Цзюй-и
(772-846)

Перевод Л. Эйлина

Я люблю эту страну – ее людей, культуру, еду. В последней – как утверждают мои друзья – я разбираюсь лучше всего.

Прошлое привязывает меня к Китаю. Годами я старался лучше узнать и понять его.

Иногда он казался мне близким и понятным, иногда же – безнадежно далеким и совсем непонятным.

В течение 30 лет я слежу за судьбами этой страны, и все это время она вызывает у меня попеременно то восхищение или разочарование, то оптимизм или депрессию. Постоянна лишь сила, с которой она меня к себе притягивает все эти долгие годы.

В прошлом мои симпатии часто вели меня к ретушированию. Сегодня я думаю, что мои неретушированные китайские открытки – это проявление гораздо более глубоких чувств.

Франтишек Яноух

ЯЗЫКОВАЯ НЕРАЗБЕРИХА

(открытка вводная, филологическая)

Затруднения наступили еще до того, как я начал писать: как назвать город, из которого я вам пишу? Все зависит от того, кому я пишу. Проще всего было бы, если бы я писал китайцу. Тут я бы перерисовал два иероглифа, и все было бы ясно: каждый грамотный китаец, японец или кореец поняли бы меня. Одним словом, более миллиарда человек поняло бы. Но и тут возникли бы трудности. Китаец из северного Китая произносил бы это название иначе, чем китаец с юга. Японец читал бы его совсем по-другому, чем его сосед-кореец.

Но каждый из них понимал бы, о чем идет речь: что **桂林** — очаровательный город в юго-западном Китае, окруженный сотнями вершин, покрытых тропической растительностью. В русской транскрипции он пишется как Гуйлинь.

Для нас, "длинноносых"* западных варваров, положение гораздо сложнее. Признаюсь без смущения, что в транскрипции китайских имен и названий на латынь или азбуку у меня — полная неразбериха.

За 30 лет я познакомился со столькими транскрипциями, что их даже трудно все перечислить. Существует, по крайней мере, два способа как русской, так и чешской транскрипции, затем, — французская система, и несколько англосаксонских систем. Кроме того, есть две старые китайские системы транскрипции.

Часто со мной случалось, что я не мог разобрать имя моего самого близкого друга. В этом был виноват не мой склероз, а лишь транскрипция его имени.

Положение с транскрипцией настолько скверное, что лишь радикальное решение может исправить дело: надо отказаться от всех старых систем и принять новую, с

-----

* Китайцы (особенно китайские дети) часто называют европейцев "длинноносыми".

помощью которой Китай собирается перейти в течение нескольких десятилетий к фонетизации своего языка, т.е. перейти от иероглифов к алфавиту.

Нет, я не ошибся. И нескольких десятилетий, пожалуй, еще мало. Может быть, для такого перехода понадобится одно или даже два поколения. Трудности с фонетизацией китайского языка огромны. Дело в том, что миллиард китайцев объединяет не один язык, а лишь одна система иероглифов. Почти в каждой провинции иероглифы произносят по-разному. Только их смысл остается одинаковым.

Если бы фонетизацию китайского языка начали проводить без серьезной подготовки, Китай распался бы. В каждой провинции возник бы собственный язык; фонетическое написание иероглифов было бы непонятно людям из других провинций.

Для фонетизации нужно поэтому сначала ввести во всем Китае один язык (это будет *пекинский диалект* — бэйцзиньхуа), а уже потом, когда весь Китай освоит его, приступить к его фонетизации. Или же постепенно приучать население Китая к единому способу транскрипции.

Уже в Пекине я решил начать пользоваться новой китайской системой транскрипции ханьюйпиньинь и даже купил большой китайско-английский словарь и большой атлас Китая с новой транскрипцией.

В русском издании книги будет использована современная советская система транскрипции китайских иероглифов. В конце книги приведен список важнейших имен и названий в русской транскрипции и транскрипции ханьюйпиньинь, которая начинает применяться не только в западных газетах, но и в новых советских словарях.

Прошу друзей-синологов проявить снисхождение к неизбежным ошибкам и неточностям. *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas!**

1 мая 1979 г.

Пекин

(Beijing, Peking, 北京 Pejpin, Pej-p ing,
Peking, Bei jing, бэйцзин Peicin)

---

* Пусть не хватает сил, все же достойно похвалы стремление!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАНУЛО В ПРОШЛОЕ

*Близким кажется иногда
во сне даже Китай.
Лишь безответная любовь
и во сне
так мучительно далека.**

Старые открытки, так же, как и картины, постепенно блекнут в памяти, теряют свои очертания, перестают быть четкими. Если вам захочется рассказать о какой-нибудь из них, то вы должны сами придумать краски, настроение, ощущения, запахи, атмосферу, вспомнить имена и лица людей. Извилистые улочки, на которых стоят сегодня помпезные здания. Маленькие ресторанички, где улыбающийся повар готовил таинственные блюда прямо на ваших глазах. Антикварные магазины, где можно было целыми днями копаться в грудях хлама и уносить с собою купленный за гроши улов, за который сегодня вам, западному туристу, пришлось бы истратить маленькое состояние (или большое состояние для простого китайца). Базары и базарчики, полные фруктов, овощей, мяса и невообразимых морских тварей. Груды кореньев, и масса разноцветных лакомств. Китайские аптеки со всеми неотъемлемыми их запахами, волшебствами и заклинаниями. Магазины с чаем и чайными принадлежностями. Антикварные магазины, в которых старые свитки нагромождены до самого потолка, хранимые дремлющими пауками. Уличные продавцы арбузов, кокосовых орехов, пахучего жасминового чая и кипятка. Босоногие рикши, тянущие те-

---

* Японское стихотворение первого тысячелетия н.э.

лежки с тяжелым грузом. Рикши с колясками, ожидающие клиентов.

Все это кануло в прошлое, поблекло в моей памяти и исчезло из китайской действительности.

Не было ли все это лишь сном?

Совершенно определенно я могу утверждать лишь то, что я был в Китае в 1957 году. И был я в те времена наверняка одним из первых и, может быть, последних частных туристов из Чехословакии. Ко всему еще, я был тогда студентом, причем, почти без гроша в кармане.

Миллионер в Пекине

Теперь трудно вспомнить, как возникла эта идея. Я готовился в Москве к защите диссертации. По вечерам занимался китайским языком и ходил на собрания. После выступления Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС было о чем поговорить на собраниях, особенно, если человек был политически активным.

Один раз в месяц приходило письмо или открытка из Китая. Моя китайская приятельница не баловала меня особенно письмами.

Весь мир казался перевернутым вверх дном. Мы говорили о Сталине, а главное, – о том, как предотвратить появление новых сталиных. Целые ночи я просиживал у десятилампочного приемника "Рига 10" (вес – 25 кг). Старался читать "Женьминьжибао" (сегодня пишут „Renminjibao"). С помощью китайских друзей я узнавал из печати, что говорили Гольятти или Горез. Московская "Правда" или пражское "Руде Право" об этом не писали.

Когда я в первый раз сказал в Чехословацком посольстве о своем желании поехать на каникулы в Китай, то там приняли это за шутку. Когда же я начал их уверять, что мои намерения вполне серьезные, то меня сочли сумасшедшим.

Позже к моей идее привыкли. Перед моим отъездом на каникулы в Прагу в посольстве даже согласились дать мне рекомендацию для получения выездной визы.

В Праге, в Министерстве просвещения, реакция оказалась сходной. Мое заявление было необычным и шокирующим, но заведующий отделом, занимавшимся чехословацкими студентами в СССР, в конце концов капитулировал:

— Хорошо, сделаем попытку и увидим, что скажут на это товарищи наверху.

Товарищи наверху ничего не сказали. И я получил выездную визу в Китай.

Потрясенных оказалось в Праге немало: в Китайском посольстве, на Эпидемиологической станции, где мне пришлось сделать себе прививки, в Чехословацких авиалиниях. О родителях и говорить не приходится.

Лишь Государственный банк в Праге был избавлен от потрясений. Я улетал в Китай без копейки в кармане. Мой китайский друг, работавший в Москве, мог переводить домой деньги. И он перевел мне в Пекин свою месячную аспирантскую стипендию.

В Пекине я, к своему удивлению, обнаружил, что я почти миллионер: за одну месячную стипендию я получил в два раза больше денег, чем месячная зарплата председателя Мао. Настолько высок был тогда курс рубля.

Таково было мое первое столкновение с практической стороной советско-китайской дружбы. Тогда ее еще в Москве называли дружбой "на вечные времена", а в Китае — "на десять тысяч лет".

Кочан капусты из слоновой кости

Мой друг, работавший в Чехословацком посольстве в Пекине, пригласил меня на экскурсию в Тяньцзинь. Туда приехал первый югославский пароход, и его капитан устраивал обед для работников посольств социалистических стран.

В Тяньцзинь мы поехали на машине советского посылника. Имя его я уже позабыл. А, может быть, — как это бывает у многих советских дипломатов, — он вообще никогда не имел никакого имени.

Дорога оказалась плохой и длилась несколько часов. Мы говорили о самом разном. С растущим беспокойством я слушал высказывания советского дипломата. Он говорил о китайцах и о Китае с таким высокомерием и пренебрежением, с которыми я ранее никогда не встречался: Китай – это бедная, незначительная и некультурная страна, неспособная добиться чего-нибудь без советской помощи, техники и советских экспертов. Старший брат должен его всему научить, во всем советовать, помогать и поставлять все необходимое.

Я был молод и неопытен, и поэтому я лучше помалкивал. Но мне вспомнилась огромная очередь за яйцами, в которой я стоял в Москве. Советские куры не неслись весной. Яйца были из Китая. И единственные мясные консервы, продававшиеся в то время в Москве, за которыми тоже стояли очереди, были китайскими. Эти жирные свиные консервы мы, студенты, называли между собой "местью Мао Цзэ-дуна".

Лишь один раз во время поездки посланник заинтересовался и прислушался: я начал рассказывать о недавнем важном выступлении руководителя идеологического отдела ЦК КПК Лу Динь-и перед несколькими тысячами общественных работников. Об этом мне рассказывали мои китайские друзья.

– Откуда вы все это знаете? – спросил подозрительно посланник. – Нам пока не удалось получить никакой информации о его докладе, – добавил он.

Меня начинали одолевать туманные предчувствия, что вечная советско-китайская дружба не такая уж нерушимая, как говорили в СССР, и что она может оказаться в действительности короче, чем десять тысяч лет, как писала китайская печать.

* * *

Мне, однако, не хотелось бы быть несправедливым к советскому дипломату. Одно он все же любил в Китае: слоновую кость. Когда мы ехали обратно, он полдороги рассказывал о своей коллекции слоновой кости, сколь-

ко что стоило, какие вещи он накупил. Он почти захлебывался от восхищения, когда рассказывал о своем последнем "улове": кочане капусты, вырезанном из слоновой кости, весом в несколько килограммов.

Благодаря посланнику, я начал чувствовать прямо-таки отвращение к слоновой кости.

Рикша

Я ходил по Пекину в августовскую жару принципиально только пешком. Автобусов было мало, и иностранцу трудно было в них разобраться. А перед самым распространенным средством передвижения у меня было почти непреодолимое моральное препятствие. С моими тогдашними наивными взглядами не совмещалось, чтобы я позволил везти себя в коляске босоногому рикше.

В 1957 году в Пекине как раз разыгрывалась первая революция транспортных средств. Пешеходные рикши начали заменяться механизированными: коляску с пассажиром теперь тянул рикша-велосипедист.

Только раз я уже почти готов был нанять рикшу. Я приехал в Пекин ночью. У меня был тяжелый чемодан, а автобусы не ездили, и мне надо было идти с вокзала несколько километров по плохо освещенному городу. Когда я подошел к стоянке рикш, то увидел двух отъезжавших в колясках полных дам, в пестрых нарядах и сильно надушенных. Коляски прогибались и скрипели под их тяжестью. Рикши вытирали пот небольшими полотенцами, которые они обычно носили за поясом. А дамы перекликались: "Анечка, какая в этом Пекине ужасная духота!"

Дамы оказались правы. Когда я пешком дошел к своим друзьям – на что потребовалось два часа – пот лил с меня ручьями.

* * *

Во время моего второго посещения, я видел рикш только в Кантоне. Я был на 18 лет старше и, по край-

ней мере, на четверть века мудрее. За полюаня (50 копеек) рикша-велосипедист отвез меня в антикварный магазин.

При третьем посещении я уже нигде не видел рикш – "такси".* Остались только рикши, перевозящие грузы.

Цзилиньское мясо

Обед и ужин в Пекине иногда превращались в настоящие приключения.

Выбрать ресторанчик не представляло большого труда. Хуже обстояло дело с меню. Я здоровался с хозяином, заказывал жасминный чай, вынимал словарь и начал разгадывать тайны вычурных иероглифов. 3-4 иероглифа означали одно блюдо.

Повар или владелец – часто в одном и том же лице – стоял с улыбкой поодаль и наблюдал за мной. Он был готов прийти на помощь и ждал заказа.

В более крупных ресторанах хотели продемонстрировать свою доброжелательность и внимание тем, что приносили вилку и нож, не понимая, что меня это оскорбляло.

Несмотря на свой "длинный" нос, я владел искусством есть палочками гораздо совершеннее, чем искусством разглядывать или писать иероглифы.

Наконец, я выбрал одно блюдо: цзилинь жоу.

– И миску рису, – добавил я, и решительно вернул хозяину предложенные им вилку и нож.

Хозяин не скрывал своего удивления, но не стал спорить с гостем. Через несколько минут пришла моя очередь удивляться. Повар принес мне миску рису и чудесный шницель с жареной картошкой. Наверно, это выглядело очень странно, когда я упрямо ел палочками этот шницель.

---

* Рикши-велосипедисты появились снова, в небольшом количестве, в китайских городах в 1980 г., в результате гибкой экономической политики.

Вечером мне все объяснила моя китайская знакомая. Цзилинь (Гирин) – город в северо-западном Китае. После революции в нем поселилось много русских эмигрантов. Они принесли с собой не только щи и борщ, но также и шницель. Отсюда шницель попал – под названием "цзилиньское мясо" – в цзилиньский ресторанчик в Пекине.

Между прочим, это было единственное европейское блюдо, испробованное мною (причем, по недоразумению) в течение моего первого сорокадневного пребывания в Китае. И надо сказать, что я вовсе не скучал по европейской кухне.

Маньтоу

Я пробовал маньтоу в самых различных местах: в Пекине, Тяньцзине и в Шанхае. Вареные, поджаренные на масле, сваренные над паром. С уксусом и с соевым соусом. В сычуаньском ресторане их подавали с молодым чесноком и острым красным соусом "лацзяо".

Младшие родственники маньтоу – это русские пельмени. В Москве мы покупали их замороженными. В московских магазинах они водились всегда и из-за дешевизны составляли значительную часть нашей студенческой пищи.

Позже я встретился с ними на Памире. В столовой, на большом памирском тракте, где мы остановились с узбекским шофером на обед, их называли "манты". Также их называют повсюду в Средней Азии: в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Казахстане.

Маньтоу, или манты, или, – если хотите, – пельмени сделаны из теста, начиненного размолотым мясом, овощами и кореньями.

Только позже, прочитав китайский классический роман Ло Гуань-чжуня "Троецарствие", я понял, чем я наслаждался. На протяжении 120 глав романа описываются похождения китайского полководца Чжугэ Ляна в

3-м столетии н.э. В те времена весь Китай был разделен на три царства: Вэй, Шу и У. Герой романа старался объединить их. Один из походов привел его в княжество Мань, где-то на юге Китая. Я не стану описывать здесь, как маньский князь Мын Хо семь раз попадал в плен к Чжугэ Ляну. Когда он наконец понял, что не способен победить армию искусного полководца, то стал добровольно и навсегда китайским союзником.

Победитель Чжугэ Лян возвращался на север. Боги, обитавшие в реке Лушуй, разъярились. Поднялась буря, и река разлилась. Войска Чжугэ Ляна не могли переправиться на другой берег.

Князь Мын Хо, хорошо знавший местные обычаи, посоветовал славному полководцу пожертвовать богам 49 человеческих голов, несколько черных волов и белых баранов. Он обещал, что после этого боги обязательно успокоятся, буря утихнет и спадет наводнение.

Чжугэ Лян был, очевидно, убежденным гуманистом, и ему не хотелось убивать своих воинов. Поэтому он прибег к одной из военных хитростей. Он вызвал повара и приказал ему заколоть быка и коня, сделать из теста шары в форме человеческих голов, наполнить их рубленным мясом, сварить и бросить в реку.

А так как по-китайски голова — "тоу", а голова маньцев — "маньтоу", то с тех пор и называют это блюдо "маньтоу".

Разнообразно приготовленные маньтоу, с начинкой или без нее, едят в Китае повсюду. Проникли они и в соседние провинции. В последний раз я видел их в Пекине и в Гонконге даже в замороженном виде. О том, что они, как правило, вкусны, говорить не приходится. Поэтому я не удивляюсь, что злые духи, проживавшие в реке Лушуй, приняли такое жертвоприношение. Легенда рассказывает, что река успокоилась, и Чжугэ Лян вместе со своими воинами смогли продолжить поход.

В сегодняшнем Китае не слишком-то верят в злых духов. Но население продолжает поедать маньтоу, и с их помощью успокаивать свои бунтующие желудки.

Месяц над морем

На приморском курорте Бэйдайхэхайлинь, расположенном недалеко от Тянциня, был в разгаре летний сезон. Городок заполняли отдыхающие, среди них были дипломаты, иностранные специалисты, китайские дети из летних лагерей и небольшое число китайских кадровых работников.

Море было теплое, пляжи — большие и красивые. Рано утром, после отлива, по берегу ходили китайские дети и собирали в большие корзины медуз для салата, морские водоросли и разную другую живность. Страна, тысячелетиями страдавшая от голода, научилась использовать в пищу все, что хоть немного съедобно. При этом часто совершались крупные кулинарные открытия.

Я жил у знакомых, в маленькой комнатке, ранее предназначавшейся для прислуги. Все равно я проводил в ней только ночь, а целыми днями бродил по пляжам и окрестным деревушкам. Дети поменьше кричали мне вслед "дабицзады" (длинноносый), а те, что постарше и прошли уже какой-нибудь курс политической грамоты, махали мне, дружески смеялись и кричали: "сулянь пэнью" (советский друг).

Когда жара становилась невыносимой, я отступал от своего принципа — питаться в Китае только китайской едой — и ходил в маленькую, европейского вида, кондитерскую, где продавали мороженое. В конце концов, не только за мной водился подобный "грех". В первое же посещение я встретил там президента китайской Академии Наук, Го Мо-жо. Он пришел сюда с внуком поесть мороженого. Мы дружески поздоровались.

Го Мо-жо принадлежал к крупнейшим представителям китайской культуры: он переводил на китайский язык произведения европейских классиков, был поэтом, писателем, критиком и историком. Во всех театрах ставили его пьесы. Его статьи о литературе, истории, науке и критические статьи читались с большим вниманием. Он принадлежал к старой китайской интеллигенции, которая немедленно, без колебаний и оговорок, при-

мкнула к революции. И деятели революции ценили ее и уважали. Мао Цзэ-дун и Го Мо-жо посвящали друг другу стихи, полные взаимного восхищения и уважения, истинный смысл которых остается для нас, "длинноносых" европейцев, большей частью непонятным.

Пребывание у моря постепенно приближалось к концу. На следующий день, утром, должна была приехать из Пекина моя китайская знакомая, с которой я должен был вернуться обратно.

От Бэйдайхэхайлиня до железнодорожной станции Бэйдайхэ, примерно, 25 километров. Я узнал, что к поезду утром поедет автобус, обеспечил себе место в нем и отправился спать.

Однако мне не спалось. Стояла невыносимо жаркая августовская ночь. Влажность воздуха приближалась к 100%. Капельки пара оседали на красных черепичных крышах и каплями стекали вниз. Над морем нависал огромный месяц, обрамленный сияющим ореолом. Из окружающих прудов, ручьев и каналов несся настоящий лягушачий концерт. С соседних деревьев и кустов его сопровождали цикады.

В половине третьего я отказался от попыток уснуть и отправился на небольшую прогулку. Рубашка прилипла к телу, со лба лились потоки пота. Внезапно у меня возникла идея пойти на станцию пешком.

Дорога тянулась вдоль моря, совсем близко от него. Ее часто пересекали каналы, густо поросшие камышом и опьяняюще пахнущими кустарниками. На мостиках через каналы лягушачье кваканье слышалось особенно оглушительно.

Я прошел пару сотен метров и внезапно сильно испугался: из кустов у шоссе вышел мужчина. Неуверенно подойдя поближе, я увидел, что это – солдат с ружьем. Холодная война была тогда в полном разгаре. Солдаты охраняли китайское побережье от нападения американских, японских, чанкайшистских и, кто знает, каких еще армий.

Трудно сказать, кто из нас был больше испуган и удивлен: я или этот вооруженный солдат. Другие солда-

ты, встреченные мной по пути, меня уже не пугали. Первоначальный страх исчез. За мной пристально следили. Значит, мне не заблудиться.

В спящих деревьях, по которым я проходил, к оркестру лягушек и цикад добавлялись еще лаянье собак и хрюканье мелких черных поросят.

А к утру, когда месяц исчез, и небо над морем посветлело и порозовело, к этому концерту присоединились петухи.

О китайских августовских ночах нельзя никак сказать, что они тихие и спокойные.

К железнодорожной станции Бэйдайхэ я дошел почти за час до прихода экспресса Пекин – Мукден. Через полчаса приехал маленький автобус, и заведующий гостиницей с упреком смотрел на меня: как это я смог без его помощи попасть на станцию. Он не мог поверить, что я один рискнул прийти сюда пешком.

Не хотела этому поверить и моя знакомая. Один? Ночью? 25 километров? В незнакомой местности?

С тех пор прошло уже 23 года. И хуже всего то, что когда я всматриваюсь сегодня в эту выцветшую открытку, то сам перестаю этому верить.

Обоготворяю

Я обоготворяю:
обоготворяю солнце, горы, море,
обоготворяю воду, огонь, сопки, большие
реки,
обоготворяю жизнь и смерть,
свет и тьму,
обоготворяю Суэц, Панаму,
обоготворяю Великую Стену, пирамиды,
обоготворяю творческий дух, силу,
кровь и сердце,
обоготворяю бомбы,
обоготворяю печаль,
обоготворяю разрушение,
обоготворяю иконоборца,
обоготворяю себя,
потому что я сам – иконоборец.

*Го Мо-жо
(Май-июнь 1920 г.)*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*

17 ЛЕТ СПУСТЯ

Я — гость и сочиняю стихи

Ланлинское вино с привкусом шафрана
так приятно пить!

Янтарным светом оно искрится
в нефритовых бокалах.

Хозяин гостю вино подливает,
а тот обо всем забывает —
откуда пришел он,
где он теперь, и куда собирался идти...

Ли Бо
(701-762)

Ректор Пекинского университета положил мне палочками на тарелку несколько особо лакомых кусочков и сказал:

— 1975 год был для нас самым лучшим годом во времена Культурной революции. Царил относительный покой. Мы даже могли немного работать и преподавать. 1974 и 1976 годы были гораздо хуже.

Ректор Чжоу Пэй-юань знал, о чем он говорит. Сам он провел несколько лет под совершенно особым домашним арестом. Например, в 1975 году его послали, не-

---

* Все главы "Второй части" этой книги были написаны в декабре 1975 года. Я оставил их практически без изменений (исправлены лишь некоторые ошибки и формулировки), потому что они дают правдивую картину атмосферы, царившей в Китае во время моего второго посещения, и воспроизводят китайские официальные взгляды того времени. Сегодня, 6 лет спустя, я охарактеризовал бы эту часть так: "Попытка понять непонятное".

смотря на арест, в научную и пропагандистскую командировку в США. Он не перестал быть ректором Пекинского университета, но в течение долгих лет не мог исполнять свои обязанности ректора.

Директора Института атомной энергии в Пекине на несколько часов освободили от домашнего ареста, чтобы он смог показать мне "свой" институт и угостить меня обедом.

Мой старый друг получил перед самым моим приездом новую квартиру. Не потому ли, чтобы пригласить меня туда?

А моя давняя знакомая вообще почему-то не хотела (или не смела?) пригласить меня к себе домой.

Открытки из моей второй поездки я писал с большими сомнениями – как постичь непостижимое?

Приглашение

Мы начали понемногу обживать в Скандинавии. После сырой и неприятной зимы наступила прекрасная, но короткая скандинавская весна. Как раз цвели рододендроны, когда я получил – весной 1974 года – письмо из Пекина.

Письмо было написано моим старым другом, физиком, деканом физического факультета Технического университета Циньхуа в Пекине. Этот университет – один из крупнейших в Китае. Мой друг радовался, что я теперь живу на Западе. Он слышал о том, как я был безработным в Чехословакии и как меня преследовали. Он и его друзья очень обо мне беспокоились. В конце шестидесятых годов (значит, – во времена Культурной революции) они даже хотели написать мне в Прагу. Не сделали они это только потому, что боялись ухудшить мое и без того плохое положение. Он написал также, что друзья ценят мое "смелое сопротивление советской оккупации".

Письмо заканчивалось неформальным приглашением: не хотел ли бы я снова посетить Китай?

Тот, кто знает хоть немного условия в Китае, может

себе представить, что скрывается за этим "неформальным" приглашением.

И вот я начал исподволь готовиться к поездке. Возникло немало проблем, требующих решения. Самой серьезной из них было мое чехословацкое гражданство и чехословацкий заграничный паспорт.

В затруднениях с паспортом помог мне чехословацкий министр внутренних дел, лишивший меня гражданства. Я, конечно, обжаловал его решение. Но, поскольку во-время поданное обжалование отсрочивает юридическую силу решения, я поехал в Китай как чехословацкий гражданин, с одолженным шведским документом.

В одной шанхайской коммуне меня приветствовал у входа вручную разрисованный плакат: "Приветствуем дорогого чехословацкого гостя!" Тут я почувствовал себя немного, как говорится, "не в своей тарелке". Дело в том, что за день до этого я получил от жены письмо. К нему была приложена копия официального документа: чешский министр внутренних дел отклонил мое обжалование и окончательно лишил меня чехословацкого гражданства, поскольку я, мол, "наносу ущерб особо важным интересам Чехословакии за границей".

Поэтому я чувствовал некоторые колебания, укрепляя чехословацко-китайскую дружбу в народной коммуне. На чьей стороне правда?

Лично я думаю, что в будущем правы окажутся шанхайские коммунары, а не чешский министр.

Подземный город *

На второй или на третий день моего пребывания в Пекине ко мне пришел один знакомый и спросил, не хочу ли я увидеть нечто интересное. Я ответил:

— Хочу видеть все, что смогу и успею. Для этого я сюда и приехал.

---

* Части этого подземного города служат сегодня как склады, общежития, кино или рестораны.

– Мы покажем тебе систему противовоздушных бомбоубежищ в Пекине, – ответил он.

Меня привезли в подземный город под Пекином. Показали планы бомбоубежищ, объяснили систему гражданской обороны, сигнализации, входов, оборудования, запасов, подземных больниц, одним словом – все!

В подземный город мы спустились из универмага. Провожатый нажал какую-то кнопку, кусок бетонного пола отъехал в сторону, а под ним находилась лестница вниз.

Китайцы строят бомбоубежища повсюду, кроме, может быть, только наиболее южных провинций. И никак не скрывают, что строятся они на случай войны с Советским Союзом. Бомбоубежища лежат на глубине, примерно, 10 метров. Их стены большей частью построены из кирпича (поэтому у меня есть некоторые сомнения насчет их устойчивости в случае прямого попадания атомной бомбы). Строят такие убежища бригады – молодежь и рабочие – в свободное время. У убежищ есть много входов и выходов; их главная цель – дать возможность населению пережить бомбежку и уйти под землей из города. Убежища связаны друг с другом переходами. Они образуют сложную подземную систему и ведут, например, в Пекине, далеко за пределы города.

После осмотра меня пригласили в помещение штаба и предложили чашечку зеленого чая.

– Что вы на это скажете? – спросил меня начальник одного из секторов подземного города. – Есть у вас какие-нибудь критические замечания? Комментарии?

Я сказал:

– Знаете, я чувствую здесь себя немного странно. Когда я несколько лет тому назад, в Чехословакии, зарабатывал на жизнь переводами на русский язык, то нам с женой пришлось переводить проект пражского метро, который должны были ”консультировать” советские специалисты. Мне ни в коем случае не должны были попасть в руки (у меня не было допуска) разделы проекта, касавшиеся ”Защитной Системы Метро”, то есть тех

его частей, которые должны были служить бомбоубежищами. Это было ужасной тайной. Только благодаря какому-то недосмотру, я узнал однажды, что на трассе "Ц", на станции "Кларов", в "Защитной Системе Метро" будут две уборные: одну из них намеревались использовать также в "мирных целях".

"Русский с китайцем — братья навек..." *

Рассказ о советско-китайском конфликте нельзя выбросить из повествования о сегодняшнем Китае. Конфликт этот наложил отпечаток на всю страну, все о нем знают, каждый о нем говорит. Но не каждый разбирается в нем.

Мне нелегко писать об этом конфликте. Лучше было бы вовсе не касаться этого. Я провел в СССР более 10 лет, получил там научное образование, работал как ученый, прошел там и "университеты жизни". Несмотря на все отрицательные и часто отталкивающие явления, я питаю к этой стране, к моим русским друзьям, к русскому языку и культуре очень теплые чувства. Подобные чувства, может, немного более эмоциональные, у меня — к Китаю. И это одна из причин, по которой мне трудно писать о китайско-советском конфликте. С другой стороны, именно этот конфликт расширяет чехословацкую проблему. Это он превращает ее в составную часть глобальной геополитики и повышает шансы ее решения.

Я стараюсь сохранить в моем повествовании максимальную объективность, хотя, как вы сами понимаете, чеху, пережившему 21 августа и 6 лет нормализации, трудно оставаться беспристрастным.

В многочисленных дискуссиях в Китае я не раз ловил себя на том, что начинаю фактически защищать политику Хрущева и иногда даже советскую политику, как только мне казалось, что китайская критика опирается

---

* Слова из популярной в 50-е годы песни.

на неправильные факты, или же неправильно интерпретирует правильные факты. Так, например, где искать корни того, что китайцы называют "социал-империализмом"? В Китае считают, что все началось с Хрущева. Моя же точка зрения такова, что у колыбели всего этого стоял сам Сталин. В Китае Сталина глубоко чтят – его портреты, так же как портреты Ленина. Маркса и Энгельса, можно увидеть на каждом шагу, хотя их все-таки меньше, чем портретов Мао Цзэ-дуна. Я нарочно ограничивал дискуссию сталинской эпохой и вопросом, что вызвало вырождение революции и как такому вырождению воспрепятствовать в будущем. Сталин – повторял я, – бесспорно, отказался от исходных революционных идеалов, создал новую бюрократическую элиту, а тем самым – и новое классовое общество. Сталина необходимо оценивать комплексно, – отвечали мои китайские друзья. И приводили слова Мао Цзэ-дуна:

”У Сталина – 70% положительных черт и 30% – отрицательных”.

Они использовали и другие аргументы: Сталин защитил революцию от всех ренегатов, индустриализировал страну, победил во Второй мировой войне. Революция, мол, сбилась с истинного пути только после его смерти, когда начали возникать и расти классовые различия. Я отвечал им, что все было как раз наоборот: ведь это была именно сталинская политика – материально привилегировать партийных работников и специалистов (в начале 50-х годов наивысшие зарплаты в СССР были в 200-250 раз больше наинизшей зарплаты). Эту вопиющую разницу начал устранять Хрущев и такую политику продолжал Брежнев. Подобно делу обстояло и с захватом чужих территорий, империалистическими договорами о разделе сфер влияния, геноцидом национальных меньшинств. По сравнению со Сталиным сегодняшние советские руководители – настоящие недоучки. Посмотрите только на карту и сравните захваты территорий при Сталине и при Хрущеве. В Китае я часто – волей неволей – служил адвокатом дьяволу.

Я не хочу пускаться здесь в сложный исторический анализ этого конфликта. Думаю, что значительная часть вины, — кроме объективных исторических причин, — вызвана жесткой советской великодержавной политикой; от нее, в конце концов, страдали все восточноевропейские страны, однако, — благодаря своим малым размерам, — они вынуждены были ее терпеть. Китай — огромная страна. Презрительное отношение к нему СССР как к подопечному унижало китайцев вдвойне. Потом наступил 1960 год, разрыв. Десятки тысяч советских специалистов, советников, экспертов и рабочих были внезапно отозваны из Китая. Остались сотни недостроенных заводов, непоставленных запасных частей; специалисты увезли с собой технические планы, документацию, технологию. Для Китая это означало огромную задержку, экономические потери, потерю времени. Прошли долгие годы, пока удалось закончить постройку многих заводов. В Пекине, например, в Институте атомной энергии, до 1975 года не удалось ввести в строй один сепаратор изотопов, строительство которого начали в 1960 году.

Одновременно разрыв послужил наглядным уроком того, какую действительную цену имеют советские заверения в братской любви и дружбе "на вечные времена". И хотя с того времени прошло 15 лет, рана остается открытой до сих пор и поддерживает недоверие Китая к СССР, к его словам и политике.

В Китае считают, что главной опасностью для человечества и мира на Земле является СССР — сравнительно молодая воинственная и ненасытная сверхдержава. Он опаснее, чем США, потерпевшие в последние годы ряд поражений и неудач, и поэтому проявляющие большую осторожность и сдержанность. За такой оценкой скрывается, без сомнения, факт непосредственного соседства с СССР, и связанное с этим у китайцев чувство угрозы.

Согласно китайской точке зрения, советская экспансивная политика наиболее угрожает Европе. После захвата последней — или же после ее "финляндизации" (подчинения своей власти) — СССР смог бы сосредото-

чить больше сил против Китая. Поэтому Китай заинтересован в сильной Европе, и он способствует всему, что ведет к усилению и сплочению Европы.

Советскую политику смягчения напряженности китайцы называют "лжедетантом". Они считают ее фальшивкой, маскирующей настоящие цели СССР.

Территориальные пограничные споры между Китаем и СССР не играют, по всей очевидности, важной роли. Китайцы сами говорят, что тут речь идет скорее о принципе: СССР должен признать, что спорные территории были присоединены в результате империалистической экспансивной политики царской России, вследствие неравноправных договоров и диктатов. И в этом Китай полностью прав. Если, мол, СССР сделает официальное заявление, то Китай не станет настаивать на возвращении этих территорий (это все равно было бы нереалистическим требованием), а согласится вести переговоры о небольших территориальных изменениях.

Китайцы не считают, что напряженность на китайско-советских границах могла бы перерасти в крупный конфликт; они скорее рассматривают эти столкновения как способ отвлечь внимание от главных захватнических стремлений СССР, лежащих в иных сферах. Думаю, что и в этом китайцы правы. Вероятность крупного военного конфликта между Китаем и СССР действительно мала. Даже если бы СССР начал "превентивную" войну сейчас, когда у Китая нет достаточного количества ядерного оружия, его шансы на победу были бы ничтожны: Китай хорошо подготовлен к партизанской войне, у него есть в этом деле огромный опыт, а СССР никогда не смог бы эффективно оккупировать Китай — даже если бы он уничтожил половину его населения в ядерной войне.

Кроме того, время работает в пользу Китая. Промышленный, а также военный потенциал этой страны непрерывно растут. Через некоторое время Китай наверняка догонит своего северного соседа. Советский же Союз никогда не перегонит Китай по количеству населения. Тот факт, что Китай хорошо подготовлен к воз-

можному "превентивному" удару со стороны СССР, уменьшает вероятность такого конфликта. Более того, СССР не имеет никакой уверенности в том, как поведет себя в случае китайско-советского военного конфликта вторая сверхдержава и ее союзники.

С другой стороны, я не могу себе представить какое-нибудь существенное сближение или улучшение отношений между Китаем и СССР в ближайшие годы. Речь ведь идет не только о конфликте – идеологическом, хозяйственном и политическом – между несколькими высшими представителями двух стран; советско-китайский конфликт охватил – вертикально и горизонтально – обе страны. Несколько лет тому назад Мао Цзэ-дун сказал, что он думал, будто для решения советско-китайского идеологического конфликта понадобится не менее 10.000 лет, но после последней встречи с Косыгиным он допускает, что для этого может понадобиться на тысячу лет меньше.

И хотя эти слова надо понимать образно, все же очень трудно представить себе возможность какого-нибудь сближения этих двух держав. По крайней мере, в настоящее время.

Янаньские традиции

Иностранцам с демократическими привычками нелегко в Китае. Особенно, что касается еды.

На официальных банкетах и ужинах проблем не возникает: иностранные гости едят вместе с китайскими друзьями, сопровождающими лицами и переводчиками.

Однако, помимо таких официальных банкетов, питание иностранцев и сопровождающих их китайцев строго отделено. В каждой гостинице имеются отдельные рестораны для китайцев и для иностранцев.

С одной стороны, я понимаю такое разделение. В Китае всегда нехватало продовольствия. Мука, мясо, жиры и яйца до сих пор выдаются по карточкам. На питание иностранца затрачивают, по меньшей мере, в восемь раз больше денег, чем на питание его гида. Или,

если угодно, – продукты, съедаемые гостем за неделю, стоят больше, чем месячная зарплата университетского доцента.

С другой стороны, такой порядок неприятен, почти оскорбителен. Я сам чувствовал это как какое-то личное ограничение. Я путешествовал по Китаю один, и был, таким образом, вынужден завтракать, обедать и ужинать в полной изоляции. Моя неугомонная натура противилась этому. Я старался убедить моих гидов, просил, доказывал, что это из рук вон плохой обычай. Предлагал им, что буду кушать с ними по китайским нормам. Только пусть это будет в их компании. Но ничего не помогало. Вернее, не помогало, пока мы не приехали в Яньань.

В Яньане во время войны находилось руководство коммунистической партии Китая. Там закончился легендарный Великий поход. Оттуда руководили китайской революцией и освобождением Китая.

Я осматривал пещеры, в которых жило в те времена китайское руководство. Мне показали столовую, где Мао Цзэ-дун делил скудную еду с простыми солдатами. Я услышал десятки историй, а отчасти, легенд, о демократичности, простоте и скромности тогдашней жизни.

Во время первого дня в Яньане прославленный революционный город буквально заразил меня своим духом и традициями. В первый же вечер я взбунтовался:

– Жаль, что все это теперь – лишь история, что яньаньские традиции уже давно не существуют в Китае, – заметил я.

Китайцы были удивлены, не поняв как следует, что я имею в виду. Тогда я начал повторять услышанные мною в течение дня истории о временах революции.

Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ ели вместе с простыми солдатами. Почему же я, ради бога, не могу есть вместе с вами?

На сей раз моя критика подействовала. Старший по служебному рангу китаец куда-то исчез. Какие шаги предпринял старый Дун, мне неизвестно. Но примерно через полчаса он вернулся и победоносно сообщил:

– Ладно, можешь есть с нами. Но это – только в Яньане, чтобы тебе было ясно.

Так случилось, что в Яньане я ел в столовой для китайцев. Еда была более скудная, но хорошего качества. Благодаря моему бунту, я познакомился с некоторыми блюдами, обычно не предлагаемыми гостям: например, сяоми (чумиза) или гаолян (маньчжурское пшено).

После Яньаня я снова должен был есть в одиночестве. Я все время старался убедить моих гидов, что яньаньские традиции надо было бы распространить на весь Китай. И хотя я говорил об этом с улыбкой, но относился к этому всерьез.

Я отношусь к этому всерьез и теперь, когда пишу эти строки. Яньаньского духа не хватает в Китае еще во многом, – причем, не только в отношении к иностранцам.

Постель председателя Мао

Я второй день в Яньане. Посмотрел уже большинство исторических памятников и помпезный музей революции. Музей этот я смотрел с интересом и волнением, несмотря на то, что сама экспозиция – по ее форме и способу трактовки – вызвала у меня сомнения и скепсис. Вот здесь закончился Великий поход. И вот здесь решалась судьба миллиарда человек.

Несмотря на все перемены, происшедшие за последнее десятилетие, Яньань остался небольшим провинциальным городом. Маленькие каменные домики с резными ставнями и дверями. В окнах вместо стекол часто вставлена пергаментная бумага. Внутри обычно – только одна комната, в которой, прямо на глазах у прохожих, проходит жизнь многочисленного семейства.

На улицах города стояли лужи. Ноги утопали в грязи. Каждый спасался от непрерывного дождя как мог. В ход шло все: зонтики, обычные и солнечные, резиновые плащи и деревенские накидки из соломы. Я с любопытством заглядывал в аптеки, где современная фар-

мацефтика мирно сосуществовала с традиционными китайскими травами, корнями, рогами, жемчужинами и, бог весть, с чем.

Магазины с тканями угнетали однообразием серых и голубых тонов.

Очереди за яйцами и свининой, в то время – по полкило на человека в месяц. Из магазина женщины несли мясо, подвешенное на веревочке, – не хватало оберточной бумаги.

В одном из домиков, где когда-то жил Мао Цзэ-дун, экскурсовод подробно рассказал о его жизни. Я с большим интересом осматривал обстановку: два деревянных кресла и маленький столик посередине, чайные чашки и традиционная китайская плевательница, книжная полочка, стол.

Мао Цзэ-дун занимал две комнаты. Одна из них предназначалась для гостей и для дискуссий; во второй находились только вешалка, письменный стол и стул. На столе, под стеклянным колпаком, как святая реликвия, хранилась ватная накидка. Вождь китайской революции дал ее своему телохранителю, когда на улице было очень холодно. И тот хранил ее "как зеницу ока" и передал в музей.

В углу стояла постель. Простая скромная постель. Наш гид – девушка в голубой форме, с позолоченным значком Мао Цзэ-дуна – окончила свой рассказ и спросила, нет ли у меня вопросов. Вопросы напрашивались сами. Сохранились ли комнаты в своем первоначальном виде? О, конечно! Сохранилась ли первоначальная обстановка? Естественно! И последний вопрос: жил ли в этом доме Мао Цзэ-дун со своей женой Цзян Цин?

– Что вы имеете в виду?

– Именно то, что я говорю. Эта постель кажется мне чересчур узкой. Я не могу себе представить, что Мао Цзэ-дун спал на ней со своей женой.

Девушка покраснела, начала заикаться и, наконец, совсем замолчала. Мои вопросы шокировали ее.

– Я не совсем уверена, как это все было на самом деле..., – сказала она и быстро закончила осмотр домика.

На следующий день я посетил пещеры, в которых, после того как японские самолеты начали бомбить Яньань, размещалось руководство КП Китая. Только пещера, где жил Мао, тщательно сохранялась и была открыта для посетителей. Пещера, где жил Чжоу Энь-лай, оказалась закрытой. А пещеры Лю Шао-ци и Чжу Дэ я вообще не нашел. Пещера Мао была вырублена в скале. Она состояла из двух помещений, за которыми находилась глубокая яма в скале, служившая бомбоубежищем.

На сей раз моим гидом оказалась женщина средних лет, улыбчивая, в голубой форме, со значком Мао на груди.

– В этой пещере жил председатель Мао Цзэ-дун со своей женой, товарищем Цзян Цин. А это была их спальня, – добавила она и заговорщицки мне улыбнулась.

Поскольку постель в этой спальне была столь же узкой, я так и не получил ответа на свой вопрос.

Культурная революция

Признаюсь откровенно, что Культурная революция вызвала у меня настоящий ужас. Когда она только началась, я жил еще в Чехословакии, и получаемая мною информация – из чешских или советских источников – была сильно искажена. В 1968 г. и позже, понятно, у меня были другие заботы. И только перед отъездом в Китай я старался дополнить мои сведения из литературы. В Китае же приходилось говорить на эту тему десятки часов.

Но хотя я говорил открыто и часто задавал провокационные вопросы, смысл многих вещей ускользал от меня. После моего возвращения, я говорил о Культурной революции со значительными сомнениями.

Что это, собственно, было такое – Культурная революция? Была ли это только политическая борьба между отдельными группами, или это была борьба с пережитками у людей, с их психологией, унаследованной от старого общества? А может, это была дальнейшая фа-

за революции 1949 г., направленная против вновь возникающих правящих групп, часто живущих в такой же роскоши и в таком же отрыве от народа, как это было в дореволюционном Китае? То есть, некое продолжение предшествующей революции? А как она проходила, каковы были ее формы, и, главное, ее последствия?

Дискуссии о китайском пути к социализму особенно остро проходили в китайском руководстве после многих неудач, постигших Китай в конце 50-х годов. К таким неудачам можно отнести кампанию "Пусть расцветают сто цветов – пусть соревнуются сто учений", крах "Большого скачка вперед", разрыв с СССР и последствия катастрофических трудностей в народном хозяйстве в начале 60-х годов. Несмотря на то, что Мао Цзэ-дун пользовался в Китае постоянно огромным авторитетом и популярностью, он очутился в 1962-1965 гг. в политической изоляции и, видимо, в меньшинстве в руководстве партии. Это проявилось в ряде критических статей и выступлений, прямо или косвенно – в китайских аллегориях или в письмах – критиковавших Мао Цзэ-дуна и его политику. В качестве примера я упомяну здесь известные эссе бывшего главного редактора "Женьминьжибао" Дэн То и критическое письмо Пэн Дэ-хуайя, адресованное Мао Цзэ-дуну.

Главными противниками Мао Цзэ-дуна были Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пин – поборники более прагматической и реалистической политики: первенства экономики над политикой, быстрой индустриализации, если надо – и за счет деревни, создания привилегированной прослойки технической интеллигенции и менеджеров, вступления Китая на международную арену. Мао Цзэ-дун, напротив, исходил из крестьянской сущности Китая, и сосредотачивал свое внимание на быстром и привилегированном развитии деревни, на устранении различий между городом и деревней, между интеллигенцией и трудящимися даже ценой того, что город замедлит свое развитие.

Политика Мао Цзэ-дуна сильно отражала его нетерпение увидеть дело своей жизни – китайскую революцию – завершенным. Он как бы хотел перепрыгнуть че-

рез целые исторические эпохи: в действительности же его неразумная политика задержала развитие Китая на целые десятилетия. Выступление Мао Цзэ-дуна против контроля рождаемости в конце 50-х годов (он сказал тогда, что 600 млн. потребителей – это также 600 млн. производителей, а Китай – это неисписанный лист бумаги, и от нас зависит, что мы на нем напишем) привело к новому росту рождаемости, ”взрыву”, с последствиями которого страна не может справиться до сих пор. ”Большой скачок вперед” полностью дезорганизовал административный аппарат, который – вместо управления страной – стал заниматься переплавкой кухонных кастрюль на никому ненужную сталь в маленьких примитивных печах. Мощные ирригационные каналы, на постройку которых было мобилизовано около 100 млн. человек, уничтожили 45 млн. га пахотных земель. Лозунг ”Ограничить посевные площади на одну треть” (рассчитывали на огромное повышение урожая с гектара, а оставшиеся две трети посевных площадей должны были использоваться для плодоводства или же ”отдыхать”) привел страну к катастрофическому голоду. О последствиях Культурной революции говорить не приходится – это была самая страшная катастрофа в современной истории Китая.

Мао Цзэ-дун придерживался точки зрения, что идеологическая и политическая борьба никогда не кончается: неравновесие (беспорядок) – это общее явление, объективный закон; оно нормально и абсолютно. Равновесие (порядок) является в развитии общества лишь состоянием временным, преходящим... Согласно духу этой философии и находясь в изоляции, Мао Цзэ-дун решил, что в Китае создан новый, привилегированный слой партийных и государственных работников, который враждебно относится к его революционным идеям, и что ему не удастся ликвидировать или ослабить этих своих врагов обычными политическими методами. Он видел только единственный выход: ”искать помощи у масс”. Культурная революция началась в 1966 г. как некий призыв к гигантскому океану народных масс. И послед-

ствия ее тоже соответствовали китайским масштабам. Это был призыв к поддержке одной идеологической и политической концепции, которую Мао Цзэ-дун считал единственно правильной для Китая. Он обратился к населению и, в особенности, к молодежи:

”Никто не смеет говорить от имени масс. Верь массам, положишься на них, уважай их инициативу. Отбрось свой страх. Не бойся беспорядка... Пусть массы сами себя воспитывают и учатся различать между добром и злом...”.

Так начиналась так называемая ”Великая пролетарская Культурная революция”; и огромная страна вскоре начала буквально сотрясаться от ее последствий. Ничто и никто не могли быть уверены, что революция их пощадит. Движущей силой Культурной революции стали хунвэйбины (красные гвардии), совершившие несчетное количество преступлений и отличившиеся часто своей жестокостью. В руках неопытной и фанатичной молодежи очутилась почти полная власть. Фанатизм всегда опасен, а фанатизм молодежи, не контролируемый жизненным опытом, еще гораздо опаснее. Многотысячные толпы хунвэйбинов перекатывались от города к городу, окружали районные и областные комитеты, создавали революционные комитеты и хотели уничтожать ”феодальные” или ”буржуазные” памятники культуры. К счастью, и к немалому удивлению, в большинстве случаев нашлись и другие люди, воспрепятствовавшие этому.

Культурная революция вела местами к положению, граничившему с гражданской войной, иногда – к местным гражданским войнам. Мао Цзэ-дун сам говорит о ”всеобщей гражданской войне”. В 1967 г. премьера Чжоу Энь-лая двое суток держало в окружении полмиллиона ультрарадикальных хунвэйбинов, которые хотели захватить архивы Центрального Комитета партии и арестовать Чжоу Энь-лая. Двое суток он старался убедить их в бессмысленности и вредности их действий и, наконец, добился того, что хунвэйбины отступили.

В университете Циньхуа сто дней продолжалась гражданская война. Отдельные группы студентов боролись друг с другом с помощью оружия, сделанного вручную. У них были даже самодельные танки. В университетский городок должна была прийти армия. Последняя конфисковала оружие и восстановила порядок.

Пропаганда, дискуссии, собрания, митинги должны были быть главными средствами Культурной революции. Введение "Дацзыбао" (газеты, написанной большими иероглифами) фактически устранило цензуру. В ней каждый мог писать, что хотел, или критиковать, кого захочется. Стенгазеты вошли в новую китайскую конституцию (1975 г.). Ее 13-я статья гласит:

"Говорить свободно. выражать открыто свою точку зрения и писать дацзыбао – это новые формы, с помощью которых массы продолжают осуществлять социалистическую революцию...".

Культурная революция означала, в первую очередь, серьезное нарушение нормальной жизни всего общества. В высших учебных заведениях обучение прекратилось, по крайней мере, на 3 года. Прекратилось обучение также в начальных и средних школах. Работа большинства научно-исследовательских институтов тоже замерла. Во многих промышленных отраслях долгое время либо тоже полностью остановилась работа, либо производство было сильно нарушено. Меньше всего пострадала деревня, то есть производство продуктов питания.

Культурная революция окончилась "победой линии Мао Цзэ-дуна" и устранением Лю Шао-ци и его приверженцев, из которых лишь Дэн Сяо-бин вернулся позднее в состав нового руководства.

Последним большим событием Культурной революции была загадочная и противоречивая попытка Линь Бяо бежать в СССР (его самолет потерпел аварию где-то над Монгольской Народной Республикой) и арест его соратников.

В сентябре 1971 г. в Китае произошла попытка совершить военный переворот: заговорщики, во главе

которых стоял якобы сын Линь Бяо – Линь Ли-го, пытались совершить покушение на Мао Цзэ-дуна и захватить власть. Их истинные цели, а также роль в заговоре Линь Бяо не совсем известны. Ясно одно: после неудачной попытки совершить переворот и раскрытия его участников Линь Бяо с семьей и несколькими ближайшими соратниками вылетели в самолете "Трайидент" по направлению к СССР. Линь Бяо – бывший заместитель председателя КПК и министр обороны КНР – был одним из активных создателей культа личности Мао Цзэ-дуна. Это он составил "библию" из цитат Мао Цзэ-дуна и распространил ее по всему Китаю в десятках миллионов экземплярах. Вспоминается документальный фильм, заснятый на IX съезде КПК: Линь Бяо восторженно машет с трибуны красной книжицей. Лицо – фанатика. Рядом с ним стоит улыбающийся Чжоу Энь-лай (без книжицы) и сдержанно аплодирует. Линь Бяо был даже официально провозглашен преемником Мао Цзэ-дуна. Будучи министром обороны, он создавал современную и привилегированную армию – ее особая роль до сих пор чувствуется на каждом шагу. Сейчас ему ставится в вину много грехов, среди которых – пропаганда реакционной, конфуцианской философии и ее принципов.

Конфуцианство и культ личности, создание наивысшего и никогда не ошибающегося авторитета в государстве, служащего основой государства и его стабильности, действительно очень близки друг к другу. Но хотя к Линь Бяо сегодня относятся как к "изменнику и ренегату" и по всей стране идет борьба с конфуцианством, культ Мао Цзэ-дуна все-таки остается. После пережитого в СССР и в Чехословакии культ личности оставил одно из наиболее отталкивающих впечатлений от моей второй поездки в Китай.

Культурная революция осталась для меня и сейчас крайне сложным вопросом. Я не скрывал своих сомнений в целом ряде дискуссий с китайскими друзьями, приводя три ее наихудшие стороны.

Во-первых, она может вести к катастрофе, то есть к гражданской войне с огромными потерями человеческой жизни и хозяйственной разрухой.

Во-вторых, Культурная революция задерживает историческое развитие Китая, тормозит его стремление догнать остальные страны, замедляет развитие науки, техники и промышленности. Она также ухудшает международное положение Китая, изолирует его.

В-третьих, неправдоподобно, чтобы Культурная революция могла повториться в промышленно более развитом и находящемся на более высоком уровне обществе, к которому Китай — желает он этого или нет — движется. Поэтому невозможно считать Культурную революцию каким-то универсальным лекарством против "вырождения революции".

Мои друзья отвечали на это, что их модель социализма имеет ряд механизмов, способных воспрепятствовать Китаю скатиться на советский путь — партию, конституцию, профсоюзы, кружки политпросвещения, школы 7-го мая. Все это должно защитить Китай перед "изменой" революции. Но если все эти перечисленные механизмы не оправдают себя, то снова должна прийти Культурная революция. Пусть хоть десять или двадцать раз! Ведь Мао Цзэ-дун говорил (поучали они меня) :

"Революционная борьба, классовая борьба могут продолжаться еще десять тысяч лет".

"Да, удручающая перспектива, — думал я тогда. — Но в китайских масштабах, очевидно, это не столь уж долгое время..."

Самокритика (документ эпохи)

"Я чувствую, что доклад товарища Ши Си-миня касается и меня лично. Если быть откровенным, я слушал его с болью в сердце, потому что друзья и товарищи по работе в большинстве своем считают меня работником культуры, некоторые даже называют меня писателем,

поэтом и одновременно – историком. За несколько десятилетий я написал и перевел много книг, в объеме, наверняка, нескольких миллионов иероглифов. Согласно сегодняшним критериям, все, что я до сих пор написал, надо было бы сжечь, потому что, по правде говоря, все это никуда не годится.

Почему? Я не овладел учением Мао Цзэ-дуна, не вооружился его идеями, и поэтому иногда занимаю неправильную классовую позицию. В последнее время в печати проходит обширная критика литературы и истории. Это очень правильно. Я прочел почти все критические статьи. Причем я не читал их как посторонний наблюдатель, а связывал их с перевоспитанием самого себя. Почти все статьи, все критические замечания требуют, чтобы я провел "революцию" в самом себе. Я не бросаю слов на ветер. Это правда. Я не сумел понять идеи Мао Цзэ-дуна и не перевоспитал самого себя.

Я действительно литературный и культурный работник. Кроме того, – председатель Всекитайской федерации литературных и культурных работников. Нельзя сказать, что я не несу ответственности за возникновение вредного течения. Двадцать лет прошло с тех пор, как председатель Мао выступал в Яньане на совещании о литературе и искусстве. Я читал его выступления много раз... Иногда я говорю о необходимости служить рабочим, крестьянам, солдатам, о том, что нужно учиться у них. Однако, все это – только слова. Говорить и писать о марксизме-ленинизме еще не означает по-настоящему работать, не означает претворения этого учения на практике, не означает, что я поступаю согласно заветам Мао и овладеваю его идеями.

Мне стыдно за все это до глубины души. Председатель Мао уже 20 лет тому назад учил нас, чтобы мы служили рабочим, крестьянам и солдатам. Сегодня не мы служим рабочим, крестьянам и солдатам, а они служат нам. Рабочие, крестьяне и солдаты, изучившие труды председателя Мао, пишут сегодня лучше, чем я. Мы – работники литературы и искусства, историки и философы – должны особенно уделять внимание глубокому

анализу. Меня мучает совесть, что я не смог должным образом перевоспитать самого себя.

В докладе, например, говорится о книге "Песнь об Оу Ян-хае". Это эпохальный роман. Его автор, Цинь Цин-най, был несколько лет солдатом. В настоящее время он участвует в военном художественном коллективе провинции Гуандун. Автор сумел показать Оу Ян-хая действительно очень живо. И тем самым на практике воплотил мысли Мао. Товарищ Оу Ян-хай погиб в 1962 г. Автор показал в этом романе почти все политические течения и линию партии до 1962 г., а также почти все идеи председателя Мао. Думаю, что сегодняшние, так называемые литературные и культурные работники-профессионалы не смогли бы так написать, потому что солдаты служат нам, а не мы — им.

В докладе упоминалось также о скульптурной композиции, названной "Двор, на котором взимают сельскохозяйственный налог". Это — настоящая революция в скульптуре. Сейчас эта композиция выставлена в Музее изобразительного искусства. Я видел ее трижды. Это произведение потрясает человека до глубины души. Многие посетители плачут, увидев его, потому что оно напоминает им собственную жизнь. Думаю, что ничто не действует так сильно, как глиняные скульптуры. Они действуют сильнее, чем скульптуры из гипса, мрамора или белой китайской яшмы. Эта композиция — действительно выдающееся произведение и означает революцию в искусстве. Его творцы смогли достичь успехов благодаря тому, что овладели идеями председателя Мао и творческим способом воплотили их.

Многие крестьяне изучают учение Мао Цзэ-дуна лучше, чем кто-либо из нас, представителей интеллигенции. Мы, представители интеллигенции — болтливые философы, историки и т.д. по сравнению с ними и не заслуживаем носить такой титул.

Нам действительно стыдно, особенно мне. Как члену партии и как ученому мне хочется прямо плакать.

Мы не только не служим рабочим, крестьянам и солдатам, но, наоборот, в области культуры, истории и фи-

лософии они служат нам. Мы должны быть благодарны рабочим, крестьянам и солдатам, поклоняться им как признанным учителям, поскольку они действительно овладели идеями Мао и претворяют их в жизнь творческим образом.

Мое сегодняшнее письмо – это отражение моего душевного состояния, которое я переживаю уже долгое время. Я выразил здесь то, что накопилось у меня на сердце. Теперь я должен как следует учиться у рабочих, крестьян и солдат, но пока не может быть и речи о том, чтобы я служил рабочим, крестьянам и солдатам. Я должен поклоняться им как признанным учителям.

Мне более 70 лет, но у меня еще сохранились смелость и воля. Если я должен вывалиться в грязи, то сделаю это с радостью. Если я должен вывалиться в мазуте, то сделаю это с радостью. А если на нас нападут американские империалисты, и надо будет проливать кровь, то и я хочу бросить в них несколько гранат.

Сейчас надо учиться у рабочих, крестьян и солдат, а если будет возможность, то хорошо им служить.

Го Мо-жо
в возрасте 74 лет,
весной 1966 г.”

Школы 7-го мая

Во времена Культурной революции школы 7-го мая стали неотделимой частью китайской жизни. Не сказал бы, что слишком приятной. Однако, все же очень характерной. Через них прошли все мои друзья. Каждый из них провел в одной из таких школ не менее полугода, чаще же всего – один год или даже больше.

Основная идея таких школ была следующей: кадры партийных работников, врачей, инженеров и, естественно, всех интеллектуалов – писателей, ученых, учителей и т.д. – необходимо не только критиковать, но также – непрерывно воспитывать, совершенствовать, ”вернуть народу”, из которого они вышли. Для этой цели по

всему Китаю были организованы школы 7-го мая. В школах люди должны были прежде всего осознать, что быть руководителем – это не привилегия на всю жизнь, что руководящие кадры должны знать и понимать жизнь и проблемы простых людей.

Школы обычно размещены где-нибудь в провинции, в сельскохозяйственных районах. Партийные работники живут и работают там в очень простых условиях, помогают в соседних деревнях, работают в сельском хозяйстве или промышленности. Пребывание в школе продолжается год или иногда дольше. Физическим трудом занимаются, примерно четыре часа в день: работают в поле, учатся производить различные промышленные изделия, знакомятся с промышленным производством.

Надо заметить, что китайские интеллектуалы, инженеры, ученые и партийные работники по традиции высокомерно относились к физическому труду и прямо-таки боялись его и брезгали им.

Остальная часть дня в такой школе посвящается чтению, дискуссии о политике, занятиям марксизмом, философией, политической экономией. В библиотеке школы 7-го мая в Наньиване я видел целый ряд трудов разных "ренегатов", "предателей" и других подозрительных лиц. Например, книгу Лю Шао-ци "Как стать хорошим коммунистом". Подобные книги тогда называли "отрицательными учебниками".

В 1975 г. школы 7-го мая стали неотъемлемой принадлежностью политической системы. Пребывание в школе ограничили 6-ю месяцами; командировку в школу стали планировать заранее; кадры получали в школе ту же зарплату как на работе. Им разрешалось брать отпуск, чтобы повидаться с семьей.

В Китае считали, что каждый, не занимающийся физическим трудом, должен в течение своей жизни два или три раза пройти школу 7-го мая.

Директор школы в Наньиване сказал мне, что, с его точки зрения, каждый кадровый работник и интел-

лектуал должен раз в десять лет провести полгода в такой школе жизни...*

Народные коммуны

Народная коммуна в сегодняшнем Китае — это производственная единица в сельском хозяйстве, некий отдаленный китайский двойник советских колхозов или чехословацких единых сельскохозяйственных кооперативов.

Возникновение народных коммун явилось важным этапом в современной китайской истории. Вскоре после основания КНР (в июне 1950 г.) был принят закон о земельной реформе: коммунистическая партия выполнила свое давнее обещание и дала землю безземельным крестьянам. Этим она укрепила свое влияние и получила поддержку крестьянства, составлявшего в те времена 90% населения страны.

Согласно первоначальным замыслам руководства компартии, китайское сельское хозяйство должно было вначале консолидироваться, а главное — модернизироваться. После введения хотя бы частичной механизации, т.е., через несколько десятилетий, планировали перейти к коллективизации. Однако, уже в 1955 г. Мао Цзэ-дун по собственной инициативе (и опираясь на свой огромный авторитет) провозглашает политику коллективизации. В октябре 1955 г. начинается всеобщая кампания. В течение 18 месяцев, т.е. уже к весне 1957 г., процесс коллективизации был уже почти закончен: более 100 млн. усадеб объединились для совместной обработки земли. Коллективизация китайской деревни обошлась — благодаря доверию, которое коммунистическая партия снискала в течение антияпонской и народно-освободительной войны, а также благодаря земельной реформе — без какого бы то ни было значительного сопротивления крестьян и без применения насилия

---

* В конце 1978 г. школы 7-го мая были отменены.

(в отличие от массового террора, сопровождавшего в 30-е годы сталинскую политику коллективизации в СССР).

Но вновь созданным кооперативам не дали возможности и времени "прийти в себя". Уже в июле 1958 г. создаются первые народные коммуны, которые должны были представлять собой высшую форму организации китайской деревни. Речь шла о некоей попытке перегнуть время, и с помощью волшебного "ковра-самолета" (народных коммун) перенести китайское сельское хозяйство через несколько общественных эпох: из рабской или феодальной систем – минуя капиталистическое общество – прямо к социализму или даже коммунизму. В истерической атмосфере "Великого скачка вперед" переделка кооперативов в коммуны прошла и закончилась очень быстро: в Китае было основано 25.000 народных коммун. (В 1962 г. число коммун в результате реорганизации возросло и достигло 70.000. Чересчур большие коммуны оказались трудно управляемыми.)

Коммуны отличаются по своим размерам – они насчитывают от нескольких тысяч до ста тысяч членов. Но коммуна – это не только сельскохозяйственная производственная единица. В ней также существует промышленное производство, часто имеющее даже общегосударственное значение. Кроме того, коммуны – это не только производственные единицы, но и административные, где государственный административный орган берет на себя функцию управления производством. Во главе коммуны стоит революционный комитет, объединяющий три функции: народного совета, руководства с/х кооперативом и руководства промышленным производством. Членов народного комитета избирают. Руководят революционными комитетами партийные органы.

Коммуна заботится о школах, снабжении, строительстве, коммуникациях, финансах, социальном обеспечении, здравоохранении и культуре. Большие коммуны могут, например основать высшее учебное заведение для с/х работников. Или высшую школу для "босоно-

гих” врачей (как в Китае называют фельдшеров).

Производственная деятельность коммун отчасти диктуется государственным планом, отчасти же о ней принимает решения само руководство коммун. В некоторых коммунах промышленное производство составляет половину, а иногда — и большую часть общей продукции. Коммуны сами устанавливают пропорции между промышленным и с/х производством, сами выбирают тип промышленности.

Китайский крестьянин сильно отстает — в социальном и других планах — от городского жителя. Промышленное производство в коммунах служит не только их индустриализации, но оно также направлено к другой цели — поднять крестьянина до уровня рабочего или городского жителя. Таким образом, коммуны должны помочь в решении одной из центральных проблем: уменьшить различия между городом и деревней.

В коммунах, где я побывал, тщательно использовали каждый участок земли, почва была образцово возделана. Благодаря искусственному орошению, в южных районах Китая — от Шанхая к югу — урожаем убирают три раза в год. Оросительные каналы всесторонне используются: они не только служат источником влаги, но по ним перевозят в лодках с/х продукцию, в них разводят рыбу и жемчужниц; в последнее время даже пробуют выращивать в них (на особых плотках) арахисовые орехи.

Промышленность в коммунах также разнообразна. Здесь можно встретить производство традиционных лекарств, текстильную промышленность, ремонт с/х машин, кирпичные и стекольные заводы, производство керамики, металлических изделий, легкую промышленность, производство с/х машин и т.д. Деревня механизуется своими силами, потому что Китай пока не в состоянии создать централизованную промышленность, которая могла бы снабжать сельское хозяйство необходимой техникой. Такую политику в Китае называют “ходьбой на двух ногах” — это означает одновременное создание как крупной, современной, так и мелкой,

местной промышленности. С первоначальной идеей коммун как автономных единиц теперь уже расстались, так как она противоречила центральному руководству и планированию.

Коммуны прошли за последние годы интересное развитие. Ряд первоначальных представлений – например, совместное питание, совместное обучение детей, по-военному строгая организация производства – сами себя изжили. Совместное питание продержалось всего год – сегодня каждая семья сама готовит себе еду. Подобная судьба ждала и другие нереальные замыслы.

В последнее время (в 1980 г.) управление коммун было сильно децентрализовано – основной управляющей единицей стала бригада. Отдельные производственные группы даже получили землю в постоянное пользование.

Члены коммун могут строить сами (или с помощью коммуны) жилые дома с небольшими приусадебными участками, площадью в 1 му (15 му – 1 га). Участки эти тщательно возделываются, и урожай с них составляет немалую часть дохода крестьян. Приусадебные участки сегодня уже не представляют никакого идеологического "греха". Доход, получаемый крестьянами, может сильно отличаться в различных коммунах. Обычно он составляет 100-200 юаней в год. Сумма эта невелика, но поскольку в семье работает обычно несколько человек, да еще коммуна дает некоторые продукты в натуре – зерно, мясо, яйца, овощи – то хотя бы преуспевающие коммуны способны обеспечить своим членам минимальный жизненный стандарт. Но как обстоит дело в отдаленных коммунах, которые не показывают иностранцам? Об этом я не могу судить.

В коммунах существуют собственные небольшие больницы и амбулатории. Тут, наряду с европейскими образованными врачами, работают врачи, возвращенные на традиционной китайской медицине, а также – фельдшеры. За лечение надо платить. В последнее время в некоторых коммунах начали создавать больничные кассы. Члены коммуны платят ежемесячные взносы, из кото-

рых потом черпаются средства на медицинское обслуживание.

Образование в коммунах, как правило, 8-летнее, во всяком случае, – вокруг больших городов. Среди крестьян постарше еще много неграмотных или полуграмотных, умеющих написать лишь собственное имя. Настораживает рост неграмотности среди молодежи в деревне в последние годы. Это последствие Культурной революции, проявление недоверия крестьян к политике центра.

За последние 25 лет китайская деревня прошла сложное и бурное развитие. Самыми крупными проблемами в коммунах были вечные движения и вечная борьба (против зол действительных и вымышленных), а также – некомпетентное административное вмешательство в жизнь коммун со стороны вышестоящих партийных и государственных органов. Такое вмешательство связывало инициативу людей, вредно действовало на с/х производство.

Несмотря на все недостатки и проблемы, связанные с введением коммун, думаю, что их возникновение означало положительный шаг в развитии китайской деревни. Но с окончательной оценкой китайской с/х политики придется еще подождать пару лет. Уже теперь в стране можно услышать голоса, что не все было таким уж розово-оптимистичным, как писали раньше. Весной 1980 г. газета "Женьминьжибао" написала, что возникновение коммун не оказало никакого положительного влияния на жизненные условия 100 млн. крестьян, т.е. восьмой части деревенского населения страны.

Я не строю себе иллюзий – мой взгляд на коммуны поверхностный. Но все-таки я надеюсь, что для читателя, вообще ничего не знающего о коммунах, мой рассказ принесет хотя бы некоторые сведения.

Лучший чай во всей Поднебесной

В Ленинграде мои китайские друзья каким-то образом проведали, что я люблю хороший чай. Перед моим

отъездом они стали приносить мне подарки: пакетики и баночки с чаем. Таможенник в Праге крутил головой и не хотел верить, что все это богатство я везу только для себя одного. "Вы не сможете выпить этот чай за десять лет!" – заявил он.

К чаю я пристрастился с детства. Вспоминаю, как бабушка во время войны процеживала чай через ситечко и вымоченные листочки сушила на печи, на листах желтой бумаги, а потом смешивала их со свежими листочками, чтобы сэкономить. До сих пор такое кощунственное обращение с чаем вызывает у меня содрогание.

После войны чай невозможно было достать. Как о большом празднике вспоминаю приход дяди, принесшего килограммовую консервную банку чая из ЮНРА (американская послевоенная помощь). Долгие годы я хранил эту зеленую армейскую банку как особую реликвию и воспоминание о первом вкусном чае, отпробованном мною.

Во время учебы в СССР моя любовь к чаю укрепилась: я открыл различия между чаем грузинским и азербайджанским, краснодарским, индийским и цейлонским, а также – китайским. Позже я обнаружил существование зеленого чая – узбекского и кавказского, чая черного и плиточного.

Из каждой заграничной поездки я возвращался с новыми и новыми сортами. Своей страстью к чаю я заразил многих друзей.

О том, что я бессознательно проповедовал культ чая, мне довелось узнать только 30 лет спустя, во время церемонии чаепития Зен, в японской Высшей школе чайного искусства, в Киото. Эта школа существует 500 лет и славится своими традициями. При всей скромности, могу утверждать, что к многим из принципов этой школы мне удалось дойти самостоятельно. А что касается качества, то мой черный (или красный, как говорят китайцы) чай ничуть не хуже, чем их зеленый взбитый напиток.

Во время моей первой поездки в Китай я проводил много времени в магазинчиках около Ванфунция, с любопытством рассматривая, обнюхивая и ощупывая самые различные сорта чая.

В рестораниках я попивал зеленый чай. В одном богатом шанхайском доме меня угостили красным чаем, с плавающими в нем лепестками роз. Он прекрасно освещал в августовскую жару. Жасминовый чай (зеленый или желтый) приводил в восхищение многих моих знакомых и помогал гасить "пожары" во рту и в желудке, вызванные моими попытками воспроизвести сычуаньскую кухню.

К зеленому чаю с поэтическим названием "Лунцин" (родник дракона) человек должен сначала привыкнуть и знать, где и по какому случаю его надо пить. Я не советовал бы пить его ни к завтраку, ни к обеду. Он годится, скорее, к политическим дискуссиям. Улунский же чай подходит к философским размышлениям.

Китайские красные чаи (хунча) человек должен научиться отличать и ценить. Какова разница, например, между индийским чаем и китайским кимуньским! Насколько отличаются их вкус и аромат! И как они различны по цвету!

При приготовлении чая самую важную роль играет вода. Я вполне понимаю английскую королеву, которой поставляют воду для чая самолетом — из лучших шотландских источников. Когда я впервые в Дании попробовал сварить чай, то пришел буквально в отчаяние, и мною овладело желание попросить английскую королеву поделиться со мной парочкой бочек ее чайной воды.

В Китае чай принадлежит к неизбежной церемонии каждой встречи, дискуссии, доклада или угощения. Чай обычно подают в больших фарфоровых чайниках с крышкой. Листочки чая свободно плавают в воде, и лишь тогда, когда они без остатка "отдаются" воде, можно достичь наилучшего результата. Ситечки, разные ложечки или пакетики являются признаком варварства. Во время еды чай наливают из чайников в неболь-

шие чашки. Обед начинается с чая и заканчивается супом.

Проблемы часто возникают из-за воды. Во время моих путешествий по Китаю я выпил много сотен чашек чая. Иногда он бывал просто чудесным. Иногда же, например, в Шанхае, где в воду добавляют огромное количество хлора, чай почти невозможно пить.

– Сегодня ты попробуешь лучший чай во всей Поднебесной, – сказал мне мой друг-физик.

Мы находились в Ханчжоу. Посмотрели город, проехали по озеру Сиху, влезли на старинную пагоду шести гармоний (гармонии тела, слов, мыслей, отказа от соблазнов, гармонии взглядов и богатства). Я добавил бы к ним седьмую – гармонию чая! Посмотрели прославленные чайные плантации. И согласились с китайской поговоркой, гласящей, что ”на небе – рай, а на земле – Ханчжоу и Сучжоу”.*

Наконец мы попали в чайную, построенную вблизи Тигриного родника. Девушки в белых жакетах, голубых штанах и платяных тапочках разносили чай. Мы попробовали его: он был превосходным. Мой друг попросил принести стакан местной воды и положил на ее поверхность китайскую пятифэновую монетку. Монета плавала. Поверхностное натяжение воды было настолько велико, что удерживало ее.

– Может быть, как раз в этом тайна, отчего чай из Тигриного родника в Ханчжоу – лучший во всей Поднебесной, – заметил мой друг.

Я не могу рассудить: из другого источника я слышал, что чай этот занимает лишь второе место. Но к роднику с наиболее прославленной чайной водой мне пока не довелось забрести.

---

* Древний город недалеко от Шанхая.

Права человека и гражданские свободы

Хочу начать совсем с другого.

Когда я, в августе 1975 г., выступал на Пагуошском симпозиуме в Киото и говорил о правах человека и об открытом мире, выступление мое было принято с симпатией большинством делегатов. В перерыве, однако, индусский делегат спросил меня, задумывался ли я над тем, какой смысл имеет свобода слова, печати или путешествий для человека, умирающего с голода.

Проблема прав человека и гражданских свобод действительно имеет много аспектов, и ее надо всегда рассматривать в связи с историческими традициями, а также – в связи с международным и политическим положением.

Политические репрессии, очевидно, осуществлялись китайской Государственной безопасностью в несравненно меньших масштабах, чем в СССР, и имели – насколько мне известно – более мирный характер. Никто из противников Мао Цзэ-дуна не был казнен; многие политические деятели, находившиеся в открытой оппозиции, десятки лет оставались членами ЦК КПК или других государственных органов. Например, сравните "Архипелаг ГУЛаг" Солженицына с описанием китайских концентрационных лагерей в недавно вышедшей на Западе книге Бао Жуо-вана – "Узник Мао Цзэ-дуна".

Я далек от утверждения, что в Китае не существуют концлагеря, политические заключенные и репрессии. Но там никогда не было такого массового уничтожения партийных и государственных кадров и, вообще, политической оппозиции, как в СССР в 30-е или 50-е годы. Китайские друзья, с которыми я об этом говорил, не могли поверить, что в результате сталинского террора погибли десятки миллионов людей. Думаю, что много раз повторенный мне китайский девиз, как обходиться со своими политическими противниками ("не убивайте никого из них; не арестовывайте большинство из них; старайтесь разрешить разногласия так, будто это

разногласия в народе, а не разногласия между народом и его врагами: путем дискуссий, критики, убеждения, перевоспитания”) в какой-то мере осуществлялся на практике. С другой стороны, я могу себе представить, как неприятно было стать мишенью взбесившейся, фанатичной толпы на большом собрании. Мурашки бегали у меня по спине, когда я видел такие – хотя и ретушированные – сцены в кино. Но все-таки это ведь нельзя сравнить с массовыми расстрелами, с миллионами юридических и политических убийств, с десятками лет, проведенных в концлагерях, с уничтожением многих национальностей и народных меньшинств, как это было в СССР. Большинство моих китайских друзей прошло через такие преследования, критику, ”перевоспитание”, но все они сегодня живы, работают, занимают ответственные посты, имеют свои семьи...

Китайское понимание прав человека особое, именно китайское, – но его нельзя обвинить в недостатке определенного рационализма и исторической оправданности. Основные человеческие права – право иметь еду, работу, право на образование, медицинское обслуживание – т.е. права, которые еще до недавнего времени не были в Китае общепринятыми, теперь в значительной мере осуществлены. Но стремление подавить индивидуализм в пользу коллектива повсюду чувствуется в Китае и очень неприятно действует на европейца.

Право на информацию об общественных проблемах осуществляется в Китае в гораздо большей степени, чем в какой-либо восточно-европейской стране. Особые формы китайской ”народной демократии” позволяют до определенной меры влиять на общественные дела.

Но китайские методы и общественная модель подходят только этой стране – их применение и механический перенос в иные условия были бы делом бессмысленным, а может – еще более вредным, чем перенос советской модели, например, в условия Чехословакии.

Однако, сейчас в Китае начали возникать проблемы, связанные с правами человека и с гражданскими свободами. Думаю, что в ближайшем будущем это движение

усилится, но формы будут вновь специфически китайские.

Письмо друга

Прага, 13.3.1976

Мой дорогой друг,

спасибо за очень интересные путевые заметки в духе Марко Поло. Ограничусь только комментариями. Иначе, при нормальных обстоятельствах, я бы поехал с тобой в какое-нибудь спокойное место и обо всем, столь интересном, подробно поговорил. Я вспоминал бы все увиденное во время моих долгих странствований, все, чем я восторгался, все, что осуждал. Мое пребывание в Китае было как бы путешествием в прошлое. Человек из XX века был внезапно, будто с помощью какой-то неведомой силы, перенесен в мир, живущий столетия тому назад. Мне выпала редкая возможность видеть одновременно два мира – тот, несколько столетий тому назад, и сегодняшний мир. Первый из них отражался на семейной жизни, на матриархальной и патриархальной власти, клановых связях, религиозных представлениях, социальном неравенстве, несправедливости и насилии. Видно было, как тяжела бывает миска риса, если представить себе весь путь зерна от посева до самой уборки – если боги позволят. Налоги и оброк. Весь этот долгий путь к голодным устам. Человечек из XX века шагал по свету, наверное, с 1000-1500 года, удивлялся способам производства, например, окраски тканей, выплавки железа, производства разных инструментов. Поражало все: сельское хозяйство, средства сообщения, медицина.

Я не сомневаюсь, что последние 30 лет внесли в этот мир массу нового, иногда – прямо-таки революционного. Не сомневаюсь, что сегодняшняя картина жизни напоминает более широкий веер, из тех, что они там умеют так чудесно делать и разрисовывать: от письменности до отживающих элементов в философии и этике каждо-

дневной жизни, от устаревших методов производства до расщепления ядра атома. Веер этот представляет собой огромный мир, весьма дифференцированный, как географически, так и внутренне: в отношении языка, антропологических размеров, в отношении кухни, темперамента людей, а также, — естественно, в отношении природы. Этих незначительных 30 лет — по сравнению с десятью тысячами, как они привыкли считать, — принесли их миру огромные изменения в государственном суверенитете, народном самосознании (может быть, буйно разросшемся в том климате, где растет это чувствительное растение), принесли значительный прогресс в технике и в уровне жизни. Принесли они с собой, однако, и зародыш, а, может, и целые культуры заразного заболевания от северного соседа. Эта наивная оценка — деятельность Сталина на 70% положительна и на 30% отрицательна, — о которой ты рассказываешь, наводит на меня грусть. Цифра 70 заслоняет глаза перед трагедией оставшихся 30%. Однако, это часть философии в той части мира, где цена человеческой жизни совсем иная, чем у нас. Этим заболеванием, кроме Китая, страдают и многие другие страны. В вопросах морали и политики в разных частях света применяются совсем неодинаковые критерии. Китай, без сомнения, проделал большой прогресс, но это не спасло его от целого ряда бедствий. Восхищение Сталиным, догматическое мышление, взгляды, гласящие, что при сложной операции хирург должен искать мудрость в красной книжечке и что он даже находит ее там, — все это абсурд, это печально.

При этом перед страной стоят новые большие проблемы. Проблема поколений бросает тень на всю непосредственную перспективу, которая окутана в неуверенность. До сих пор не найден институциональный подход к решению этой проблемы. Это перенятая болезнь, болезнь, которой страдают многие другие страны и где проблемы поколений и общей концепции буквально назрели. Мы являемся свидетелями для нас почти непонятного, организованного внутреннего беспокойства. Не попытка ли это отвлечь внимание населения от борьбы

за власть? Это логическое наследство системы, в которой пирамида перевернута и стоит на своей вершине. И в этом, отчасти, наследство этих 70 : 30 – это магометанское ”Бог един и пророк его – Магомет”.

Я надеюсь, что блюда, которыми тебя угощали, ты ел с достаточным количеством соли. ”Потемкинские деревни” можно строить во всех географических широтах. Новые ”Дацзыбао” не вносят спокойствия в жизнь. Но нам всем не хватает тех чудесных очков, через которые мы могли бы правильно созерцать и понимать жизнь в этом человеческом океане.

Одно неоспоримо: они идут вперед своей дорогой. Одним кажется – слишком быстро, другим – слишком медленно. Но одно не вызывает сомнений: на нашем земном шаре вырастает гигант, голос которого будет все громче раздаваться во всех важных делах. Независимо, что его ближайшая судьба окутана мраком неуверенности. Было бы, по меньшей мере, нескромно комментировать сегодняшний и завтрашний дни этой четвертой части человечества, наследницы тысячелетней цивилизации и культуры, корни которой идут глубже в прошлое, чем у любого из ее соседей.

Кроме того, эта часть человечества более однородна, чем в любой другой стране. Она сможет спокойно шагать вперед, навстречу своей судьбе, не обращая внимания на то, что пишут или говорят те, кто присваивает себе право на монопольное толкование правил, по которым должен вращаться земной шар. И тут действительно прав Галилей: ”И все-таки она вертится!”.

Все это является составной частью процессов, происходящих на мировой арене между великими державами, создания новых сил и новых группировок. Мысли, которые длительное время действовали глубоко под землей, вышли на поверхность и действуют при дневном свете, не взирая на взгляды их противников и сторонников прошлого. Изредка, может быть, лишь в небольшой мере после Первой мировой войны, современники исторического этапа являлись свидетелями столь большого и быстрого процесса разложения и паде-

ния империй и взлета тех, которые принуждались или принуждаются жить в прахе земли своей. Надменность, болезненная самоуверенность, опирающаяся на мощь убийственного оружия, на неправду и насилие в течение многих столетий – и XX-е не является исключением – не позволяли разным цезарям прочитать правильно: *Mene tekel*.*

Я призадумался над словами индийского делегата в Киото. Он говорил о смысле человеческих прав, как их видит человек, находящийся на границе между бытием и небытием. Как раз здесь необходимо было бы иметь очки, позволяющие видеть уравновешенную картину. Трудно, и для большинства, очевидно, невозможно, чтобы человек, чья родина насчитывает 600 млн., понял психологию и представления гражданина небольшой страны. Этот человек живет в диапазоне цивилизации, насчитывающем 40 или 50 столетий, и включающей как жителей джунглей на индийско-бирманской границе, так и жителей шикарных современных коттеджей Нью-Дели и Бомбея, трущобы Калькутты и (до недавнего времени) парламентарную демократию британского типа, с сильными остатками феодализма. Его страна является родиной великих религиозных и этических движений, родиной когда-то неоспоримо больших цивилизаций, удивительной архитектуры и сегодняшней всеобъемлющей отсталости.

Это мир в себе. Он не может разделять представления и устремления человека, впитавшего в себя целое тысячелетие идейного, государственного, крестьянско-революционного и социально-революционного развития Европы и достигшего высокого жизненного уровня. Мы представляем два несоизмеримых мира. В значительной мере это относится и к северному соседу Китая – России, хотя и с некоторыми отличиями. Иногда, когда я раздумывал о проблемах этой части мира, я чувствовал себя как человек, который плывет в лодке по глубокому озеру: ты видишь кусок поверхности, но дна, скрытого в глубине, не видно совсем.

---

* Серьезное, настойчивое предупреждение.

Я все еще не могу распрощаться со словами "задумались ли вы когда-нибудь над тем, какой смысл имеет свобода слова, печати и свобода путешествий за границу для человека, умирающего от голода?". Спрашивающий, очевидно, стал жертвой суженного поля зрения. Он сосредоточился на том, что наиболее решительно требует улучшения и изменения – на голоде. Борьба против голода, за достойное человеческое существование – это ведь часть борьбы за права человека. Понятия "гражданские права" и "основные права человека" содержат ведь значительно больше, чем борьбу против голода, требующую для своего успеха осуществления хотя бы части человеческих и гражданских прав. Каждое общество, в зависимости от степени его развития, выдвигает те требования, которые оно считает наиболее важными. Различные цели ставят перед собой Западная и Восточная Европы, другие цели – Азия, и совсем другие – Африка или Латинская Америка.

Но вернемся еще на мгновение в страну, где ты гостил, и к отношению 70 : 30. Неинформированность может вводить в глубокое заблуждение хорошего человека. В этом трагедия нашего времени. Одно из насилий, совершаемых над человеком – это лишение его информации, то есть возможности приблизиться к правде, возможности иметь свои собственные суждения; и возникающее отсюда право иметь свои взгляды и занять собственную позицию. Неинформированный гражданин легко становится жертвой режима.

Ты знаешь мое отношение к обеим большим родинам больших цивилизаций. Ты знаешь, как я радуюсь и уважаю каждый положительный участок пути, пройденный ими. Я понимаю, что будущее представляет собой источник неуверенности и опасений. Народ страны, где ты побывал, имеет большой опыт и волнующую историю. Это общество интеллигентных людей, способных на жертвоприношения, на фанатизм, а то и на толерантность.

Я верю, что эта большая часть населения найдет свой "луч света в темном царстве" и, я надеюсь, что цена, ко-

торию они должны будут за это заплатить, будет ниже, чем заплатил их северный сосед.

Как бы я хотел поговорить с тобой обо всем этом, и о многом другом. Как я хотел бы приласкать твоих детей. Не остается ничего другого, как это всегда бывает в нашей жизни, — не терять надежды, что то, чего нет сейчас, еще когда-нибудь сбудется.

Твой Франтишек Кригель*

---

* Франтишек Кригель (1908-1979) — чехословацкий врач и политик, один из наиболее последовательных представителей "пражской весны". Провел в Китае 6 лет в качестве врача-добровольца (1939-1945).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВСЕ БЫЛО ПО-ДРУГОМУ

Размышления над книгой старого мастера

*”Кто знает, тот молчит,
не знает тот, кто много говорит”, –
так ежедневно Старый Мастер повторял.
Но если Старый Мастер что-то знал,
так почему же сам он написал
ту книгу, с пятью тысячами иероглифов?*

*Бо Цзюй-и
(772-846 гг. н.э.)*

С моей последней поездки в Китай прошло почти 3 года. За это время в стране многое изменилось:

- умерли Чжоу Эн-лай и Чжу Дэ,
- в Пекине прошли тяньаньменьские демонстрации,
- с политической сцены вновь исчез Дэн Сяо-пин,
- умер Мао Цзэ-дун,
- была устранена ”банда четырех”,
- в Пекине началась ”китайская весна”.

Я помню, как три года тому назад, на маленькой железнодорожной станции, где-то между Ханчжоу и Гуанчжоу, я долго спорил с моим другом о возможных последствиях смерти председателя Мао.

– В Китае ничего не изменится, – уверял мой друг и приводил много аргументов.

– Ты не узнаешь Китай, – утверждал я. – Посмотри только на историю остальных социалистических стран. Все они, включая Китай, имеют пирамидальную структуру власти. Если устранить верхушку пирамиды, то вся она начнет рушиться!

Мы так и остались каждый при своем мнении. И вот теперь я получил из Китая письмо: мои друзья, собравшиеся на Всекитайском съезде научных работников в Пекине, вспоминали о научных дискуссиях и спорах и снова приглашали меня в Китай: я буду, мол, восхищен происходящим сейчас в Китае.

Моя третья поездка в Китай в 1979 г. началась с малой персональной реабилитации, совсем в стиле китайских самокритик: во многом прав был я, а они ошибались, или же внутренне со мной соглашались, но не могли высказать это вслух – время было чересчур тяжелым. Но кое в чем они не согласны со мной до сих пор.

”Спасибо за откровенность”, – сказал я. ”Не ошибается только Папа Римский. А если бы вы были со мной во всем согласны, то нам не о чем было бы спорить. И какая это была бы скука!”

Совершенно недисциплинированный Пекин

Каждый раз, когда я приезжаю в Пекин, то сразу же, в первое утро, еще в темноте, отправляюсь на длинную, бесцельную прогулку по его улицам – наблюдать пробуждающийся город.

Насколько же различны были мои впечатления от таких прогулок! Полуголые рикши, босые и на велосипедах, носильщики с овощами на извилистых узких улочках старого Пекина – таковы самые сильные впечатления от первого посещения в 1957 году. Метро, автобусы, широкие бульвары, заменившие маленькие кривые улочки – вот что запомнилось со второго посещения. Автобусы, машины, велосипеды, страшный шум на улицах – таково было первое впечатление при третьем посещении.

С точки зрения западного европейца Пекин – абсолютно недисциплинированный город. По крайней мере, что касается уличного движения.

Город полностью находится в руках велосипедистов. Лавины велосипедов мчатся по широким улицам. Они ничего не признают – ни светофоров, ни милицио-

неров. Иногда регулировщики делают безнадежные попытки навести порядок. Я видел несколько таких сцен: милиционер выбирает одного, останавливает его и записывает фамилию и адрес. Иногда он даже отбирает велосипед. Остальные же сотнями мчатся мимо с диким трезвоном. Каждый спешит к своей цели: на работу, в школу, за покупками, к врачу, в учреждение. Велосипед – наиболее популярное, а также наиболее надежное средство передвижения в сегодняшнем Китае.

Ездить в Пекине на машине должно быть ужасно. Милиционеры переключают все светофоры одновременно. Велосипедисты часто вытесняют легковые машины, грузовики и автобусы на противоположную сторону шоссе. Все перепуталось, перемешалось, тормоза скрипят, грузовики грохочут, легковые машины безнадежно гудят, люди свистят, кричат дети и надрываются звонки велосипедов. После получасовой прогулки по пекинским улицам в часы пик человек чувствует себя почти полностью оглохшим: шум на улицах превышает все допустимые европейские нормы. Я восторгался моим шофером, спокойно и бравадно петлявшим в этом ужасном хаосе. У него, по-видимому, были железные нервы. Мне же их не хватало: ногой я все время нажимал несуществующую педаль тормоза.

В небольших городах на юге Китая было еще хуже: меньше порядка в уличном движении, больше двухколесных тележек с впряженными в них людьми или буйволами. К тому же ночью города совершенно не освещались.

После того, как мы проехали 30 километров по ночному Уханю, мой спутник-немец признался, что он почти всю дорогу ехал с закрытыми от страха глазами. Мы с ним сошлись в том, что единственное правило движения, соблюдаемое тут, – это движение по правой стороне. Причем, признают его, наверно, только 50% водителей!

– Несколько лет тому назад было еще хуже, – говорили уханьские старожилы.

Даже обладая буйной фантазией, это трудно себе представить!

Пекин кажется недисциплинированным городом и восточно-европейскому туристу.

Восточной Европе знакомы разные стены. Самая известная из них – это берлинская стена. Стену же демократии вы не найдете ни в одной стране восточного блока.

”Дацзыбао” – газета с крупным шрифтом – представляет собой с официальной восточно-европейской точки зрения настоящую кульминацию политического хаоса. В советской империи все без исключения, даже самые незначительные школьные или заводские стенгазеты, проходят строгую цензуру.

Стена длиной с километр, где каждый мог бы написать, что он хочет, не давала бы Брежневу спокойно спать. Значение ”Дацзыбао” в процессе демократизации Китая нельзя было недооценивать, потому что это было уникальным явлением в социалистических странах. Однако, не надо ее и переоценивать.

Распространенность и откровение ”Дацзыбао” в начале 1979 г. вызвали смятение в официальных кругах:

– Как далеко могут зайти статьи в ”Дацзыбао”? – спрашивали обеспокоенные партийные деятели.

”Стены демократии” пока в Китае, слава богу, существуют.* Люди там вывешивают свои статьи, читают их, обсуждают в группах, спорят. Там же продается распечатанная на ротаторе самиздатовская газета. Для китайцев она стоит 10 фэнов, а я, как иностранец, должен был заплатить за нее целый юань.**

---

* Пекинская стена демократии была отменена в октябре 1979 года.

** 1 юань (100 фэнов) равен приблизительно одному американскому доллару.

Манифест

(Отрывки из манифеста Организации по борьбе за права человека в Китае, опубликованного и вывешенного на пекинской "стене демократии" весной 1979 года)

"... движение и борьба за права человека важнее и имеют более глубокий смысл, чем какие-либо другие наши стремления. Благодаря своему новаторскому характеру, движение за права человека в Китае завоевало в течение прошлого года поддержку и восхищение всего мира...

Мы приводим здесь 19 пунктов нашей программы, которая поддерживает борьбу за четыре модернизации, международный мир и прогресс:

1. Граждане требуют свободы взглядов и выступлений. Требуем освобождения тех, кто был в Китае заключен в тюрьму за свои взгляды...

2. Народ требует, чтобы в нашу конституцию были включены гарантии, которые обеспечили бы нам право критиковать руководителей партии и государства... Требуем отмены феодальных традиций, согласно которым каждого, кто позволит себе покритиковать или противиться "отдельному лицу" (имеется в виду Мао Цзэ-дун – Прим. Ф.Я.), называют контрреволюционером...

3. Национальным меньшинствам должна быть предоставлена настоящая автономия... В Китае существует не только целый ряд национальных меньшинств, но и ряд партий; мы должны дать возможность всем этим партиям принять участие в построении социализма...

4. Требуем ввести всеобщее право участия в выборах руководства государством и в местные органы власти на всех ступенях... Граждане требуют, чтобы руководители партии и государства находились под контролем закона и были наказуемы во всех случаях нарушения ими закона.

5. Требуем, чтобы опубликование нижеследующих информации принадлежало к нашим неотъемлемым правам: проект государственного бюджета и его одобренная версия; государственный доход; данные о сельскохозяйственной и промышленной продукции; средства, отпускаемые на армию и на административный аппарат; средства на науку; полный подоходный налог; число общественных деятелей и их зарплаты; зарплаты в армии; данные о количестве безработных; средства на социальное обеспечение; обеспечение трудящихся и социальная помощь; внешний торговый баланс; средства, идущие на экономическую и военную помощь за границей, включая средства, предоставляемые политическим партиям за границей...

8. ...Полемика и разногласия, которые сделали врагами СССР и Китай, потеряли свое обоснование. Граждане требуют смягчения напряженности. Народ СССР – это великий народ. Отношения с США и Японией непрерывно улучшаются. То же самое должно происходить в отношениях с СССР.

9. ...Мы должны перенять у Запада не только технологию, но также его демократические и культурные традиции...

10. ...Требуем свободно выбирать свою профессию согласно собственному желанию, свободу передвижения с места на место, возможность одеваться по собственному вкусу. Требуем отмены неморальных постановлений, согласно которым мужей и жен посылают отдельно на отдаленные места работы и тем самым не дают им возможности жить вместе.

13. Требуем обеспечения минимального количества зерна для крестьян.

16. Работники тайной полиции и партийных комитетов на местах работы не имеют законного права арестовывать граждан или же начинать преследования... Тайная полиция должна быть отменена.

18. Мы – граждане мира. Требуем открыть наши границы. Требуем торговый и культурный обмен, право экспортировать нашу рабочую силу за границу. ...”

Встреча с Ай Цинем

Я живу, поэтому я пою.

Ай Цинь

Встреча с поэтом оказалась совсем не простым делом.

”Ай Цинь – один из крупнейших китайских поэтов. Может быть, самый крупный... Он мог бы быть великим художником. Ай Цинь тонко чувствует и понимает изобразительное искусство, любит живопись. Умеет отличать правду от лжи, формы – от формализма и талант – от ловкости. Он знаток китайского искусства ”гохуа”. Страстный коллекционер. Сам он не рисует, а пишет стихи в картинах. Ведь для художника открыты двери во все храмы искусства. Кроме того, в Китае каждый поэт – это немного художник, а каждый художник – поэт.

На встрече с писателями Ай Цинь скромно, без единой пустой фразы, говорил о месте поэта в нашу великую эпоху:

”Наше время – это великое время, а мы только маленькие поэты. Наши стихи еще пока бессознательны. Мы не умеем пока писать как следует о происходящем. Если мы хотим познакомиться с настоящей поэзией, то должны читать поэтов начала первого тысячелетия. Это были молодые буреветники, отринувшие великое прошлое, но создавшие столь мало для своего времени...” –

написал о своей встрече с Ай Цинем Адольф Гоффмейстер *четверть столетия тому назад.

Встреча с Ай Цинем оказалась совсем не простым делом, наверно, потому, что Китай полностью отверг своего поэта и почти 20 лет не хотел его знать.

---

* Адольф Гоффмейстер (1902-1971) – известный чешский художник и писатель.

Случайно я узнал, что Ай Цинь снова в Пекине. Мои друзья пожимали плечами: постараемся, мол, подготовить вашу встречу. Но прошел день, и они отказались от этой мысли, предложив мне устроить все самому. Неужели правдивы слухи, что Ай Цинь снова впал в немилость?

Отчаявшись, я поведал о затруднениях одному партийному работнику на банкете. Тот улыбнулся и сказал, что ничего нет легче. Мой переводчик, "маленький Ван", как все его называли, получил указание организовать эту встречу.

На другое утро маленький Ван сообщил мне с печальным видом, что Ай Циня нет в Пекине и что он вернется лишь после моего отъезда.

В тот же день, поздно вечером, я встретил в Пекине знакомого синолога. Он как раз говорил с Ай Цинем.

Утром я поставил вопрос ребром: с друзьями так не поступают. "Маленький Ван" исчез, даже обед пропустил. Пришел только после обеда. Сияя, он сообщил мне, что я приглашен к Ай Циню домой, 1-го мая 1979 г., в 8 часов утра.

Первомайские демонстрации были в Пекине отменены, сообщил мой друг. Их переняли у СССР, и они не отвечают традициям китайцев. Не отвечают они и нашим традициям — хотелось мне ответить.

Несмотря на это, первомайским утром улицы города оказались переполненными людьми, отправлявшимися за покупками или просто гуляющими.

Ай Цинь жил недалеко от центра города. Вы сворачиваете с большой улицы в маленькую, оттуда — в совсем узенький переулочек, а потом — в маленький двор. Здесь живут три семьи. Во дворике растет одно-единственное дерево. Сушится белье. Тут же сложены брикеты угля; стоят расписанные цветами умывальники и, тоже пестрые, металлические кружки для чистки зубов. На окнах, в горшках, растет молодой лук и какие-то неизвестные овощи.

Гоффмейстер нарисовал когда-то карикатуру на Ай Циня. Она не устарела до сих пор. Поэт мало изменил-

ся: он постарел "только" на четверть века, усугубленно-го 18 годами жизни в изгнании.

Две комнаты, где поэт живет со своей более молодой женой, почти пусты. Он принял нас в спальне, одновременно служащей кабинетом. Кроме широкой постели там находятся два кресла, письменный стол, шкаф. Под постелью – чемодан. На стене висит репродукция Ци Бай-ши, а на окне – маленькая статуэтка Будды из яшмы.

В 1958 г. в Китае проходила кампания "Пусть расцветают 100 цветов, пусть соперничают 100 школ". Ай Цинь стал правым элементом и был сослан в изгнание. Сначала ему пришлось работать полтора года на Севере, в совхозе, в провинции Хэйлунцзян (на Амуре). Потом он попал в Синьян, где работал в деревне, на окраине пустыни Бейдахуан, до 1978 г. 17 лет должен был Ай Цинь заниматься изнурительным физическим трудом, 17 лет находился под непрерывным контролем и подвергался жестокому преследованию.

Это изгнание не было его первым изгнанием. Первое крещение состоялось еще в 1932 г.:

Мои пустые руки ничем не владели,
кроме нескольких крамольных книг,
нескольких пылающих картин,
и унижения, и ненависти
подавленного народа.

В июле меня посадили в тюрьму,
в августе послали на каторгу;
в безнадежной тревоге за судьбу сына
проплакал отец до самого рассвета...

Второе изгнание Ай Циня было не только гораздо длиннее, но и тяжелее. Поэта послали в изгнание его собственные товарищи – во имя идей, которым он посвятил всю свою жизнь.

Сегодня мой отец
уже спокойно спит в сырой земле:
на его похоронах

не нес я флажок, не дающий
заблудиться душе,
я даже не надел в его честь грубый холст.
Тогда бегал я с факелом
своих охрипших песен
в дыму и пламени Освободительной войны...
Мать писала мне, чтобы я вернулся,
чтобы навел в семье порядок;
но я не хотел похоронить самого себя,
я жестоко обманул ее надежды.
Благодарю войну, воодушевившую меня
выбрать путь, ведущий прочь от моего дома.
Потому что с той поры, как я узнал,
что на свете есть лучшая правда,
я буду жертвовать своей жизнью
не для моей семьи,
а для священной веры миллионов.

В Пекин Ай Цинь вернулся только после падения "банды четырех". Его полностью реабилитировали в Союзе писателей.

Он говорит тихо, на лице его часто появляется робкая улыбка. Очень трудно заставить его рассказывать о самом себе.

— Вернули вам вашу собственную квартиру? — спрашиваю я.

— Нет, пока не вернули. У нас был дом, недалеко от вокзала. Десять комнат. Сейчас дом ремонтируют. Мы вскоре переедем туда, — отвечает его жена.

Когда Ай Циня заклеямили как правого, то конфисковали все его книги, рукописи, художественные коллекции.

— У меня провал в рукописях, — не хватает двадцати лет. Более старые, неизданные рукописи тоже исчезли. Их не удалось найти. Я даже не могу разыскать ранние издания моих стихов...

К работе Ай Цинь вернулся только недавно, в начале 1978 года.

— Я написал за последнее время много стихов, но не знаю, понравятся ли они. Некоторые из моих новых

стихов были уже напечатаны как здесь, в Женьминьжибао, так и в Гонконге. Пока что их хвалят. Людям они нравятся.

Я стараюсь узнать, существуют ли какие-нибудь стихи, написанные в изгнании.

– Была ли в Китае какая-нибудь самиздатовская литература в духе Солженицына?

– Вряд ли. До сих пор я получаю много писем от читателей. Они пишут, как их преследовали только потому, что они читали или имели у себя дома мои стихи... Я старался писать, но у меня все отбирали во время домашних обысков...

Только после своего возвращения в Пекин Ай Цинь получил письмо из Министерства иностранных дел КНР с сообщением, что переводчица его стихов на чешский язык и личный друг поэта Дана Штовичкова погибла в автомобильной катастрофе.

– Моя дружба с Даной Штовичковой была использована как обвинение против меня. Еще более грустно то, что Дана погибла вскоре после падения "банды четырех". Она уже не смогла увидеть мою радость. Она так и не узнала, что меня реабилитировали, что я снова пишу. Ее памяти я посвятил вот эти стихи:

30-го октября 1976 года
автомобильная катастрофа вырвала тебя
из жизни.

Вижу зеленую сосну,
буря вырвала ее с корнем.
Вижу мост через реку,
буря снесла его.
Глубоко, за девятью горами ты упрятана.
Никогда больше ты не услышишь мои песни,
хотя ты их так хорошо знаешь.
Даже в самую счастливую минуту
болит мое сердце.

Мое посещение оказалось не слишком радостным для Ай Циня.

– Что делают мои старые друзья, Адольф Гоффмейстер, Мария Майерова, Ян Дрда, Ярослав Прушек?

Заслуживает внимания тот факт, что старый поэт помнил, несмотря на 18 лет проведенных в изгнании, все эти, столь трудно произносимые для говорящего по-китайски человека, фамилии.

– Кроме Ярослава Прушека, все они уже умерли.

Ай Цинь погрузился:

– Это были хорошие друзья. Дрду я видел в последний раз на аэродроме, думаю, в Буэнос Айресе. Когда он увидел меня, то заорал, что есть силы, как лев, на весь аэродром: "Ай Цинь!" И бросился ко мне.

Я рассказываю о последних годах жизни Дрды. О его статье "Не притрагивайтесь к ним даже пальцем, не давайте им ни капли воды", которую напечатали после советской оккупации в 1968 г., и о том, как Дрда сам вернул партбилет при партийной чистке.

– А Прушек?

– Для академика Прушека Культурная революция еще не закончена, – отвечаю я понятным для китайцев образом. – Его лишили поста директора института востоковедения в Праге, выгнали с работы, послали на пенсию. А его последняя книга о Китае так никогда и не увидела свет...

В Пекине готовится издание новых стихов Ай Циня и новое издание его избранных стихов. Ай Циня снова переводят на многие иностранные языки. Поэт и его поэзия возвращаются к жизни.

– Появилось ли за последние 20 лет что-нибудь действительно великое в китайской литературе? – спрашиваю я с любопытством.

Ай Цинь сдержанно отвечает:

– Я был за последние два десятилетия оторван от литературной деятельности – я плохо информирован, не знаю...

На два дня позже один известный партийный деятель ответил на тот же вопрос гораздо откровеннее:

– За последние 20 лет в Китае не было написано ничего, что можно было бы назвать литературой...

Я не хочу долго задерживать Ай Циня. Ему скоро исполнится 70 лет, а в этом возрасте трудно нагонять двадцать потерянных лет жизни...

На прощанье он говорит мне:

— У нас с вами подобный опыт. Но мое положение все же лучше вашего, потому что я смог остаться у себя дома, в Китае. Надеюсь, и желаю вам, чтобы вы смогли вернуться домой. Положение в мире улучшается, солнце не перестает светить...

Оно светит и во дворике, где мы с Ай Цинем снимаемся. Потом, — хотя это и непривычно для Китая, — он крепко обнимает меня:

— В следующий раз мы встретимся в моем старом доме!

Если бы я был птицей,
То пел бы песню до хрипоты:
об этой земле, исхлестанной дождями
и вихрями,
о реке, несущей только одну грусть,
о гневном ветре, дующем без передышки,
о теплом рассвете вддали, над лесом...
Когда я умру,
последнее мое перышко пусть истлеет в этой
земле.
А почему так часто в глазах моих слезы?
Это оттого, что я так люблю эту землю.

Ай Цинь

Говорит радио "Пекин"

На сей раз я обошелся без переводчика. Я сидел в традиционном кресле, передо мною стояла фарфоровая чашка с зеленым чаем, прикрытая крышечкой.

В помещении находилось около 15 человек, черно-волосых китайнок и китайцев, в темных костюмах. На первый взгляд — совсем обычные китайцы, но все они до одного говорили по-чешски.

Заведующая сердечно поприветствовала меня и рассказала об их работе. Чешская редакция пекинского радио (это одна из его 50 редакций на иностранных языках) основана в 1968 г. Семнадцать китайских специалистов по чешскому языку и чешский эксперт ежедневно готовят получасовую программу, которую дважды передают в эфир.

Количество редакторов и дикторов кажется мне чрезмерным. Наверно, это способ предоставить работу многочисленным китайским славистам, очутившимся — после того, как чехословацко-китайская дружба, провозглашенная на "вечные времена", кончилась — без работы.

Передача включает в себя последние известия, обзор печати, комментарии, репортажи, новости культуры и музыкальные передачи.

Перед посещением редакции мне дали несколько кассет с записями программ. Я прослушал их пару раз. И после этого я шел на встречу с редакцией, обуреваемый сомнениями. Дело в том, что передачи эти были на сильно ломаном чешском языке. А что касается содержания, то притягательность их оказалась минимальной.

В чешской секции пекинского радио я провел почти четыре часа. Мне пришлось подробно рассказать о положении в Чехословакии, о движении "Хартии 77", об экономическом положении и о чешском самиздате, о движении защитников прав человека в других восточно-европейских странах, об изданиях "Петлице" и о чехословацкой "параллельной" культуре.

Потом наступил затруднительный для меня момент. Как мне сказать об их работе, об их слушателях в Чехословакии?

Я решил говорить совершенно откровенно. Начал с технических проблем. После того, как пекинское радио перестало транслировать свои передачи из Тираны, его слышимость в Европе минимальна. Слушать это радио ежедневно, очевидно, крайне затруднительно.

Потом я перешел к содержанию передач. Слушателей в ЧССР мало интересуется, или не интересуется вовсе, кто в

Пекине участвует в разных заседаниях или банкетах. Длинные перечисления китайских имен, за исключением самых известных, ничего не говорят слушателям. Комментарии формальны, репортажи малоинтересны. Весь способ подготовки программ, их дух, очень далеки и чужды умственному складу чешского слушателя. Чешская редакция пекинского радио могла бы иметь круг своих постоянных слушателей только при том условии, если бы она передавала свежие новости, охватывающие не только Китай, но и весь мир, если бы она приносила глубокие комментарии о китайском внутреннем политическом и хозяйственном развитии, о ситуации в Восточной Европе и, в особенности, о китайско-советских отношениях.

Они слушали меня внимательно, записывали. Казалось, что даже соглашались с моими взглядами. Однако, мы все понимали, что от согласия до осуществления задуманных перемен предстоит еще долгий путь. И что не все зависит от самих редакторов чешской программы.

Один из вопросов задавали несколько раз. И было понятно – почему. Сколько, с моей точки зрения, у них слушателей в Чехословакии?

Я не сразу решился ответить.

– Могу вам дать только мою собственную оценку. Если буду говорить как оптимист, то скажу, что число ваших постоянных слушателей, возможно, превышает число членов вашей редакции. Если же я был бы пессимистом, то сказал бы, что единственный постоянный слушатель пекинского радио – это служба радиоперехвата Министерства внутренних дел.

Образованным в утешение

Горе образованному в наши дни.
Учишься,
веки слипаются от усталости,
над книгой корпишь день и ночь,
от кисти – мозоль на пальце растет,
но не слава.
Как поскорее званья добиться,

к которому стремишься?
Десятками экзамены сдаешь,
но должность лишь ничтожную займешь.
Когда ж достигнешь все-таки вершин,
виски твои давно белы, как лен.
Поэтому несчастен тот,
кто в молодые годы
всю свою силу отдает ученью
и страдает от голода.
Состарится.
И даже если наконец хорошо ему живется,
то на богатство и почет мало времени
остается...

... так было всегда,
вечно,
в любые времена.
Так что жизнь несправедлива не только к тебе
одному.

Бо Цзюй-и
(772-846)

Полезьа от культурной революции

С тех пор все изменилось. И создать себе представление о том, что действительно происходило в Китае во времена Культурной революции, очень нелегко. Поэтому я поставил перед собой более скромную задачу: выяснить, как прожили (а, может, пережили?) Культурную революцию мои лучшие друзья.

У меня не оставалось никаких иллюзий. Долгие годы мои друзья не могли заниматься научной работой (в Праге я тоже не мог). Целые годы им при этом платили полную зарплату (мне же не платили ничего). Почти все они прошли перевоспитание в школах 7-го мая, где-нибудь в провинции. Это был тяжелый физический труд. (Я не считаю физическую работу саму по себе особенным наказанием. Таковым была, скорее, политическая учеба, которую они проходили после работы, вместо отдыха).

Как же все это выглядело в действительности?

* * *

Сегодня им это кажется смешным. Но тогда никто не смеялся.

Обвинения, угрозы, домашние обыски. Допросы, следствия, домашние аресты и настоящие тюрьмы. Преследования, преследования и снова преследования.

Кто все это делал? Хунвэйбины в университетах и в Академии? Банды фанатичной молодежи, которой все было ясно и для которой не оставалось ничего святого?

Во время повторных домашних обысков у одного моего друга забрали коллекцию грамофонных пластинок с классической музыкой. Больше он ее никогда не видел.

– Пластинки с "желтой музыкой", как называли произведения Чайковского, Бетховена, Моцарта, у меня тоже отняли. Но их мне потом вернули обратно, – рассказывал мой другой знакомый. – Дело в том, что члены "Красных бригад" не знали латинских букв, ни азбуки. Мне удалось убедить их, что это – не "желтая музыка". А пластинка с музыкой Бетховена лежала как раз сверху...

Супругов Х. несколько месяцев держали под домашним арестом в студенческом общежитии.

– Кто же заботился о вашем маленьком ребенке? –

– Соседи. Солидарность простых людей пережила даже Культурную революцию. У нас самих тоже жила чужая девочка. Ее отец сидел в настоящей тюрьме. Теперь она у нас как родная.

Я скептически оглядываюсь вокруг: "квартира" представляет собой одну комнату в общей многокомнатной квартире. Может, всего каких-нибудь 15-17 квадратных метров. Тысячи книг, горы рукописей, кастрюли и продукты, два научных работника, да еще двое маленьких детей...

Моя знакомая объясняет:

– На ночь мы всегда ставили раскладушку, а один ребенок спал на сдвинутых стульях...

– Что хотели от вас узнать на допросах? – я напрасно стараюсь найти хоть какую-то логику и смысл в этом огромном хаосе.

– Все, и ничего. От нас требовали признания в шпионаже, контрреволюционной деятельности. При этом они сами не знали как следует, что это такое и чего они хотят. Меня все это смешило.

Нет, в этом не было ничего смешного. Ни тогда, ни сегодня. Только в двух крупных пекинских университетах более ста преподавателей покончило жизнь самоубийством во время Культурной революции.

Университеты и институты стояли закрытыми долгие годы. Библиотеки тоже были закрыты. Лаборатории не работали. Не выходили китайские журналы, иностранные же не поступали.

– Я не знала, что делать со свободным временем. От скуки я начала учиться варить. Культурная революция принесла мне хоть какую-то пользу, – рассказывала моя знакомая.

Ужин, который я ел, сидя на постели (больше сидеть в комнате было негде), действительно оказался очень вкусным. Моя знакомая проделала в кулинарии за последние 25 лет значительный прогресс. Благодаря Культурной революции. И это было, по всей вероятности, то единственное положительное, что принесла Культурная революция моим китайским друзьям.

Учиться, учиться и учиться ...

Когда я был в Китае в прошлый раз, все, кого я встречал, защищали Культурную революцию и говорили о ее достижениях. Теперь же все осуждали ее и говорили о ее катастрофических последствиях.

Однако, ни при первом, ни при последующих посещениях никто не мог мне как следует объяснить, почему Великая культурная пролетарская революция называла себя "культурной", хотя на самом деле она означала самый большой погром против интеллектуалов и культуры, когда-либо происходивший в Китае.

– Многие интеллектуалы клялись во время Культурной революции, что не позволят своим детям учиться в вузах, чтобы их не постигла та же самая участь, – сказал мне в Ухани один университетский профессор.

Теоретически Культурная революция должна была означать универсальность и демократизацию образования. Практически же она привела к тому, что в Китае сейчас не хватает целого поколения специалистов с высшим образованием.

– Наш план послать десятки тысяч специалистов для усовершенствования за границу часто наталкивается на то, что у нас не хватает специалистов подходящего возраста с соответствующим образованием, – сказал мне в Пекине декан одного факультета.

В программе Культурной революции, написанной Мао Цзэ-дуном и состоящей из 16 пунктов, сказано:

”...необходимо изменить старую систему образования и старые принципы и методы обучения... Время обучения в школе должно быть сокращено, предметов должно быть меньше, а уровень обучения – выше... Учебный материал необходимо тщательно переработать... Хотя главная задача – это обучение, студенты тоже должны познавать работу на производстве и в сельском хозяйстве, пройти военную службу и принять участие в борьбе (имеется в виду политическая, классовая борьба – Прим. Ф.Я.)... Студентов надо выбирать из рабочих и крестьян, имеющих практический опыт; они должны вернуться на производство после немногих лет обучения...”

В течение почти целого десятилетия в вузы и университеты не могла попасть школьная молодежь. Вместо нее туда попадали люди, имевшие, вместо необходимых знаний, только заслуги: на производстве, в политической деятельности. Или же с подходящим классовым происхождением.

Обучение в вузах резко сократили: вместо первоначальных 5 или 6 лет ввели универсальное трехлетнее обу-

чение. А поскольку из этих трех лет по крайней мере треть времени уходила на политическую борьбу, армию, политическое воспитание, работу на заводах и в деревне, китайские вузы начали выпускать вместо специалистов недоучек.

В течение трех или четырех лет вузы и университеты вообще не работали: обучение полностью прекратилось.

Ряд факультетов был вырван из традиционного университетского целого и послан "ближе к народу", в провинцию, в деревню.

Только в 1979 г., после десятилетнего перерыва, все китайские вузы снова приступили к работе. Число студентов опять начало расти; к 1980-1982 гг. оно должно удвоиться.

Срок обучения снова продлили. В большинстве университетов ввели 4-5-годичный срок обучения. Кроме того, почти во всех университетах ввели аспирантуру (3-4 года) для подготовки научных и университетских кадров.

Сократили время, отводимое на военную и политическую подготовку, производственную практику и т.д., которые вместе теперь отнимают всего 10-15% учебного времени.

Во дворе пекинского университета стояло много ящиков.

— Механический факультет после 10 лет, проведенных в провинции, переселяется обратно в Пекин. Им не хватало там не только традиционной связи с остальными факультетами, но и интеллектуальной атмосферы. Факультет там явно приходил в упадок... — объяснил мой друг-физик.

Преобладающая часть студентов приходит сейчас в вузы прямо из средних школ, на основе общегосударственного конкурса, где оценивают лишь фактические знания и способности поступающих в вузы. Классовый состав сегодняшних студентов совсем не отвечает прежним идеологическим догмам. В университете Циньхуа, в Пекине студенты из рабочих и крестьянских семей составляли в 1979 г. всего 40% от общего числа студентов.

В университетах сейчас приходится много работать не только по обучению студентов. Во время Культурной революции преподавание в вузах было доверено десяткам тысяч молодых людей, очень активных политически (они должны были в будущем заменить "старых, реакционных" специалистов), но профессионально совсем неподготовленных. Что же с ними делать?

И вот теперь университеты организуют для них курсы по усовершенствованию и создают им возможность доказать, что они могут остаться при университете.

Такие курсы по усовершенствованию представляют собой сейчас одну из самых важных сфер деятельности университетов. Их цель — хотя бы отчасти устранить вред, нанесенный Культурной революцией. Продолжительность курсов — от нескольких недель до многих месяцев. Их проходят специалисты — недоучки, которым университеты давали еще несколько лет тому назад университетские дипломы. (Давали только символически: как дипломы, так и научные звания были отменены. Сейчас их вводят вновь.)

В 1975 г. декан шанхайского медицинского института Хуа Шан утверждал, что врачи с трехлетним образованием прекрасно зарекомендовали себя на практике. (Обучение было, по сути дела, только двухлетним, потому что адепты общей медицины в течение целого года обучались немедицинским предметам.) Я сказал ему тогда, что не желал бы, чтобы меня оперировал такой врач — человеческий организм сложнее, чем измерительный прибор, и его труднее заменить в случае неумелого обращения.

В нескольких больницах, где я побывал в 1979 г., считалось естественным, что такие "ускоренно выращенные" врачи должны были на какое-то время вернуться на медицинский факультет, чтобы догнать упущенное во время Культурной революции.

Программы обучения тоже существенно изменились. Политическое воспитание занимает сейчас менее, чем 5% от всего обучения. Следующие 5% отведены обучению иностранным языкам. Китай хочет преодолеть отстав-

ние путем интенсивного обучения, а также – использованием заграничного опыта. И незнание иностранных языков является – в особенности, для нового поколения китайских специалистов – самым крупным препятствием.

Университетские планы отвечают сегодня европейскому университетскому уровню. Приятно поражает, насколько большое значение придается сегодня фундаментальным предметам.

Библиотеки буквально заплавлены новыми книгами. Нужно догонять упущенное: на покупку книг из-за границы отводятся огромные суммы. Большие коллективы авторов стараются создать новые, современные и комплексные университетские учебники. А поскольку для написания такого учебника требуется время, то пока на китайский переводятся лучшие учебники, созданные в США, Англии, Западной Германии и Франции. Даже из СССР. В этом смысле советский ревизионизм не мешает прагматическим китайцам.

Библиотеки хорошо снабжаются иностранными научными журналами. Важнейшие журналы переиздаются в Китае, но печатаются на плохой серой бумаге. В отличие от советских переизданий, которые всегда подвергались строгой цензуре, китайцы переиздают журналы целиком: включая рекламы, антикитайские статьи и предупреждения, что какое угодно копирование журнала запрещено. Удивляет скорость, с какой такие репринты попадают в китайские провинциальные университеты. В начале мая 1979 г. я видел в университете Фу Дан в Шанхае номер журнала "Нейчер", выпущенный в конце февраля. На получение журнала из Лондона, производство типографских матриц, печатание, переплет и пересылку почтой по всему Китаю потребовалось менее двух месяцев.

Недавно у меня была возможность встретиться с несколькими советскими учеными из областных университетов. С тех пор, как СССР подписал Всемирную Женевскую конвенцию об авторском праве и перестал перепечатывать западные журналы, советские провинци-

альные университеты и институты не получают их больше и тем самым отрезаны от мира. Скромные валютные средства Советский Союз использует преимущественно на покупку многих дефицитных товаров, а на западную научную литературу остаются лишь гроши.

В университетах и в научно-исследовательских институтах Академии начинается разработка ряда сложных научных проектов. Недалеко от Пекина должен строиться большой электронно-позитронный ускоритель. Китай затратил 5 млн. долларов на покупку современного тандем-ускорителя для Пекинского института атомной энергии. Университеты в Пекине и Гуанчжоу стараются осуществить сложный эксперимент по обнаружению гравитационных волн. Это эксперимент, который пока не удалось успешно осуществить даже в наиболее развитых лабораториях в США и в Италии.

Если эти положительные тенденции будут и далее развиваться в китайских вузах и в науке, и если на их пути не появится какое-нибудь новое препятствие, вроде Культурной революции или другого стихийного бедствия, то у Китая есть все предпосылки выполнить недавно им взятое на себя обязательство: догнать до конца XX века развитые промышленные страны.

Во всех университетах, где я побывал, я узнавал о подобных извещениях о реабилитации. Это были как бы ласточки "китайской весны".

Согласно официальным данным реабилитировали около 400.000 ученых, деятелей искусства и писателей, поэтов, художников, актеров, интеллектуалов, политических работников, военных, техников. Всех их в конце 50-х годов обвинили в правом уклоне и долгие годы преследовали.

Большинство из моих близких китайских друзей принадлежит к более молодому поколению. Почти никто из них не подвергался репрессиям в 50-х годах. Зато все они пострадали во время Культурной революции. Быть интеллектуалом само по себе означало почти преступление. Интеллектуал являлся, согласно распространенной китайской классификации, подозрительным ("черным") элементом номер девять. На первых восьми местах находились:

1. помещики,
2. богатые крестьяне-кулаки,
3. контрреволюционеры,
4. темные элементы,
5. правые уклонисты,
6. предатели,
7. шпионы,
8. капиталистические элементы...

В хорошеньком обществе мы оказались!

Годы учебы в СССР или в США принесли моим друзьям, чаще всего, прозвище "шпион".

Все мои друзья получили извещения о реабилитации. Их содержание было примерно одинаковым. Только форма и длина отличались. Сколько людей было реабилитировано в Китае после Культурной революции — никто не знал точно.

— Может быть, несколько миллионов, — ответил на этот вопрос один революционный "кадр".

А если сюда причислить Бетховена, Толстого, Брехта, Конфуция и всю китайскую и мировую культуру, то реабилитировано было наверняка не менее десяти миллионов!

Самиздат с "предисловием" премьер-министра

Если бы мне кто-нибудь сказал в Москве, что там как раз вышел миллионным тиражом "Архипелаг ГУЛag" Солженицына с предисловием Леонида Брежнева, то я посчитал бы это плохой шуткой. Или концом бржневской эры.

* * *

Я ужинал у моих давних китайских друзей. Они тоже живут в одной небольшой комнате, переполненной книгами, кастрюлями, рукописями и грамофонными пластинками. Я снова сидел у стола на постели, занимавшей, примерно, половину комнаты.

— Ты знаешь эту книгу? — спросила моя знакомая.

Конечно, я ее не знал. Переплет был из серой бумаги, на которой стояла каллиграфическая надпись: "Тяньаньмэньские стихи".

— Эта надпись сделана рукой секретаря Коммунистической партии Китая и премьер-министра Хуа Го-фэна, — объяснила моя знакомая.

Я все еще не понимал. И тогда мне подробно все объяснили.

В апреле 1976 г. жители Пекина пришли на Тяньаньмэньскую площадь, чтобы, согласно старым китайским традициям, почтить память недавно умершего премьер-министра Чжоу Энь-лая. В отличие от многих других вождей, народ действительно любил и уважал его.

История эта всем известна. Люди приносили цветы и венки, милиция и тайная полиция увозили их. Люди сочиняли о Чжоу Энь-лае стихи и вывешивали на стенах. Полиция срывала и уничтожала их. Несколько дней продолжалась эта молчаливая борьба между людьми и властью. Только после ряда провокаций, организованных тайной полицией, вмешались милиция и армия. Многих арестовали. Дэн Сяо-пин снова исчез с политической сцены.

Цветы удалось уничтожить, стихи же не исчезли с лица земли.

Люди переписывали их, и несколько человек собрало их потом и составило сборник. Он включает около сотни лучших стихов, ходивших по рукам в самиздате. Тайная полиция упорно искала авторов стихов и составителей сборника. Нескольких человек посадили в тюрьму.

После этого не прошло и года, как в Китае многое изменилось. Тяньаньмэньские стихи перестали быть запрещенной литературой. В конце 1978 г. появилось их первое официальное "неофициальное" издание, "только для внутреннего пользования" партийных кадров.

В апреле 1979 г. вышло первое, по-настоящему официальное, издание, тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров.

Чтобы придать должный вес выходу в свет этого сборника, премьер-министр и председатель КПК Хуа Гофэн написал на титульном листе (кисточкой и тушью), собственной рукой каллиграфическим почерком ее название. В Китае, где каллиграфия иероглифов считается одним из самых больших искусств, этот жест означал больше, чем если бы премьер-министр Хуа написал к книге предисловие.

* * *

Книгу тяньаньмэньских стихов я уносил с собой, уходя от друзей, как драгоценный подарок. В магазинах ее уже давно расхватывали.

Несколько дней спустя один китайский знакомый увидел ее у меня в гостинице. Он перелистал ее и сказал:

– Некоторые авторы тяньаньмэньских стихов не слишком-то радовались этому изданию...

– Почему? Неужели оно подверглось цензуре?

– Нет, – ответил он. – Им не нравилась обложка, надпись на которой сделана собственноручно премьер-министром Хуа. Или, вернее, то, что он как раз был премьер-министром во время этих событий...

Одно из Тяньаньмэньских стихотворений (документ времени)

Я выбрал одно из Тяньаньмэньских стихотворений в качестве примера. Оно является интересным свидетельством того, как мало популярна была даже при жизни Мао Цзэ-дуна (стихотворение написано за полгода до его смерти) его жена, первая дама в государстве — товарищ Цзян Цин.

О некой женщине

Эта женщина совсем лишилась рассудка!
Захотелось ей стать императрицей!
Взгляни на себя в зеркало,
Чтобы увидеть свое отражение.

Тебя окружает банда палачей,
Они делают жизнь несносной,
Водят людей за нос.

Но дни твои сочтены.
Мысли Мао Цзэ-дуна побеждают.
Помогают нам видеть правду,
Помогают отличить дурное от хорошего.
Ты никогда не сумеешь обмануть нас.

Премьер светил нам, как солнце и месяц.
Мысли его будут всегда греть наши сердца.
Для нас он жертвовал своей жизнью.
Память о нем останется навеки.

Посмевавшая выступить против нашего
премьера,
Как бешеная собака, лающая на солнце.
Пропади ты пропадом!

Провокатор, отчетливо обозначенный стрелкой

От друзей я ушел, унося еще одну редкую книгу: альбом фотографий, свидетельств Тяньаньмэньских событий.

Я рассматривал снимки с большим интересом. Горы цветов и венков у подножья высокого обелиска на "Площади небесного спокойствия". Сотни тысяч людей, пришедших почтить память умершего премьер-министра Чжоу Энь-лая. Люди расклеивают стенгазеты, стихи; десятки и сотни других людей, в спешке переписывающие эти стихи. Стычки с полицией, продолжавшиеся несколько дней.. Люди приносят цветы, а полиция их ночью увозит и уничтожает. Рабочих одной пекинской фабрики это настолько рассердило, что на следующий день утром они привезли на грузовике огромный венок, выкованный из железа... Следы крови на ступеньках перед обелиском... Горящий автомобиль и полицейские во время расправы...

На одной фотографии — группа людей на лестнице. Над одним из них нарисована отчетливая черная стрелка. Чтобы не было сомнений, китайский текст объясняет: это провокатор.

* * *

На пароходе в трех удобных каютах 2-го класса (1-й класс ликвидировали) плыло из Чунцина в Ухань пятеро китайцев и я. С двумя из них я быстро познакомился: это были руководители ансамбля песни и пляски. Третий — мой гид. Оставалось еще двое мужчин постарше, молчаливых. Как выяснилось, это были кадровые работники. Одеты они в синие костюмы и кепки. Целыми днями сидят они у окна, курят папиросу за папиросой и наблюдают за быстро убегающими вдаль берегами Большой реки.

Только на третий день мне, наконец, удалось нарушить их молчание и завязать разговор.

- Где вы работаете? — спрашиваю я.
- В одном учреждении в Пекине.
- В каком?
- В центральном учреждении.
- В каком центральном учреждении?
- В Министерстве безопасности.

Последний ответ разжег мое любопытство. И, впервые в Китае, мне не разрешили включить карманный магнитофон, чтобы записать наш разговор.

- Как долго вы работаете в органах безопасности?
- Более 20 лет.
- В последнее время там произошли, наверное, большие перемены.
- Да.
- Устранены беззакония в работе органов?
- Да, конечно.
- Много людей было уволено из вашего учреждения?

— Да, были серьезные персональные изменения в руководстве и среди рядовых кадров.

— Что случилось с агентами-провокаторами из Тяньаньмэня?

— С какими агентами?

Я приношу альбом с фотографиями и нахожу снимок с провокатором, отчетливо обозначенным черной стрелкой.

Они смущенно улыбаются.

- Их пришлось перевоспитывать.
- На свободе или в заключении?
- Среди людей, на свободе.
- Как ваше министерство хочет обеспечить, чтобы не повторялись беззакония последних лет?
- Нужно вести воспитательную работу среди людей.

— У меня создалось впечатление, что беззакония совершались органами безопасности, и что их жертвами были люди.

– Нужно стараться последовательно претворять в жизнь законы...

– Как вы оцениваете Культурную революцию?

– Дэн Сяо-пин ясно все сказал. Мне нечего добавить к его словам...

– А ваш личный взгляд?

– Пусть ответит будущее.

– Думаете ли вы, что Культурная революция принесла для Китая что-нибудь положительное?

– Не знаю.

– В науке, насколько могу судить, Культурная революция означала потерю, по крайней мере, десяти лет и целого поколения ученых.

– "Банда четырех" старалась нарушить развитие нашего общества. Были совершены ошибки...

Узкий коридор, где мы стояли и разговаривали, заполнился дымом от крепких китайских папирос. За окнами мелькали картины китайской провинции – джонки, деревеньки, маленькие поля.

Дискуссия, продолжавшаяся еще некоторое время, чем-то напомнила мне пражские дискуссии весной 1968 года. К чувству безнадежности у меня примешивалось восхищение отвагой, волей и энергией тех, кто ставит перед собой цель изменить все это.

Большие и малые газеты

Китайская система информации не проста. Если ограничиться печатной информацией, то самую важную роль здесь играют большие и малые газеты. Мне трудно судить, какие из них важнее.

Используемая мною терминология – неофициальная. Китайцы между собой называют информационный бюллетень, выходящий ежедневно в виде газеты малого формата, – "малая газета". Ее нельзя купить в киосках. Но зато ее получает почти весь политический, профсоюзный и административный аппарат, армия, работники научных учреждений, высших учебных заведений и культурных учреждений. Тираж ее мне неизвестен.

Однако, она содержит гораздо больше информации, чем обычные газеты, продающиеся в киосках.

В "малой газете" часто печатаются критические статьи о внутреннем положении, критические иностранные отклики о Китае и его политике, а также — объяснение различных постановлений и мероприятий, подробные и нецензурированные заграничные новости.

С названием "большая газета" вы в Китае не встретитесь. Я сам его выдумал, чтобы как-то отличить другие газеты от "малой газеты". Самой важной "большой газетой", форматом в два раза больше, чем "малая", является, бесспорно, "Женьминьжибао". В переводе это означает "Народная ежедневная газета". Выходит она с 1948 г., причем, с 1949 г. — это центральный орган компартии Китая. Тираж ее составлял в 1979 г. 6.3 млн. экземпляров. Обычный объем — 6 страниц. Лишь 5% тиража продается в газетных киосках, где газету немедленно разбирают. Говорят, что если бы не нехватка бумаги, то тираж этой газеты можно было бы увеличить вдвое.

В редакции Женьминьжибао работает около 500 человек — редакторов и других сотрудников. В мае 1979 г. у газеты было только 10 иностранных корреспондентов, работавших за границей. Размещение этих корреспондентов было характерно для китайской заграничной политики того времени. Они работали в Токио, Пхеньяне, Бухаресте и Белграде (по два корреспондента). Кроме того, в Лондоне и в Париже находилось по одному корреспонденту.

Редакция состоит из 10 отделов. Самым важным из них китайцы считают Отдел писем читателей. Дело в том, что письма представляют собой практически единственную возможность контроля над работой политических деятелей в провинции, а также возможность воспрепятствовать злоупотреблению политической властью и преследованию противников, критикующих местные власти. Большинство писем носит критический характер; редакция получает в настоящее время примерно 2.500 писем в день.

Каждое письмо сначала проверяют на месте посланные туда корреспонденты газеты. Если же факты подтверждаются, то дело передается в ЦК КПК. После принятия там резолюции письмо печатают вместе с комментарием и точкой зрения редакции "Женьминьжибао".

Несколько лет тому назад газета полностью находилась в руках "банды четырех". 14-го января 1976 г., накануне грустной годовщины со дня смерти премьер-министра Чжоу Энь-лая, газета поместила передовую статью, где говорилось, что мысли всего народа заняты реформой обучения в университете Циньхуа. Статья эта была замаскированным выпадом против Чжоу Энь-лая и его политики. Сам же Чжоу Энь-лай не был назван в статье.

Статья вызвала бурю протестов – телефонных звонков и писем, адресованных главному редактору газеты. В некоторых письмах к нему обращались так: "господин Геббельс"

Редакция передала письма читателей в тайную полицию. Большинство авторов разыскали и посадили в тюрьму. Даже не обладая фантазией, можно представить себе, что произошло после этого: поток писем вскоре совсем прекратился.

Первым шагом новой редакции "Женьминьжибао", назначенной после ареста "банды четырех", было освобождение и реабилитация всех авторов писем. Газета опубликовала не только подробное сообщение о преследованиях и арестах своих читателей, но также очень правдивые высказывания самих пострадавших.

После этого шага редакции, поток писем читателей начал снова расти.

* * *

Я как раз находился в Пекине, когда "Женьминьжибао" напечатала передовую статью, направленную против "чтобынизма". Статья вызвала много откликов, о ней говорили повсюду. В ней был подвергнут критике принятый обычай повторять бесконечно повсюду все, что

бы ни сказал или написал известный руководитель, и считать это абсолютной истиной в последней инстанции.

В этой статье никого не называли. Но всем было ясно, о ком идет речь.

Всем было ясно, что проповедником этого, так называемого "двойного чтобынизма" являлся двойной председатель: председатель коммунистической партии и председатель правительства Хуа Го-фэн.

Сколько членов насчитывала "банда четырех"?

"Самой крупной ошибкой многих известных революционеров было то, что они не смогли умереть во-время", — сказал мне в Пекине один иностранный журналист.

"Почему такая жестокость? Неужели нехватило бы самому во-время уйти на пенсию, или во-время уйти со своего поста по требованию других...", — заметил я.

* * *

Мы сидели с китайским знакомым и пили жасминовый чай. Нам о многом надо было поговорить. Горячей воды в термосе оставалось еще достаточно, и вечер только начался.

— Послушай, а сколько членов, собственно, насчитывала "банда четырех"? — спросил я, набравшись смелости.

— Я тебя не понимаю. Ведь четыре..., — ответил мой немного ошарашенный знакомый, старый член партии и опытный идеолог. Во время Культурной революции он находился несколько месяцев под домашним арестом. Он провел целый год в какой-то деревне, в школе 7-го мая, где его "перевоспитывали".

— Ты ведь меня понимаешь. Кто стоял за Культурную революцию? Под чьим именем была напечатана программа Культурной революции, ее 16 пунктов?

Меня мучило много вопросов. Некоторые ответы на них я и сам знал, но хотелось услышать их из уст китайского знакомого.

— Как вы расцениваете теперь кампанию "Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ"? Отрицательно? Ведь ее инспирировал сам великий Мао. А как вы смотрите сейчас на кампанию "Большой скачок вперед"? Тоже отрицательно? А ведь и эту кампанию связывали с именем председателя Мао. Не понадобится ли переоценка его роли в истории современного Китая?..

Мой знакомый разговорился. Было видно, что подобные вопросы часто обсуждаются сейчас в Китае.

Да, я, конечно, прав... Но с такой переоценкой нельзя спешить. Поспешная переоценка деятельности Сталина, сделанная Хрущевым, принесла, согласно взгляду китайцев, больше вреда, чем пользы...

Тут я не соглашался с ним. По-моему, если уж что-то принесло вред, то это — непоследовательное разоблачение и переоценка сталинской деятельности.

— Переоценка роли Мао Цзэ-дуна в истории будет трудным и сложным делом, — продолжал он, и разговорился о теоретических и идеологических проблемах.

Горячей воды в термосе оказалось мало.

* * *

Мой знакомый во многом был прав. Переоценка деятельности Мао Цзэ-дуна будет делом нелегким. Но она началась без официальных постановлений.

Уличные фотографии в Пекине по-прежнему снимали людей на фоне мавзолея Мао Цзэ-дуна. Желающих еще достаточно.

Я подумал, что будет трудным делом разрушить этот помпезный мавзолей, найти ему другое, более полезное применение. Ведь используют же сегодня пространства под бывшим памятником Сталину, уродливо торчавшим когда-то над Прагой и потом взорванным динамитом, для хранения картошки. А во скольких китайских хра-

мах я видел, как там варили еду и сушили пленки? Люди унаследовали храмы от прежних богов. И чувствуют себя в них неплохо.

Юг Китая более прагматичен. Как-то в Чунцине, я зашел в книжный магазин. Тут были разные отделы. У прилавка с научной и технической литературой толпились нетерпеливые покупатели. Немного меньше народу было в отделе художественной литературы – может, потому, что за последние годы в Китае вышло не так уж много интересных книг. В отделе политической литературы было почти пусто. А у прилавка с сочинениями Мао Цзэ-дуна не было ни души. Местные партработники считали это ужасным. Для меня же это был признак прогресса.

* * *

Почти в то же время сомнения о роли Мао Цзэ-дуна в китайской истории высказал бывший заместитель премьер-министра Чэнь Юнь:

”Если бы Мао Цзэ-дун умер в 1956 г., никто бы не сомневался, что это был великий вождь китайского народа... Если бы он умер в 1966 г., его заслуги и успехи были бы несколько омрачены, но общая оценка его деятельности все же была бы высокой. Однако, он умер в 1976 г. – и с этим фактом нельзя уже ничего поделать...”.

Об этом высказывании Чэнь Юня я узнал только в 1981 г., и, к сожалению, не мог использовать его как аргумент в дискуссии.

Ночной кошмар в гостинице Цзин Ань

В ресторан вошла целая процессия корейцев: пятнадцать мужчин и шесть женщин. Все они были черноволосые и серьезные: мужчины в элегантных темных костюмах, белых рубашках и темных галстуках. На женщинах – белые блузки и тоже темные костюмы. На ле-

вом отвороте пиджака, значит, у сердца, — значок с портретом великого корейского вождя. Их руководителя я узнал сразу: у него на отвороте пиджака красовался самый большой значок с портретом Ким Ир-сена.

Эта, похожая на ночной кошмар, сценка напомнила мне, что одна моя шведская знакомая просила привезти ей из Китая несколько значков с портретом Мао Цзэ-дуна. Она сама ездила несколько месяцев тому назад в Китай и привезла для своей семьи китайские синие куртки и шапки. Но без значков это совсем не то.

И вот я отправился на поиски значков. Продавщицы посылали меня из отдела в отдел, с этажа на этаж. Я побывал в нескольких магазинах и больших универмагах. Но ни там, ни в магазине "Дружба", специально снабжаемом, поскольку туда ходят иностранцы, значков с портретом Мао Цзэ-дуна так и не оказалось.

В Шанхае человек может подумать, что его не понимают, раз он говорит на пекинском диалекте, так называемом "путунхуа". Поэтому на следующий день я отправился на поиски значков с переводчиком, "маленьким Ваном", урожденным шанхайцем. Но и тут нас постигла неудача — значки исчезли из торговой сети.

Менее года тому назад почти каждый китаец носил такой значок. За последние два десятилетия китайская промышленность произвела их наверняка не менее миллиарда. Сегодня же вы можете увидеть их в Китае только на исторических снимках. Точно также дело обстоит с маленькой красной книжечкой, где собраны избранные цитаты великого Мао. Это ее хирурги читали перед сложной операцией, а китайские альпинисты вдохновлялись ею на высоте 8.600 метров, перед самым штурмом вершины Чомолунгма (Монт Эверест).

"Маленький Ван" оказался самоотверженным гидом и переводчиком. Он развил лихорадочную деятельность. И вот, благодаря ему, я уезжал из Китая в мае 1979 года, увозя редкостные трофеи: четыре значка с портретом Мао, найденные где-то в тайниках ящика письменного стола.

Моя шведская знакомая их так и не получила. Эту "ценную" реликвию я оставил себе на память.

Не играет роли, какого цвета кошка — белого или черного. Если она умеет хорошо ловить мышей, то это — хорошая кошка.

Дэн Сяо-пин *

Четыре или пять модернизаций ?

Китай полон сегодня модернизациями. Четыре главных из них приводятся в постановлении ЦК КПК, вышедшем в конце 1978 г.: модернизация промышленности, сельского хозяйства, науки и технологии, а также — модернизация армии. С их помощью Китай хочет до конца XX века догнать западные промышленно развитые страны.

Всю грандиозность и сложность этой задачи я осознал только после того, как увидел в Сычуани, в каменоломнях, десятки девушек с молотками, разбивавших камни на щебень. Десятки других девушек уносили потом этот щебень в корзинах, подвешенных на коромысле, на постройку находившегося неподалеку шоссе.

В 1978 г. промышленные страны Запада и Япония захлебывались от восхищения китайскими планами по импортированию технологии и промышленных комплексов в Китай. Уже велись подсчеты будущих прибылей. Приблизительные оценки того, что Китай собирается купить за границей до 2000 года, достигали астрономических цифр: 600 млрд. долларов.

Ревизия планов и, главное, импорта технологии, обнародованная в Пекине весной 1979 г., подействовала

---

* Эта цитата взята из так называемой "Черной книги", где собраны выступления Дэн Сяо-пина. Книгу распространили хунвэйбины в 1967 г., стремясь доказать, что заместитель председателя правительства — это правый элемент, старающийся вернуть Китай на капиталистический путь.

на Западные промышленные круги как холодный душ.

Это разочарование не было бы таким сильным, если бы Запад был способен трезво оценить возможности Китая, его внутреннее положение и, главное, — способность китайцев освоить современную технологию.

Пересмотр китайских планов по импорту технологии оказался необходимым не только потому, что у Китая не хватило бы финансовых средств все это оплатить (Китай до сих пор обходился в заграничной торговле практически без многолетних заграничных кредитов и займов, тогда как все остальные социалистические страны, во главе с СССР, сильно задолжали Западу), но также и потому, что в Китае вследствие Культурной революции не хватает целого поколения специалистов, — а без них нельзя было бы освоить и рационально использовать сложную новую технологию.

Но речь идет не только о том, как рационально овладеть новой технологией и как ее использовать. Китай должен освоить эту технологию, приспособить ее для собственных условий и распространять по всей огромной стране в этой новой версии. Из-за грандиозных размеров Китая нельзя ожидать, что импортная технология могла бы полностью удовлетворить потребности страны в отдельных областях. Наконец, Китай должен овладеть новой технологией столь глубоко, чтобы он был способен в будущем сам воспроизводить ее на более высоком уровне. В противном случае импортная технология вскоре устарела бы.

— Главная цель импорта технологии в условиях Китая — это усовершенствование наших собственных возможностей производства современной технологии, — объяснял мне принцип китайской политики по модернизации промышленности один старый революционер.

Китай — это страна с огромным количеством производительных сил и с очень низкой производительностью труда. В стране существует безработица, причем, в довольно большом масштабе. Особенно — среди молодежи. Китайские экономисты не любят говорить об этом. Слово "безработица" не входит пока в их политический жаргон.

— В Китае нет безработных, есть только лица, которые пока не нашли свое место в трудовом процессе, — говорил мне довольно раздраженно один профессор экономики из пекинского университета.

Резкое и быстрое повышение производительности труда вело бы, несомненно, к резкому росту безработицы со всеми ее социальными, хозяйственными и политическими последствиями.

Перед Китаем стоят серьезные проблемы и в области управления современной экономикой. Доминирование политики над экономикой, имевшее место в течение почти целой тридцатилетней истории КНР, не позволяло создать современное и динамичное управление всеми областями народного хозяйства.

— Многие феодальные пережитки и традиции, еще оставшиеся у нас, тормозят наше развитие, — заметил в одной из дискуссий молодой директор производства.

Конфуцианское почтение к старшим ведет к тому, что состарившиеся директора, ректоры, президенты, политики и вообще начальники не хотят уходить на пенсию. А их заместители, хотя и выполняют за них всю работу, не только не имеют возможностей для собственной инициативы, но и формальной власти.

Четыре модернизации, очевидно, нельзя будет осуществить без модернизации пятой. О ней не говорилось на осеннем заседании ЦК КПК, но к ней призывали на пекинской стене демократии: необходима модернизация китайского общества и модернизация производственных отношений. Необходима демократизация политической и общественной жизни.

Эта пятая модернизация настолько важна, что заслуживает первого места. Без ее осуществления все остальные модернизации были бы "построены на песке".

Энергетический кризис — империалистическая выдумка ?

Еще несколько лет тому назад в китайской центральной печати появлялись статьи, называвшие энергетический кризис империалистическим вымыслом: мировые запасы энергии являются, мол, неисчерпаемыми, известные источники энергии не уменьшаются, а наоборот — растут.

Сегодня вы не найдете такие статьи в китайской печати. Проблема энергоснабжения начинает серьезно обсуждаться в газетах, в научно-технических кругах, в государственных органах.

Это происходит потому, что первые проявления энергетического кризиса стали ощущаться в последнее время также и в Китае. Речь идет не об импорте нефти или природного газа: Китай полностью обеспечен горючими ископаемыми и даже собирается вывозить нефть в Японию, чтобы оплатить огромный импорт технологии. Нехватка же электроэнергии (или энергетических мощностей) становится сегодня главным лимитирующим фактором в дальнейшей индустриализации Китая.

Примером может служить Уханьский сталелитейный комбинат, построенный в 1979 г. западно-германскими и японскими фирмами, стоимостью 1 млрд. 600 млн. западно-германских марок. Комбинат мог работать, используя только одну треть своих мощностей. В чем же причина? Дело в том, что Уханьский комбинат потребляет около 300 мегаватт, существующие же в Уханьской области электростанции не могут обеспечить его таким количеством энергии. Гидроэлектростанции соседней провинции Хэбей тоже не могут поставить нехватящую энергию, так как они обслуживают преимущественно оросительную систему. Ведь производство продовольствия в Китае, находящемся все еще на грани голода, важнее.

Потребление энергии в Китае на душу населения низкое, менее 5.000 киловатт на человека в год (в США — 90.000 киловатт).

Индустриализация, модернизация и рост жизненного уровня населения поведут к росту потребления энергии и, особенно, — электроэнергии. Недостаток энергетических мощностей мог бы — как это видно на примере Уханьского комбината — поставить под угрозу амбициозные планы по реконструкции Китая.

Как собирается Китай в будущем решать проблему энергетического снабжения? Особая надежда возлагается на гидроэнергию. Китай обладает огромными и пока мало используемыми источниками гидроэнергии. На реке Янцзыцзян — длиною в несколько тысяч километров — до сих пор нет ни одной крупной гидроэлектростанции. Однако, реки в Китае служат не только источником энергии, но прежде всего — источником воды для орошения. Встает вопрос, не повлияет ли постройка гидроэлектростанций на ирригационную систему, начинавшую строиться в очень давние времена — примерно, 1000 лет до н.э.? Ведь без нее немыслимо китайское сельское хозяйство.

А каковы будут экономические последствия строительства гидроэлектростанций? По данным из СССР, там сокращают дальнейшее строительство гидроэлектростанций, потому что они крайне отрицательно влияют на сельское хозяйство, водное хозяйство, рыболовство и т.д. В Китае тоже начинают раздаваться критические голоса, выступающие против некоторых гигантских проектов, например, против поворота вод реки Янцзыцзян на север, в русло реки Хуанхэ, и против необдуманного строительства электростанций.

Китай располагает огромными запасами угля. Согласно неполным данным — геологические исследования пока еще не закончены — Китай по залежам угля находится на втором или третьем месте на Земле. Поэтому Китай будет, по всей вероятности, ориентироваться в будущем на угольную альтернативу. Каковы будут экологические и климатические последствия, пока трудно предсказать. Но опасность вполне реальна: ведь человечество собирается сжечь запасы угля, накопленные в

в природе приблизительно за 100 млн. лет, в течение нескольких сотен лет. При этом в атмосферу будет выделяться огромное количество двуокси углерода и других опасных химических отходов.

Поэтому Китай не хочет ориентироваться только на угольную альтернативу. Поскольку запасы урана в стране тоже немалые (размеры никогда не публиковались), Китай начинает также создавать свою ядерно-энергетическую базу: в Пекине, при Институте атомной энергии, основано научно-техническое Общество по изучению ядерной энергии. Во главе этого общества стоит известный ядерный физик профессор Ван Гань-чан. Как и в других областях, Китай старается получить первый промышленный опыт путем покупки техники и технологии на Западе. Планы строительства первых ядерных электростанций являются в Китае предметом оживленных дискуссий и споров. Первое решение, тем не менее, уже принято: первая ядерная электростанция начинает строиться в сотрудничестве с Гонконгом на китайской территории.

Поражает внимание, которое Китай уделяет изучению использования энергии, получаемой при слиянии легких ядер в так называемом термоядерном реакторе, который в будущем послужит практически неограниченным источником энергии. Хотя техническое осуществление этого проекта кажется реально достижимым не ранее, чем через 30-50 лет, китайские специалисты разрабатывают его в настоящее время куда интенсивнее, чем проекты "классических" ядерных электростанций. В провинции Аньхой строится крупный опытный термоядерный реактор под названием "Токамак СТ-8". Он по своим размерам и параметрам — на уровне большинства европейских и американских проектов.

Интерес ученых к проекту термоядерного реактора и поддержка правительственных органов вполне понятны: Китай рассчитывает на значительное возрастание потребления энергии только в начале будущего столетия (когда он рассчитывает догнать Запад по уровню промышленного производства) и хочет быть полностью

научно и технически подготовлен к использованию этого мощного источника.

Все свидетельствует о том, что Китай подготовлен к будущему энергетическому кризису лучше, чем большинство западно-европейских стран, которые по горло заняты пустяковыми спорами о значении и опасностях ядерной энергии. Они не понимают, что нехватка энергии привела бы в будущем к конфликтам и войнам, последствия которых гораздо страшнее для человечества, чем самая опасная катастрофа на ядерной электростанции.

Думы о дыме

По реке Цзялинцзян плыли глыбы льда. Если учесть, что дело происходило в Южном Китае, притом еще в начале мая, когда в Сычуани идет полным ходом уборка урожая, то это было нечто совершенно необычайное.

Я попросил шофера остановить машину. Конечно, это был не лед, а огромные хлопья белой пены, которую выпускала в реку целлюлозная фабрика. Она стояла высоко над рекой, и все отбросы беспрепятственно вытекали прямо в реку.

Ни мои гиды, ни местные партработники совершенно не понимали причины моего беспокойства.

* * *

Вопрос о загрязнении окружающей среды не стал еще, к счастью, в Китае предметом массовой истерии, как это, например, имеет место в Швеции. Но, с другой стороны, вопрос этот не стал еще, к сожалению, в Китае предметом серьезной заботы политических органов.

— Чжанцзян несет ежегодно больше тысячи миллиардов кубометров воды. А такое количество не удастся уж так легко загрязнить, — говорили мне.

— А представляете ли вы себе, как сложно будет очистить такое количество воды? — спорил я.

— Борьба против загрязнения стоит очень дорого — на это у нас нет пока ни средств, ни времени.

– Позже это будет стоить гораздо больше. Неужели Китай хочет повторить все ошибки, совершенные Западом при быстрой индустриализации, и с таким трудом исправляемые сейчас?

После увиденного в Чунцине, я все время держал наготове фотоаппарат. Мы проплыли две тысячи километров по этой реке. И многое тут заставляло человека призадуматься: цементные заводы, покрывавшие серой пылью десятки километров; отходы многочисленных целлюлозных комбинатов, известковых заводов, угольных складов и других заводов. Их отбросы шли прямо в реку, или в воздух. Десятки километров перед промышленным Уханем долина Чжанцзян затянута дымом. Только приехав в город, я увидел скрытые в тумане заводы. Их дымы были окрашены в разные тона: белый, серый, желтый, красный и черный – целая палитра красок.

Пролетая над Ханчжоу, я видел несколько десятков заводских труб, как бы соревнующихся между собой: кто больше выпустит дыму.

Шанхай был затянута лондонским "фогом". Там трудно было дышать.

В Гуйлини река оказалась окрашенной в красный цвет – местная красильная фабрика выпускала в нее свои отбросы. А красная краска, как известно, популярна в "красном" Китае.

Боюсь, что проблему загрязнения окружающей среды будет нелегко решать в Китае: это видно на примере других социалистических стран. Все же первый шаг уже сделан: о загрязнении окружающей среды заговорила центральная печать.

Импровизированное интервью

Вот я уже несколько дней в Шанхае. Прочел три лекции в университете, посетил ряд научно-исследовательских институтов и выставок. Даже успел немного побродить по городу, не похожему ни на какой другой город. Здесь многое осталось со времен колониальных концес-

сий. Однако, за прошедшие 30 лет все было переименовано и переделано одиннадцатью миллионами шанхайцев.

На реке Усун исчезли колонии джонок, — помню их с моего первого посещения, — тогдашних трущоб. Исчезли некоторые базары, появились новые парки и рабочие районы не слишком-то привлекательного вида.

Бывшие концессии — виллы иностранных управляющих, чиновников, промышленников и банкиров — приняли совсем китайский вид. В каждой вилле живет сегодня несколько семей, во двориках и на террасах сушится белье; по утрам там затапливают маленькие печки, на которых готовят еду.

В государственных магазинах значительно уменьшилось засилие серых и голубых тонов китайской одежды. Магазин с шелковыми и синтетическими тканями полон покупателей. В универмагах можно снова увидеть одежду всевозможных расцветок. То же самое замечаешь на улицах: женщины снова начали носить разноцветные юбки, блузки, а мужчины — изредка даже галстуки.

В городе снова появились уличные продавцы. Они торгуют товарами, которых нет в государственных магазинах: маленькими статуэтками из гипса — например, бюст Бетховена, сделанный в примитивных домашних условиях; фотографиями западных актеров, текстами с нотами западных шлягеров. Или изделиями из пластмассы: пресс-папье, пряжками.

Вблизи рынка один юноша продавал тщательно очищенные лягушачьи ножки. При этом он боязливо оглядывался по сторонам, так же как и большинство других уличных продавцов, следя, не появится ли поблизости милиционер. Вся деятельность этих людей происходит где-то на границе дозволенного властями. Покупателей же хоть отбавляй — к продавцу трудно бывает пробраться.

В Шанхае больше, чем в Пекине, чувствуется его капиталистический предпринимательский дух. Одновременно сильнее чувствуется неуверенность в завтрашнем дне, даже страх. Шанхай был духовным центром Куль-

турной революции, его жители пережили больше, чем население других мест. Поэтому они относятся к "китайской весне" с особой осторожностью и выжиданием.

* * *

Сегодня в моей программе — посещение школы. У входа меня встречает красочная надпись:

"Ученики и учителя школы Хуньсин (Красная звезда) приветствуют дорогого гостя из Швеции!"

Школа явно принадлежит к тем, которые показывают иностранцам: под иероглифами, означающими слово "Швеция" еще можно было прочесть, что предыдущие гости были из Франции.

Если бы мне пришлось выбирать между китайской и шведской системами обучения, то я без колебаний выбрал бы для своих детей китайскую систему (после устранения всех бессмыслиц, связанных с Культурной революцией). Я сделал бы это даже с учетом риска идеологического индоктринирования детей, которое мне совсем не по душе. По собственному опыту я, однако, знаю, что такую политическую индоктринированность преодолеть легче, чем недостаточное и поверхностное образование, являющееся характерной чертой сегодняшней реформированной и антиавторитарной шведской школы.

Китайская школа с первого класса приучает детей к рабочему темпу, дисциплине, дает им солидные основные знания, по крайней мере, в конкретных предметах. Она поддерживает в детях здоровое соревнование — в каждом классе висит список учеников по порядку их успеваемости.

Школьное обучение разделено на три этапа. До 1976 г. обучение в школах было 12-летним. Сейчас введено 10-летнее обучение несмотря на то, что все учителя, с которыми мне привелось говорить, считали такое сокращение срока обучения неправильным и вредным. Начальная школа — 5-летняя; в средней школе есть два этапа, низший длится 3 года, высший — 2 года.

Обучение конкретным предметам – математике, физике, химии, биологии – поставлено на высоком уровне. Детей учат самостоятельно мыслить, решать задачи.

Обучение китайскому языку занимает много времени: оно длится практически 10 лет, по 4-6 часов в неделю. Такова особенность китайской школы. Ведь выучить 2.000 – 3.000 основных иероглифов гораздо сложнее, чем овладеть 26 буквами алфавита!

На уроках истории и литературы китайские дети сегодня опять узнают, кто такие были Толстой, Бальзак или Байрон. Пять лет тому назад, во времена Культурной революции, это было невозможно.

Много времени уделяется политическому воспитанию. В средней школе ему отведено 2-3 часа в неделю. Сюда входят социальная история, основы коммунизма, основы философии и политической экономии.

В китайских школах царит жестокая конкуренция. В Шанхае только 15% окончивших школу попадает в высшие учебные заведения. 45% идет в 2-летние технические училища; 40% сразу начинает работать, часть из них – в деревне.

В больших городах большинство детей оканчивает десятилетку. В провинции дело обстоит хуже: образование часто заканчивается в восьмом классе, а то и раньше.

* * *

Я осматриваю несколько классов. В каждом – приблизительно 40 детей. В классах с окнами, выходящими на улицу, трудно слушать слова учителя и ответы учеников – такой там стоит шум.

Директор школы приглашает меня выпить с ним чаю и послушать пение двоих учениц в сопровождении китайских народных инструментов.

Начинаю расспрашивать этих девочек. Вначале наш разговор не клеится, но постепенно они разговорились. Вот как выглядит транскрипция магнитофонной записи:

”Девочке 15 лет, она ходит в последний класс нижней ступени средней школы. Отец – служащий пищевой промышленности, мать – врач. Она – единственный

ребенок в семье. Живет вместе с родителями, бабушками и дедушками, да еще с тетей в общей 8-комнатной квартире. Две комнаты занимают ее родители, по одной – старики, одну – тетя. Три оставшиеся комнаты занимает другая семья. Каковы ее планы на будущее? Она хочет сдавать экзамены в институт, изучать музыку или медицину.

– Что вы сейчас проходите по политическому воспитанию? – спрашиваю я.

– Социальную историю Китая.

– В Китае все время говорят сейчас о классовой борьбе. Знаешь, что такое ”классовая борьба”?

Школьница молчит.

– А что такое ”диктатура пролетариата”?

– Это диктатура пролетариата и остальных трудящихся над классовыми врагами.

– Кто это такие, классовые враги?

– Те, что нарушают законы, убийцы...

– Ты слышала когда-нибудь о правах человека?

– Я слышала эти слова, читала что-то в газетах.

– Когда произошла Китайская революция?

– Какая революция? В Китае были разные...

– Какие китайские революции ты знаешь?

– Перед освобождением – Движение 4-го мая, после освобождения – Культурная революция...

– Как ты относишься к Культурной революции?

– У нее были хорошие и плохие черты.

– Что было, с твоей точки зрения, плохого в Культурной революции?

Девочка молчит.

– А что было хорошего?

– Она принесла пользу трудящимся.

– Когда была русская революция?

– В 1919 году.

– Кто были ее вожди?

– Ленин и Сталин.

– Знаешь еще какие-нибудь имена вождей русской революции?

– Нет, не знаю.

– Что ты знаешь о Чехословакии?

– Это неплохая страна...

– Что ты о ней знаешь?

– Это была социалистическая страна, находится в Европе...

– Была социалистическая страна?

– Сейчас она уже не социалистическая.

– Почему?

– Потому что у нее хорошие отношения с СССР.

– Ты думаешь, что у нее хорошие отношения с СССР? Ведь СССР ее оккупировал.

Молчание.

– Говорят тебе что-нибудь слова "пражская весна", "Дубчек"?

– Я читала об этом в газете.

– Солженицын?

– Не знаю.

– Кто такой Брежнев?

– Вождь СССР.

– Какой человек Брежнев?

– Плохой, ведет русскую экспансивную политику.

– Как насчет Сталина? Это был хороший или плохой политик?

– Люди говорят, что у него были как заслуги, так и недостатки. Лично я думаю, что он был хороший человек.

– Слышала ли ты о том, что он уничтожил миллионы граждан своей страны?

– Не слышала. Никогда.

– Знаешь кто был Лю Шао-ци?

Смех.

– Конечно!

– Хороший или плохой человек?

Девочка колеблется.

– Не труден ли этот вопрос также и для вас, взрослых? – спрашиваю я директора школы, намекая на до сих пор не осуществленную реабилитацию (май 1979 г.) Лю Шао-ци.

– У каждого есть свои заслуги и недостатки, – находит, наконец, девочка ответ-компромисс.

Второй девочке 13 лет, она ходит в первый класс низшей ступени средней школы. Ее старший брат, отец и мать – учителя. Ее любимые предметы – музыка и физкультура. Живут они в общей квартире, состоящей из 9 комнат. Их жилплощадь – 22 кв.м. В квартире еще две семьи.

– Что ты знаешь о Культурной революции?

– Мало. Мне был всего год, когда она началась.

– Когда она закончилась, тебе было почти 10 лет.

Есть у тебя свой взгляд на нее?

– Некоторые люди говорят о ней хорошо, другие – плохо.

– Когда произошла русская революция?

– В 1919 году.

– Знаешь, кто такой был Гитлер?

Девочка колеблется.

– Ты слышала о нем что-нибудь?

– Нет.

– Ты никогда не слышала о гитлеровских концлагерях, где были уничтожены миллионы людей?

– Слышала.

– Когда и где это было?

– Кажется, во время Первой или Второй мировой войн”.

Чомолунгма из яшмы

Во время моего посещения в 1975 г. с современным изобразительным искусством в Китае дело обстояло из рук вон плохо. Глазу, в прямом смысле слова, не на чем было остановиться. Огромные портреты с сияющим лицом Мао Цзэ-дуна. Как будто вырезанные из календаря портреты рабочих и крестьян, чьи взгляды обращены к светлому будущему. Фигурки, выпиленные из яшмы, хотя и свидетельствовали о высоком ремесленном искусстве, но на этом все и кончалось. Еще хорошо, что в Пекине и в Шанхае были музеи со старым китайским искусством, собрания которого радовали глаз и успокаивали душу.

Напрасно я искал в музеях или в магазинах картины Ци Бай-ши, одного из крупнейших современных художников классического китайского направления "гохуа". Его нежные прелестные акварели, изображавшие цветы, веточки черешни, стрекоз или креветок, вызывали у меня восхищение. Нежные краски расплывались по бамбуковой бумаге и действовали на зрителя своей простотой, граничащей с изощренностью.

Картины Ци Бай-ши исчезли из галерей. Имя девяностолетнего художника (который, к счастью, умер до Культурной революции) было вычеркнуто из китайского искусства и из китайской культуры.

Вместо искусства Ци Бай-ши царствовала безвкусица. Полностью в духе социалистического реализма, эпохи позднего сталинизма. Некоторые произведения просто поражали. На шанхайской выставке гид с гордостью показывал мне искусство времен Культурной революции. Центральным экспонатом была здесь огромная глыба яшмы весом в несколько тонн, изображавшая заключительный этап восхождения на самую высокую гору в мире — Чомолунгму (Монт Эверест) — китайской экспедиции. Для создания этой скульптуры понадобилась работа десятков каменотесов, продолжавшаяся целый ряд лет. Тут было все вплоть до самых подробных деталей: альпинисты, веревки и рюкзаки. Мои гиды не могли понять, почему я не проявляю к этому интереса. А мне было жаль яшмы и стараний мастеров. В мыслях я все время возвращался к виденным мною в музее "Запрещенного города" картинам, статуэткам, керамике и фарфору, а также — к художественным предметам необыкновенной красоты, виденным мною повсюду во время моего первого посещения Китая в 1957 году.

Поэтому я немедленно принял приглашение посетить Сычуаньскую Академию художественного искусства в Чунцине.

Академия находится далеко за городом. В ней обучают художников для четырех провинций: Сычуаня, Юннаня, Гуйчжоу и Тибета.

Академия была основана в 1949 г. В нее входят три факультета: рисование, скульптура и прикладное искусство, а также ряд более узких специализаций.

Во время Культурной революции, в 1967-1974 гг., Академия была закрыта. Культурная революция в культуре не нуждалась. Сегодня в Академии обучается более 200 человек. Обучение продолжается 4 года. Часть студентов приходит сюда прямо из художественной средней школы, составляющей часть Академии.

Разговор с ректором оказался делом затруднительным. "Маленький Ван" не понимал сычуаньский диалект, а местный переводчик не знал английскую художественную терминологию.

Но то, что осталось неясным во время нашей дискуссии, выяснилось во время осмотра ателье и выставки студенческих работ.

Социалистический реализм в его самой классической форме периода позднего сталинизма остается в Сычуаньской провинции главным творческим художественным методом. Речь идет о реализме, сочетающемся с революционным романтизмом и с твердой верой в социализм. Примерно так охарактеризовал китайскую версию социалистического реализма ректор-магнификус.

Да, синтез традиционного китайского искусства с современными тенденциями в искусстве будет непростым делом, и для этого понадобится много времени и экспериментирования.

Одна комната в Сычуаньской академии была отведена для традиционного китайского искусства – этюды на рисовой бумаге.

– Эти рисунки продаются, – сказал ректор.

Стоили они около 50 юанов. Их автор – один из профессоров Академии Бай Чэн. Он единственный продолжает заниматься традиционным китайским искусством.

– Получает художник гонорар за проданные картины? – спросил я ректора.

– 60% оставляет себе Академия, 40% принадлежит автору, – уверил меня ректор.

Я купил себе на память один рисунок этого художника. У меня осталось впечатление, что ректор немного

рассердился, когда я сказал ему, что капиталистические галереи в Швеции берут себе всего лишь 25-35% из гонора за проданные художественные произведения.

Через несколько месяцев после моего отъезда, как я узнал из печати, в Пекине состоялась неофициальная выставка китайского современного искусства. Это свидетельствует о том, что среди художников идет очень интенсивный процесс поисков новых форм в искусстве. Об этом также говорит огромный интерес, проявленный к выставкам западного изобразительного искусства, открывшимся – после перерыва в несколько десятилетий – в Пекине, Шанхае и других крупных городах.

Добрый человек из Сычуани

В самолете "Трайидент", доставившим меня за два часа из Пекина в Чунцин (Сычуаньская провинция), я напрасно старался вспомнить, почему Бертольд Брехт назвал свою известную пьесу "Добрый человек из Сычуани".

Друзья в Пекине предупредили меня об особенностях сычуаньской погоды: там почти всегда туманы, а если солнышко все-таки показывается иногда, то местные собаки начинают лаять от удивления.

Что касается туманов, то тут друзья действительно ошиблись. Но собак – всех, до последней – съели во время Культурной революции.

Дорога с аэродрома была как бы калейдоскопом китайской провинции: красная почва, крестьяне по пояс в воде на рисовых полях; буйволы, наполовину погруженные в жидкую грязь. Сотни носильщиков с покачивающимися, будто в танце, тяжелыми коромыслами. Они несут воду, уголь, брикеты, щебень, фекалии, овощи и фрукты, разные продукты, отбросы и бог знает что еще.

Шоссе, ведущее с аэродрома, пока только строится. В каменоломне около дороги сидят десятки девушек и молотками разбивают камни – производят щебенку для постройки шоссе.

– Сколько жителей в Чунцине? – спросил я шофера, чтобы завязать разговор.

Его ответ поразил меня.

— Шесть миллионов.

Ну, и провинциальный город!

— Может, это всего 600 тысяч? — переспрашиваю переводчика.

Я знаю по собственному опыту, что китайский миллион ("ибайвань", сто раз по десять тысяч, как ведут счет китайцы) часто вызывает трудности при переводе на европейские языки. Но на сей раз ошибки не оказалось. В Чунцине действительно 6 млн. жителей. А во всей Сычуаньской провинции ни больше, ни меньше, чем 100 млн. добрых людей.

В Чунцине сохранился облик старого Китая. Город построен на холмах, окаймленных, словно кружевами, редко растущими соснами. Дома карабкаются в гору и словно вырастают из скал. Улицу часто заменяют крутые ступеньки, вытесанные в скале. Количество велосипедов здесь поэтому гораздо меньше, чем в Пекине или в Шанхае. Дома, домишки, хижинки в прямом смысле слова набиты людьми — я даже не отваживаюсь подумать, сколько квадратных метров жилой площади приходится здесь в среднем на одного жителя. Вся жизнь протекает прямо на улице. Тут варят, едят, стирают. Люди сидят перед своими домиками. Улица — это как бы естественное продолжение домиков, маленьких починочных мастерских, кухонек, где делают домашнюю лапшу (и потом продают ее) и рынков.

На улицах полно босоногих рикш. Они тащат тяжело нагруженные двухколесные тележки. Рикши помогают друг другу, когда на пути попадает слишком крутая гора, вместе втаскивают свои тележки. Под гору они тормозят их с помощью прыжков: подпрыгнет, задняя часть тележки коснется дороги, и тем самым замедлится быстрое ее движение.

Посреди города, на лестницах, работают специальные носильщики. Вечером я видел "скорую помощь" — два носильщика несли на бамбуковых носилках больную старуху. Тут же я видел и более современный способ транспортировки больных — машину "скорой помощи" японской марки "Тойота".

Мастерские — почти во все можно заглянуть с улицы — как бы остались без изменения с прошлого столетия. Самое большое достижение технического прогресса — это электрическая лампочка, подвешенная на проволоке к потолку. В универмаге выставлены телевизоры китайского производства. Они стоят около 400 юанов. Это примерно в 8 раз больше средней зарплаты. Телевизоры все маленького размера — иначе они не поместились бы в малогабаритных квартирах, — подумал я.

В конце Второй мировой войны Чунцин был резиденцией правительства, и в нем также находились иностранные представительства. Но после этого иностранцы стали тут редкостью. Их приезжало сюда так мало, что каждого иностранца сегодня окружают толпы любопытных зрителей.

Мой гид и переводчик Ван очень нервничал по этой причине. Чтобы пощадить его нервы, на следующее утро я один отправился бродить по городу.

Я побывал на базаре, полном мелких, красных и очень жгучих перцев, весеннего чеснока, яиц, дичи и рыбы. Толпа любопытных окружила меня и далее уже не оставляла одного. Вместе со мною зрители заглядывали в крохотные мастерские, где я восхищался ловкостью искусных рук, и в маленькие столовые, где можно было поесть лапши по дороге на работу.

В одной такой столовой я заказал порцию лапши. Столовая находилась в небольшом сарайчике; лапша варилась в котле, на огне, огороженном кирпичами. Посетители ели за двумя грубыми деревянными столами. Я взял свою порцию лапши, заплатил 8 фэнов, уселся на деревянную скамью и принялся есть. Лапша была вкусно приправлена молодым зеленым луком и чесноком, жгучей пастой "лацзяо" и соевым соусом "цзянью".

Пока я ел — во рту у меня была настоящая Африка — столовую окружило несколько сотен зрителей. Те, что поменьше ростом, подпрыгивали, чтобы видеть получше. Матери брали на руки своих детей. "Длинноносый" с рыжей бородой ест палочками лапшу! Этого в Чунцине давно не бывало.

Толпа любопытных остановила движение на прилегающем шоссе и чуть не разрушила столовую-сарай. Лапша была очень горячей, поэтому я не мог есть ее слишком быстро. Каждый раз, когда мне удавалось успешно набрать лапшу палочками и донести до рта, толпа комментировала одобрителем гудением, неуспех же встречали дружным смехом.

Вскоре появился милиционер, чтобы выяснить, что за демонстрация тут происходит. Узнав причину такого сборища, он остался среди зрителей, а когда я, наконец, доел, помог мне выбраться из толпы.

Одно из сычуаньских впечатлений особенно врезалось мне в память. Второй раз в жизни мне довелось увидеть здесь оперетту. В Чунцине поставили "Аршин мал алан" Гаджибекова. Один бог знает, почему сычуаньские культурные работники выбрали именно ее. Многие годы на китайских сценах разрешалось ставить только китайские пьесы, одобренные госпожой Цзян Цин. И вот впервые здесь снова была поставлена иностранная оперетта. (Инсценировку Брехтовского "Галилея", которую как раз показывали в Пекине, мне, к сожалению, не пришлось увидеть.) Может, в выборе сыграло роль азербайджанское происхождение автора, а, может, — понравившийся любовный сюжет. Зрители веселились и поражались сексуальной откровенности оперетты, написанной 50 лет тому назад. Меня же развлекала реакция публики и то, как в Сычуани представляют себе Запад, или, точнее, Азербайджан.

Почва в Сычуаньской провинции красного цвета. Она славится своим плодородием, а крестьяне — трудолюбием. Культурная революция приняла здесь ужасные формы. Отдельные группы молодежи обвиняли друг друга в разных капиталистических грехах, бурные дискуссии переходили в драки, драки — в вооруженную борьбу. В Сычуани начиналась гражданская война. В бою в дело шло все, что попадалось под руки. А если не было чем воевать, то люди сами изготавливали себе оружие. Сколько народу здесь погибло, никто не хочет, или не может сказать. Но жертв было немало. В университетских библиотеках исчезли с полок многие книги и журналы. Ког-

да-то богатые сычуаньские рынки пустовали. В плодородной и богатой Сычуани был голод.

Сегодня сычуаньские рынки снова полны овощей и других продуктов. О Культурной революции в Сычуани не любят вспоминать.

Люди снова стали милыми и улыбочивыми. А сычуаньские девушки славятся своим очарованием и мягкостью характера.

И я, собственно, до сих пор не знаю, почему Бертольд Брехт выбрал такое название для своей пьесы. Но он был прав: хорошие люди до сих пор не перевелись в Сычуани.

Две тысячи километров по реке Янцзыцзян

Путешествие по реке Янцзыцзян принадлежит сегодня к китайским туристским сенсациям. С начала мая до поздней осени плавают пароходы по самой большой китайской реке от Чунцина до самого Тихого океана. В зимние месяцы, когда замерзают питающие реку родники в высоких Тибетских горах, воды Янцзыцзян спадают, широкое русло наполовину пустеет, и плыть по реке могут только небольшие лодки и грузовые баркасы. В некоторых местах разница между самым высоким и самым низким уровнем воды огромна: вплоть до 50 метров. Этому трудно было бы поверить, если бы мне самому не пришлось увидеть на скалах глубоких ущелий сделанные белой краской отметки с цифрами и датами.

Янцзыцзян – это самая важная магистраль, ведущая из Сычуаньской провинции с запада на восток. Дело в том, что у Чунцина нет железнодорожного сообщения с Восточным Китаем. Ближайшие железнодорожные магистрали лежат в нескольких сотнях километров на север и на юг от города.

Сообщение по реке Янцзыцзян обеспечивает целая флотилия сравнительно современных и хорошо оснащенных пароходов. 1-й класс в них был отменен и недавно назван 2-м классом. В нем – удобные 2-местные каюты. Есть большой общий салон.

Пароход, на котором я плыву, рассчитан на 560 пассажиров. 12 пассажиров размещается во 2-м классе, 12 — в 3-м, 332 — в 4-м и 204 — в 5-м. Обслуживают пассажиров 90 человек. Подобных примеров дешевой и избыточной рабочей силы в Китае можно встретить множество.

Различия между классами на этом пароходе огромны. В 4-м классе — каюты на 30 человек с двумя рядами коек в два этажа. В 5-м классе — только деревянные скамейки. Пассажиры сидят и спят, как правило, прямо на полу. Это самые бедные крестьяне, переселяющиеся из одной провинции в другую со всем своим имуществом — корзинами, мешками, сундуками и узлами. Едут они целыми семьями, с массой детей.

Нам не везет с погодой. Идет дождь, над рекой и ее берегами нависли низкие облака. Несмотря на это, после нескольких часов плавания я начинаю понимать, почему в Китае так любят это речное путешествие.

Перед окнами салона, где улыбающиеся сычуаньские девушки сервируют завтрак, обед и ужин, а в перерывах — чай, быстро пробегают сменяющиеся картины деревенской жизни. Города, поселки, деревни и отдаленные усадьбы; построенные в самых, как кажется, труднодоступных местах рыбацкие поселки, прижимающиеся к реке; рыбацкие баркасы и сети; пристани, где грузят уголь и камень. Поля по берегам реки тщательно возделаны; многие из них как бы вскарабкались высоко в гору.

— Обратите внимание на плохую обработку почвы, — говорит мне пожилой профессор географии из Гамбурга, плывущий на том же пароходе. — Борозды тянутся не в горизонтальном, а в вертикальном направлении. Дожди легко вымывают из них почву и уносят ее в реку.

Не хочется верить, что за многие тысячелетия врожденный крестьянский разум не дошел до такой простой истины. Но, видимо, это действительно так и есть; воды речек, с обеих сторон втекающих в Янцзыцзян, очень редко прозрачны. Они всегда окрашены в красный или в коричневый цвет, в зависимости от почвы, которую они несут.

Движение по реке очень незначительно. Иногда встречаются стародавние джонки с заплатанными парусами. Прямо на них сколочены лачуги, в которых живут целые семьи. Иногда проплывают небольшие грузовые лодки, перевозящие продукты, уголь или камень. Раз или два в день попадает большое современное судно, изредка – паром или рыбацкая лодка. Течение здесь довольно быстрое – по течению суда плывут с большой скоростью. Против течения они движутся гораздо медленнее – тут помогают паруса, весла, буксирные тросы, а в самых трудных местах – сильные буксирные суда, тянущие за собой целые караваны джонок.

– Обратите внимание, насколько слабо здесь речное движение, – комментировал профессор географии. – Выглядит это так, будто в Китае вообще нет экономических контактов между отдельными областями. Если сравнить с Эльбой или Рейном...

Перед моими глазами возникла картина Рейна: одно за другим двигались по реке грузовые суда. Мне вспомнился также Гамбургский порт на Эльбе. Но как же богатая Сычуаньская провинция вывозит свои сельскохозяйственные излишки на восток, в Шанхай, Нанкин и другие большие города? Ведь в этом направлении не проходит ни одна железная дорога, а автомобильных магистралей в Китае почти нет.

Берега Янцзыцзян, как правило, очень высокие и крутые. Только местами, обычно около устьев крупных притоков, река расширяется и успокаивается.

У некоторых городов, расположенных по высоким берегам, совсем необычный вид. Большие многоэтажные здания или комплексы зданий отдаленно напоминают тибетскую архитектуру – известный дворец Потала в Лхасе.

В полной темноте мы подплываем к небольшому районному городу Ваньсянь. Вплоть до этого города добирались во время Второй мировой войны японские военные корабли. Наш пароход должен был простоять здесь до утра. После Ваньсяня река протекает в горных ущельях – ночное плавание могло бы оказаться чересчур опасным.

Стоит темная южная ночь. Я решаю совершить ночную прогулку по городу. Когда еще мне представится возможность познакомиться с маленьким городком? Ван не хочет отпустить меня одного. Мол, такая прогулка опасна. Но когда ко мне присоединился еще один немецкий журналист (на пароходе было пятеро иностранцев), Ван неожиданно капитулировал и решил пойти с нами, хотя я и просил его остаться на пароходе и поберечь от дождя свою одежду.

Мы поднялись по крутой скользкой лестнице на высокую пристань. С высоты 70 метров наш освещенный пароход казался небольшой лодкой. Возле лестницы ремесленники продавали корзинки, бамбуковые скамеечки и тележки; рыбаки в соломенных накидках сидели у больших керамических посудин с рыбой. С появлением нового парохода в городке началась оживленная торговля.

По скудно освещенной улице, где грязь перемешана с отбросами, мы попадаем в жилые районы. Темные улицы, серые каменные дома, плохо освещенные слабыми электрическими лампочками подъезды и унылые дворы. Здесь живет несколько поколений. У потолка на веревках сушится белье; на маленькой печурке, где огонь раздувают бамбуковыми опахалами, варится еда. Едят, сидя на ступеньках, на скамейках, или стоя. Мы бродим некоторое время по этим улицам — в какие-то моменты мне начинает казаться, будто я перенесся в другое столетие, а, может — на другую планету...

Узкие переулки наконец выводят нас к главной торговой улице. Она заасфальтирована и немного лучше освещена. Столовые, чайные, магазинчики и мастерские открыты и полны людей, несмотря на позднее время. Я покупаю у уличного продавца жареный пончик — он настолько удивлен появлением иностранца, что забывает потребовать у меня хлебные карточки.

Мы осматриваем аптеку и продовольственные магазины. Создается впечатление, что последние хорошо снабжаются — во всяком случае, гораздо лучше, чем подобные магазины в советских районных городах Сибири или Средней Азии.

Несмотря на дождь, за нами неустанно следует толпа любопытных детей и подростков – не так уж часто здесь по городу, да еще ночью, ходят иностранцы. Тем более, что путешествие по Янцзыцзян было включено в туристские программы совсем недавно.

Мы промокли и вымазаны в грязи почти по горло. Ван настаивает, чтобы мы вернулись обратно. Наконец, мы выполняем его просьбу. Но наше возвращение оказывается нелегким делом. Подойдя к высокому берегу, мы вдруг видим вместо одного парохода целых четыре. С огромной высоты они выглядят одинаково, и к ним ведут одинаковые ступеньки – какой же из пароходов наш? Ван растерян так же, как и мы, он совсем не понимает местный диалект.

После получасового блуждания по грязи, я, наконец, узнал узкий переулочек, по которому мы пришли с парохода в город. С трудом спустившись по крутой лестнице, мы опять очутились в тепле, комфорте и безопасности.

Я не берусь описывать здесь три прославленных ущелья на реке Янцзыцзян: Сюетанся (8 км), Уся (75 км) и Сининся (110 км), – это было бы равносильно ношению воды в колодец. Тем более, что до меня это пытались сделать многие более искушенные авторы.

Река извивается между высокими горами, плавные воды ее часто нарушают глубокие водовороты. Пассажиры стоят у окон, на носу и на корме, перебегают с одной стороны парохода на другую, показывают что-то друг другу на берегу, взволнованно комментируют увиденное. Повара тоже забыли о своих обязанностях, перестали рубить мясо острыми топорами и вместе с пассажирами стоят на палубе и смотрят на пробегающие мимо дикие и величественные пейзажи. Эти картины природы были китайским дивом уже более тысячи лет тому назад. Известный поэт Ли Бо написал в середине VIII века такие строки:

К трем порогам

Гора У заслонила собою темное небо,
Воды в Ба будто вздуваются ввысь,
Воды в Ба могут вдруг исчезнуть,
Небеса еще не оделись в тьму.
Вот уже третье утро видим мы Буйволью гору,
Три вечера плывем медленно —
подъемы, спуски.

Три утра, три вечера.
Не успеешь оглянуться,
как волосы посеребрит седина. *

Конусообразные холмы Гуйлиня

Уже в самолете мы почувствовали, что летим прямо на юг. Когда наш турбовинтовой "Антонов 10" погрузился в густые облака над субтропическим Гуйлинем (лежащем на той же широте, как Карачи), в него начал проникать пар. Через некоторое время в нем стоял такой туман, что нельзя было разглядеть другой конец самолета. Улыбающиеся стюардессы бегали с полотенцами, вытирая капли воды, конденсировавшейся на холодных металлических деталях и стекавшей на пассажиров.

Кстати, не понимаю, как эти самолеты еще могут летать? И где берут для них запасные части? Признаюсь, что я всегда чувствовал облегчение, когда сильно стертые шины нашего самолета касались земли. Значки, которые стюардессы на память раздавали пассажирам, я считал наградой за отвагу. Во время моего последнего

---

* Во времена Ли Бо преодоление порогов длилось несколько дней — плавание происходило против течения; ведь у них тогда не было десятков тысяч лошадиных сил, запряженных в современные дизельные моторы нашего парохода, промчавшегося мимо Буйвольей горы, как молния.

путешествия по Китаю, их у меня набралось пять штук!

Облака поредели только перед прилетом. В разрывах облаков возник живописный пейзаж: сотни, а, может, и тысячи холмов в форме конусов, похожих на сахарные головы. От последних они отличались только своим цветом – гуйлиньские "сахарные головы" были покрыты до самой вершины субтропической растительностью – и высотой; самые высокие холмы достигали нескольких сотен метров.

Как только наш пропотевший "Антонов" подрулил к зданию аэропорта, посадочную площадку заняли старые "МИГ"и – шла тренировка в посадках с парашютом. Мне пришло в голову, что мы находимся всего в нескольких сотнях километров от вьетнамской границы. Гуйлиньский аэродром, так же как и многие другие провинциальные аэродромы, служит как для гражданских, так и для военных целей.

Конусообразные холмы сопровождали нас повсюду во время нашего пребывания в Гуйлине – городе южной провинции, с длинным названием Гуанси – Чжуанцзу – Цзычжищой.

Холмы эти можно встретить и в самом городе. Точнее, надо было бы сказать, что город как бы расположен меж холмами. Дома в рабочих районах построены прямо под ними. Улицы и шоссе извиваются меж холмами. А на самих холмах, издаലെка чем-то напоминающих силуэты американских небоскребов, находятся маленькие буддистские храмы или террасы, откуда можно озирать окрестности. Но туда надо взбираться по сотням крутых ступенек, вырубленных прямо в скалах. Внутри некоторых холмов, в пещерах из камня высечены скульптуры Будды и, рядом – святые изречения древними иероглифами – даже из династии Тан. *

В утреннем тумане, когда Гуйлинь просыпается, и на набережной реки его жители проводят свою замедленную утреннюю зарядку, босоногие крестьяне уносят из города на коромыслах дурно пахнущие кадки с фекали-

---

* Династия Тан – 618-910 гг.

ями. В город крестьяне привозят на двухколесных тележках разные товары. В эти утренние часы старая часть города напоминает как бы дважды или трижды экспонированный фильм — холмы перекрывают друг друга, некоторые из них ясно видны, а другие как бы расплываются вдали.

Рынки на юге Китая имеют свой особый колорит, очарование и притягательность. Овощи и фрукты, русские названия большинства которых мне так и не удалось разыскать, лежат горками на прилавках или в корзинах и на плетеных блюдах. Маленькие черные поросята пищат, предчувствуя свой грустный конец, петухи кукарекают, утки крикают; только змеи и разные морские чудища молчат, хотя еще живы. Мясные туши, белые и черные яйца, куры, сушеные травы, разные пряности, корни и бамбук. Здесь можно купить все, что угодно: корзины и маленькие корзинки, бамбуковую посуду и палочки, мебель, рукодельные ножи и китайские топоры, клетки с цикадами, деревянные колоды для рубки мяса, лучину для растопки печей, бамбуковые весы, сети и удочки, маринованные китайские овощи, разные сорта масла, соки и соусы, щенков. Но самое интересное здесь — люди, огромное множество людей, продающих и покупающих, торгующихся, рассматривающих товары, сидящих на корточках, покуривающих, что-то рассказывающих, иногда просящих милостыню. На севере Китая я почти не видал нищих. В Чунцине, Ухани или Шанхае на них иногда можно наткнуться, если один бродишь по городу.

Атмосфера в Гуйлине сильно отличается от атмосферы в других китайских городах. Нигде в других местах со мною не случилось, чтобы на улице ко мне обратился китайский юноша или девушка по-английски, с целью завязать беседу. В Гуйлине это случилось сплошь да рядом во время вечерних прогулок по городу. Эти молодые люди говорили на ломаном английском, но им очень хотелось побеседовать с иностранцем, узнать что-то новое и интересное. На вопрос, откуда они знают английский язык, мне отвечали: учат в школе, или слушают "Голос Америки", чьи передачи и курсы английского язы-

ка хорошо слышны в Китае и привлекают все больше и больше слушателей.

Я встретился с этим 20 лет тому назад в СССР. Транзисторы стали важным политическим фактором: они не только открывают окно в мир, но и приносят неофициальную информацию о собственной стране. А значение уничтожения монополии на политическую информацию трудно переоценить.

ных собраниях; несколько лет в школе 7-го мая, где его "перевоспитывали"; критики и самокритики, реформы и реформы реформ, и снова реформы...

Одна его надежда — это сын. Может быть, ему удастся сделать в науке и в жизни — своей собственной и своей страны — то, что не успел сделать он сам.

Мой старый друг стоит на перепутьи. Но на таком же перепутьи стоит его большая страна и ее молодежь. Какую выбрать дорогу, чтобы избежать ошибок и трагедий прошедших десятилетий?

Пекин 1981

Китайский "Бейнг 747" вылетел из Парижа полупустым: в нем находилось всего около ста китайских пассажиров и дюжина европейцев. Обслуживание в самолете было почти на уровне европейских авиакомпаний. Только черноволосые стюардессы и большие алюминиевые чайники, из которых непрерывно наливали зеленый чай, выдавали, что самолет принадлежит китайской авиакомпании. В Шардже (угадайте, где находится этот город?) аэродром был совсем пустой, но зато — ультрасовременный. Жара стояла невыносимая — 41°C ночью. Но мы ее не чувствовали: аэропорт снабжался кондиционированным воздухом. В Пекине было только 37°C , но тут это чувствовалось, тем более, что относительная влажность воздуха угрожающе приближалась к 100%. Человек буквально обливался потом, а спать можно было только в ванной с холодной водой.

Не я один плохо переносил такую жару. Даже в китайских учреждениях в связи с этим были частичные каникулы — люди работали только полдня. И после захода солнца тысячи китайцев "охлаждались", посиживая на площади "Небесного спокойствия".

С моей последней поездки в Китай прошло два года. Из главных перемен, происшедших в Пекине за это время, я хотел бы отметить: во-первых, чуть-чуть большую дисциплинированность в городском транспорте и меньший хаос на улицах; во-вторых, девичьи колени; в-

третьих, окончательно разрушенную городскую стену и продолжающееся разрушение старого города; и, наконец, в-четвертых, значительное оживление ремесел и частного сектора. Политические же перемены были настолько велики, что их было видно до самой Европы, а здесь, вблизи, они не столь удивляли.

Для велосипедистов (в Пекине их теперь более трех миллионов) были выделены специальные транспортные пути, отделенные от шоссе красно-белыми бетонными тумбами и стальными тросами. (К велосипедистам добавилось несколько десятков тысяч мопедистов. Китай явно начинает несмело "флиртовать" с индивидуальным моторизмом.)

С 1 октября собираются ввести ограничение скорости для велосипедистов. Не знаю пока, какова будет эта скорость. Городская транспортная полиция, которой 6 млн. ног, нажимающих на педали в одном Пекине, доставляют много хлопот, видимо, пока не придумала какую-то конкретную цифру. Что касается транспорта, то Пекин 1981 года уже не является "абсолютно недисциплинированным городом" — сегодня я назвал бы его лишь "страшно недисциплинированным городом".

Существование колен у китайских девушек подозревалось уже давно. Но факт этот (словно это была какая-нибудь государственная тайна) тщательно скрывали синие, зеленые и серые брюки. И вдруг, весной 1981 г., тайна перестала быть тайной. И случилось это не благодаря какому-то правительственному декрету, а совершенно спонтанно. Одновременно с обнаружением женских колен появились разноцветные платья и блузки, шляпы, зонтики и самые разнообразные прически. Но следы Культурной революции и тут сказались: целое поколение китайских женщин разучилось носить платья и юбки — мне часто приходилось поспешно опускать глаза.

Расцвет ремесел и частной торговли чувствуется в Китае на каждом шагу: в магазинах, где снова появилось много красивых и изящных товаров. Оказалось, что старые традиции и вкус, которыми я так восхищался в 1957 году и которых мне так не хватало в 1975 и

1979 г., не погибли. Они оставались где-то глубоко за-
прятанными в памяти народа, прошедшего все тяготы
Культурной революции и других социальных катастроф.
Эти традиции выжили, несмотря на доктрину социали-
стического реализма, от которой до сих пор не отказа-
лось большинство партийных идеологов. Прелестные
ткани, керамика, миниатюрные фигурки из фарфора,
вещи из бамбука, кости, камыша, дерева и камня, —
все они как бы излучают старые традиции, вкус и гармо-
нию форм, и сегодня вновь мирно сосуществуют на при-
лавках рядом с виноградными гроздьями из яшмы и
безвкусными вышивками на шелке.

Еще в 1975 г. я часто был свидетелем того, как поли-
ция преследовала крестьян, продававших что-нибудь на
улице. В 1979 г. их почти не трогали: свободные рынки
вступили — как это часто бывало в прошлом — в китай-
скую жизнь через черный ход и только потом были уза-
конены.

Сегодня частное предпринимательство цветет повсю-
ду: на свободных рынках, где крестьяне продают из-
бытки и изделия, на площадях, где вы можете сфото-
графироваться у частного фотографа, за рулем одолжен-
ного автомобиля или в имитации императорской ман-
тии. В Китае личная машина тоже начинает становиться
мечтой. Но где же одолжил машину фотограф, раз в Ки-
тае пока нет частных машин?.. На улице можно отремон-
тировать обувь у частных сапожников, починить одеж-
ду, испортившуюся молнию, напиток чаю, поесть в ма-
люсенькой забегаловке сладкие пирожки, пончики, лап-
шу, выпить рисового отвара. Предлагаемые услуги
крайне разнообразны: перед императорскими садами в
Сучжоу вы можете проявить у частника черно-белую
пленку, в Сиане вам зашьют сумку, починят авторучку,
склеят оправу очков или разбитую фарфоровую миску.
За рубль я купил себе там выкованные вручную китай-
ские ножницы, острые, как бритва.

Свободные рынки и частное предпринимательство
(частникам разрешается принимать на работу до пяти
человек) должны выполнить в Китае две задачи: улуч-
шить снабжение населения и помочь уменьшить безрабо-

тицу. Без частного сектора трудно было бы, видимо, решить эту опасную социальную проблему.

Для той же самой цели служат крутые меры по ограничению рождаемости: Мальтус, наверно, иронически улыбнулся бы, а Маркс зашипел от злости.

По мере продолжающегося строительства Пекин все более и более теряет свой прежний вид: на пересечении двух магистралей десятки рабочих с тачками и носилками заканчивали ликвидацию бывшей городской стены.

В 1957 г. эта могучая, 10-15 м высотой стена окружала почти весь внутренний город. О ее судьбе разгорелись резкие споры. И выиграли эту борьбу противники стены. После ее разрушения Пекин потерял значительную часть своего столь характерного китайского вида. Вместе со стеной (и при постройке помпезных правительственных зданий и мавзолея на площади "Тяньаньмэнь") были ликвидированы и другие части старого города. И хотя я отлично понимаю, как трудно было бы осуществлять ассенизацию в старом городе, сердце мое скорбит. С архитектурной точки зрения, многочисленные транспортные магистрали, пересекающие Пекин с юга на север и с запада на восток, совершенно непримечательны; и если вы поедете на машине, то не сможете отличить Пекин от других больших городов, лежащих на той же географической широте. Какое счастье, что 12-14-этажные жилые дома, строившиеся здесь в 1981 г., имеют современную архитектуру и внешний вид, а квартиры в них хорошо оборудованы. В отличие от квартир, построенных 1-2 года тому назад, в них уже есть ванны и кухни с газовыми плитами.

Потеря исторической памяти в Китае не может не волновать: в Пекине остались только островки исторических памятников, которые не удалось уничтожить ни хунвэйбинам во время Культурной революции, ни ограниченным городским архитекторам до и после нее. В других китайских городах дело с историческими памятниками обстоит гораздо лучше, чем в Пекине.

* * *

За последние два года Китай сделал огромный шаг вперед: стабилизировалось политическое руководство, и, что еще важнее, — оно очутилось в руках прагматических сторонников Дэн Сяо-бина, желающих открыть Китай миру. В стране все больше чувствуется дух здорового скептицизма, так нехватавшего Китаю в прошлом. В стране прямо говорят о многих жгучих проблемах. Китай очень открыто и последовательно расправляется с наследием Культурной революции — о ее жертвах и их страданиях появились статьи, книги; об этом ставят пьесы и создают фильмы. Уже к настоящему времени удалось ликвидировать наследие Культурной революции гораздо основательнее и глубже, чем культ личности И.В. Сталина в Советском Союзе. В этом — определенная гарантия для будущего.

Для выполнения огромных задач, которые ставит перед собой Китай, и для преодоления невероятно сложных социальных, экономических и политических проблем страна должна предотвратить новые массовые кампании и истерии, так задержавшие ее развитие за прошедшие 25 лет. Стремление к покою и страх перед повторением безумия прошедших лет чувствуются в Китае на каждом шагу. Удастся ли новому руководству обеспечить покой и стабильность?

чии грызли гранит науки и техники, простые люди в Китае потихоньку, но усердно занимались продолжением своего рода — да так усердно, что за прошедшие 30 лет население в стране более чем удвоилось (с 400 млн. в конце 40-х годов до 1 млрд. в 1981 г.).

Мои первые впечатления о половой жизни в Китае датируются 1957 г. Помню аптеку на улице Ванфуцзин: молодая супружеская чета с двумя маленькими детьми с любопытством разворачивала кондом и рассматривала инструкцию в картинках. Подобные инструкции (словесные, но чаще — в картинках) можно было встретить тогда в Китае на каждом шагу: полуграмотное население получало информацию о противозачаточных средствах в виде комиксов. После того, как председатель Мао мудро назвал Китай "неисписанным листом бумаги", о противозачаточных средствах перестали говорить. Культурная революция во все внесла хаос, нарушив также систему здравоохранения, — и кривая роста населения продолжала неуклонно ползти вверх.

Сексуальная жизнь в Китае оставалась для меня невыясненной загадкой: в отличие от всех остальных иностранных студенческих групп китайцам почти никогда не приходилось решать вопрос о недозволенной любви (по советскому закону того времени советским гражданам запрещались браки с иностранцами: в официальной интерпретации закона были запрещены половые связи между советскими и иностранными студентами), внебрачных детях и супружеской неверности. Может быть, физиология китайцев чем-то отличалась от нашей? Или речь шла о совсем иных культурно-политических традициях, совершенно непонятных для нас — "длинноносых" варваров?

Взрослые мужчины и женщины уезжали на 2-5 лет за границу, оставляя дома свои семьи. В Китае в после-революционные годы была довольно распространена такая привычка: супруги жили отдельно, в разных общежитиях, часто — в разных городах. И виделись они очень редко — раз в месяц или раз в несколько месяцев, иногда — раз в год или еще реже. Только спустя много лет я отважился говорить на эту тему с моими китайскими

друзьями. Их ответы обычно были полны патриотизма, классовой борьбы и классового сознания, самопожертвования, но не давали ответа на вопросы, мучившие меня. Ответ этот сам стал напрашиваться гораздо позже, и складывался он постепенно – как мозаика – из слов, фраз, наблюдений и текстов.

В феодальном Китае отношение к сексу было куда более открытым и естественным, чем в сегодняшнем. В старые времена половая жизнь считалась составной частью природного хода вещей, она была святой обязанностью каждого мужчины и женщины и никогда не связывалась с ощущением греха или моральной вины. Добровольный отказ от половой жизни или безбрачие осуждались в древнем Китае и считались подозрительными. Бо Син-чэнь, брат известного поэта Бо Цзюй-и, написал в VIII веке "Поэтическое эссе о наивысшей радости при половом слиянии Цзин и Ян, и Неба и Земли". В одной из глав он описывает половые страдания одиноких мужчин и тех, кто уезжает далеко от дома:

"Без нормальной половой жизни они страдают отсутствием аппетита, бессонницей, и их здоровье ухудшается".

Китайская философия "тао" тоже интенсивно занималась сексом и искала гармонию жизни в равновесии и связи мужского (ян) и женского (цзин) начал. Для Европы, тогда еще совершенно не привыкшей открыто подходить к этой проблеме, китайская эротическая литература описывала и красочно иллюстрировала десятки способов и техник полового акта и предоставляла инструкции, правила и рецепты, о которых сегодняшняя Европа не имеет понятия. Китайские молодожены получали в подарок к свадьбе богато иллюстрированные книги-инструкции, чьи эротические картинки могли бы крайне шокировать сегодняшнюю китайскую моральную доктрину. Более того, классическая китайская литература бывала всегда полна эротики. Достаточно упомянуть здесь эротический роман "Цзин, Пин, Мэй" XIV столетия, полный любовных историй, интриг и измен. "Декамерон" Бокаччио кажется, по сравнению с

этим романом, лишь детской литературой. Мораль была тогда крайне свободной: "Коль с госпожой не удалось свиданье, рад со служанкой утолить желанье", — заявляет один из многочисленных героев романа.

* * *

Как-то я сидел в квартире моих китайских друзей. Оба они — ученые, им около сорока. Он как раз провел 4 года за границей, в одном из крупных научных институтов. За это время ему удалось побывать дома только раз — он провел с семьей около четырех недель.

— Теперь пришел мой черед съездить за границу и научиться чему-нибудь новому, — сказала его жена, и попросила у меня совета, как добиться получения стипендии.

— На какой срок? — спросил я у нее.

— Не менее, чем на три года, — ответила она решительно.

— Может, двух лет хватило бы, — несмело произнес муж.

Жена, однако, настаивала на трех годах, — чтобы успеть что-то сделать!

В Германии я встретился с другой китайкой. Вот уже более трех лет работает она за границей в одной биологической лаборатории. Ее муж, химик, несколько лет находится где-то в Америке, их 16-летний сын живет в Пекине у родных. За последние 5 лет супруги виделись всего несколько недель.

— Почему бы вам не съездить повидать мужа в Америку, ведь билеты очень дешевые?.. — спрашиваю я.

— У меня тут столько работы в лаборатории..., а потом, что сказали бы остальные китайские коллеги, живущие здесь, в Германии... А мне бы, может, наше посольство не разрешило...

Много лет тому назад один мой китайский друг описал мне сцену, свидетелем которой он был. Одного кадрового работника призвали во время революции в столицу. Жена и дети остались в провинции. Однажды муж проезжал на поезде через небольшой город, где жила его

семья. Жена пришла на вокзал, взволнованная, почти плачущая. Революционный "кадр" ее даже не поцеловал — он разговаривал со своими коллегами целых 15 минут, пока поезд стоял на станции.

— Наверно, он ее разлюбил, — комментировал я этот рассказ.

— Нет, он не перестал ее любить, но революционеру не полагается демонстрировать перед публикой свои чувства, — сказал мой друг.

— Почему он не остался с ней хоть несколько дней? — спросил я.

— Но ведь он не мог злоупотребить для этого своей служебной поездкой, — ответил друг.

Этот разговор, происходивший в конце 50-х годов, произвел на меня сильное впечатление. Но я до сих пор не решил, чего было больше в подобном поведении: действительной революционной морали или лицемерия.

— Вы, наверно, из иной плоти и крови, — сказал я как-то китайскому знакомому, которого знаю давно. — Не ведет такая длительная разлука с партнером к изменам, к распаду брака?

— Ты должен представлять себе наши жизненные условия, — объяснил он мне. — В перенаселенном Китае трудно осуществить супружескую измену: у людей нет никакой частной жизни, мужские и женские общезжития строго разделены, в каждой комнате всегда живет по несколько человек, так что трудно остаться одному. Кроме того, люди следят друг за другом, и супружескую измену или даже небольшое подозрение строго осуждают на партийных или молодежных комитетах, в профсоюзных или административных органах.

Супружеская измена — по крайней мере, в условиях больших городов — весьма редка. Хотя развод в последнее время и стал делом легальным, количество разводов в Китае незначительно по сравнению с западными данными. В печати ведется интенсивная пропаганда против разводов. Газета "Чжунго Цзиннянбао" (молодежная газета) опубликовала недавно письмо читателя из Харбина. Он просил газету дать ему совет. Несколько лет тому назад он работал в деревне, в провинции Хэнан. Там

он познакомился с девушкой из Пекина и влюбился в нее. Но девушка не могла найти работу и квартиру в Харбине, а молодой человек встретился с подобными трудностями в Пекине. И они расстались. Юноша вернулся в Харбин и вскоре женился. Спустя несколько лет в Харбин приехала его бывшая возлюбленная, и он внезапно почувствовал, что она гораздо ближе ему, чем его жена. "Что же мне теперь делать?" – спрашивает он в письме.

"Раз ты женился, ты должен нести ответственность. Ты должен держать себя в руках. Если чувствуешь, что не справишься сам, то попроси своих руководителей помочь тебе. Ты должен реже видеться со своей приятельницей. Личным проблемам ты должен выделить правильное место в революционной борьбе. Человек, имеющий высокую мораль и твердую волю, никогда не станет жертвой своих чувств".

Сомневаюсь, что такой набор фраз мог помочь читателю молодежной газеты. Не знаю также, кто победил в этой борьбе: любовь и человеческие отношения, или же так называемая общественная мораль. А общественное мнение решительно и остро выступает в Китае против разводов. Официальное общественное мнение также – против секса. В одной из первых китайских книжек о половой жизни и ее проблемах, опубликованной после Культурной революции, людям рекомендуют крайнюю половую сдержанность. Дескать, на следующий день человек чувствует себя усталым, он рассеян, производительность труда падает. Эта брошюра, по всей вероятности, была издана в связи с кампанией борьбы против популяционного взрыва.

В Китае сильно стремление ограничить высокую рождаемость. Как раз, когда я находился в Шанхае, местная газета опубликовала перечень новых мер по контролю рождаемости. Возраст, рекомендуемый для брака, – 27 лет у мужчин и 25 лет у женщин. Соблюдение этого предписания награждается продлением отпуска на неделю и более длинным отпуском по беременности. Если молодожены обязуются заиметь только одного ре-

бенка, то они будут до его 16 лет получать ежемесячное пособие (5 юанов), ребенку обеспечат ясли, супругам помогут найти работу, обеспечат хорошей квартирой, а впоследствии их пенсия повысится на 5%. Если же после рождения первого ребенка муж согласится на стерилизацию, то он получит премию в размере 30 юанов (примерно половина месячной зарплаты). Ну, а если супруги нарушат свое обещание, и у них появится второй ребенок, то они теряют все вышеупомянутые льготы и, более того, должны будут вернуть денежное пособие на первого ребенка — у семьи с двумя детьми нет вообще права получить пособие на детей.

Но удастся ли осуществить подобные меры в китайской деревне? Ведь именно деревня играет и будет играть в будущем решающую роль в проблемах рождаемости. А каковы будут социальные последствия перехода от многодетных семей к семьям с одним ребенком? Каково будет новое поколение китайских "единственных" детей? На эти вопросы пока никто не в состоянии ответить.

В вопросах секса сегодняшней Китай еще многому должен будет научиться у своих древних предков. На сексуальные темы пока наложено табу, они окружены молчанием как в литературе, так и в массовых средствах информации, которые, как я уже говорил, — во имя революции и строительства нового Китая — с рвением пропагандируют половую сдержанность.

К счастью, и о Китае можно сказать, что все теории серы, а лишь дерево жизни вечно зеленеет.

Пару лет тому назад в Шанхае, в кино, я наблюдал, как несколько молодых пар обнимались в темноте. Пришедший со мной знакомый был возмущен: он сказал мне, что стыдится за этих людей.

Несколько лет спустя я видел на набережной в Шанхае, как открыто люди проявляли свои чувства: сотни влюбленных, очарованные жаркой южной ночью и радуясь слабому освещению, не скупилась на поцелуи и объятия.

Шанхайскую "стену любви", как назвал ее один мой знакомый, нельзя будет отменить с той же легкостью,

как это было сделано с пекинской "стеной демократии". Очевидно, потому, что сексуальные традиции в Китае имеют более глубокие корни, чем традиции демократические.

О работе и безработице

Два года тому назад китайские экономисты из Пекинского университета даже слышать не хотели о существовании безработицы в стране. Разгорелась острая дискуссия: профессора старались убедить меня, что в Китае есть только лица, не сумевшие пока найти себе применение. Я напрасно старался доказать, что если придерживаться такой точки зрения, то и на Западе тоже нет никакой безработицы — есть только лица, временно потерявшие или до сих пор не нашедшие работу.

В 1981 г. ситуация изменилась — китайские руководители не только признают существование безработицы, но и считают ее одной из самых важных проблем. Население насчитывает теперь около 1 млрд. человек, из них 200 млн. живет в городах. Работающие в стране — около 70 млн человек, безработных — почти 20 млн. Около 70% безработных составляет молодежь, окончившая среднюю школу и не попавшая в институты (в 1980-1981 гг. в институты поступило всего 1-2% окончивших среднюю школу).

Мне кажется, что безработных в Китае сегодня гораздо больше, чем по официальным данным. Путешествуя по стране, видите буквально на каждом шагу невероятный избыток обслуживающего персонала: в гостиницах, магазинах, на стройках, в административных органах. Западные специалисты, работающие в Китае, утверждают, что и современные промышленные комплексы, закупленные на Западе, обслуживает в Китае в 3-5 раз больше персонала, чем в Европе, США или Японии. Очевидно, что кроме 20 млн. официально признанных безработных, в стране существуют дополнительные миллионы "скрытых" безработных.

Пособий по безработице в Китае пока нет. Безработные должны заботиться о себе сами. Перефразировав

известное выражение Ильфа и Петрова, я сказал бы, что "спасение безработных — дело рук самих безработных". О безработной молодежи должны заботиться — полностью в духе древних китайских традиций — их родители.

Частное предпринимательство, недавно вновь разрешенное в Китае, должно не только улучшить снабжение населения и различные службы, но также помочь решить проблему безработицы. По всему Китаю возникают сейчас небольшие мастерские, магазинчики, рестораны и починочные мастерские.

Китайская молодежь использует новые свободы во всей их полноте: организует в одиночку или коллективно различные мелкие предприятия, и старается преодолеть серьезную конкуренцию.

Но и те, кто имеет работу, не избавлены от многих забот. Условия труда — с точки зрения избалованного Запада — очень тяжелы. Рабочая неделя составляет 46-48 часов, суббота — рабочий день. Отпуск до недавнего времени вообще не существовал. Сегодня — это всего неделя в год (только супруги, живущие в разных местах, что в Китае случается довольно часто, имеют право на месячный отпуск — один "медовый месяц" в году).

Рабочие обычно живут в жилых комплексах, выстроенных поблизости от предприятий. Неженатые живут в общежитиях, по несколько человек в одной комнате. Как правило, здесь нет ванн, есть только уборные и примитивные кухни. Женатые получают одну комнату, а иногда, — если повезет, — маленькую, скромно оборудованную квартиру. Если завод работает в три смены, то совместный свободный день выпадает у супругов очень редко.

Условия труда крайне тяжелы. Большинство проблем, уже решенных на Западе или решаемых (освещение, шум, чередование трудовых операций, чтобы устранить монотонность и т.д.) пока еще даже не стоят на повестке дня. На текстильной фабрике, в Сиане, в ночных сменах работают беременные женщины и молодежь, не достигшая 18 лет, и это считается совершенно естественным.

– Занимаются ли профсоюзы подобными вопросами? – поинтересовался я.

– Главной задачей профсоюзов является борьба за выполнение плана, – ответили мне.

И я подумал, что такой ответ можно было бы услышать на всех языках стран советского блока, может быть, – за исключением польского.

– Думаете, что независимые профсоюзы типа польской "Солидарности" могли бы иметь в Китае какую-нибудь перспективу? – спросил я одного кадрового работника.

– Не думаю, – ответил он честно. – Люди в Китае сыты по горло 25 годами непрерывных кампаний и разных движений и боятся каких угодно экспериментов. Единственное их желание и потребность – это покой.

Хотя условия труда очень плохи, рабочий класс составляет привилегированный слой населения. Новая система премий за выполнение плана (премия иногда равняется зарплате) поддерживает и стимулирует производительность труда и личную инициативу. Зарплаты рабочих, – если принять во внимание условия в стране, – довольно высоки: они колеблются между 50-120 юанями в месяц (сравни со средним доходом жителя деревни, составляющим по недавно опубликованным официальным данным 150 юанов в год). Существует и медицинское страхование, а также – невысокая пенсия с 60-летнего возраста. Внутренняя демократия на предприятиях или рабочее самоуправление находятся пока в зачаточной стадии. Все заводы, которые я посетил, управлялись по типу советского треугольника: руководитель парторганизации – директор – председатель профсоюзаов.

Интерес, с которым в сегодняшнем Китае изучают югославский опыт – рабочее самоуправление, а также внимание, проявленное к лекциям чехословацкого уче-

ного экономиста Оты Шика* весной 1981 г., говорят о том, что будущее сулит значительные перемены. Вот первые, пусть несмелые, шаги вперед: перед отъездом из Китая попало мне на глаза извещение в китайской печати: рабочие одного пекинского завода *сами избрали* своего нового директора. Впрочем, он не должен был опасаться, что его не изберут, поскольку был единственным выдвинутым кандидатом...

Дискуссия на затянувшемся банкете

Банкет этот затянулся на много часов. В Китае, где рано ложатся спать и рано встают, одиннадцать часов вечера — это уже глубокая ночь. Шоферы проявляли нетерпение, девушки в мягких матерчатых тапочках и белых куртках, разносившие еду, выглядели устало. Вентиляторы не успевали охлаждать спорящих, разгоряченных не только водкой "маотай", но и различным историческим опытом.

Нас (профессора А.Е. Лима** и меня) пригласил на ужин один из руководящих деятелей идеолого-пропагандистского отдела шанхайского ЦК партии. Сначала — как это обычно бывает на банкетах — долго говорили ни о чем. Настоящая дискуссия началась с невинного вопроса: как проводит партия культурную политику? Говоря другими словами: как партия руководит деятелями культуры? Ответ звучал стандартно, точно так же, как говорил Мао Цзэ-дун 40 лет тому назад в своих Яньаньских выступлениях о литературе, или как — 5 лет спустя — выступал Андрей Жданов, осуждая Ахматову, Зощенку, Шостаковича и других советских деятелей искусства.

---

* Ота Шик — один из создателей чехословацкой экономической реформы в 1968 г. С 1968 г. живет в эмиграции в Швейцарии. Еще в 1975 г. китайские экономисты считали его ярким ревизионистом.

** А.Е. Лим — чешский журналист и писатель, один из активных участников "пражской весны". В настоящее время — профессор Пенсильванского университета.

– Как же выглядит конкретно ваша сегодняшняя культурная политика? – не успокаивались мы.

– Если деятели искусства станут защищать в своих работах неправильную точку зрения, то партия будет их критиковать и помогать им находить правильный путь, – ответил партработник.

– Но ведь проблема в том, – возражали мы, – кто и на основе каких критериев может утверждать, является ли произведение искусства или защищаемые в нем взгляды правильными или неправильными.

– Это очень просто, – усмехнулся он. – Критерии дает нам марксизм-ленинизм-маоизм...

Последний аргумент привел нас к совсем недавней эпохе в китайской истории: разве была политика партии, опирающаяся на это учение, всегда правильной? А как насчет всех этих "цветов", "больших скачков" и культурных революций? Партработник снова усмехнулся, чувствуя свое превосходство:

– Все эти ошибки были возможны именно потому, что мы неправильно применяли принципы нашего учения.

– Где же есть у вас гарантия, что теперь – при оценке художественных произведений – вы будете их применять правильно?

– Если бы мы совершили новые ошибки, то партия провела бы самокритику, и снова исправила бы их...

– Не было бы правильнее и разумнее позволить художникам и писателям, а также другим деятелям искусства, творить свободно, дать им возможность свободно выражать в своих произведениях то, что они чувствуют, что видят? Ведь их миропонимание совершенно особое, оригинальное, и может оказаться очень полезным для общества. По-настоящему большой художник часто видит проблемы общества острее и глубже, чем политики и философы...

Партийный деятель не соглашался с нами.

Мы продолжали:

– Возьмите, к примеру, крупнейшего живущего поэта Китая – Ай Циня. Он провел почти 17 лет в изгна-

нии. Мы посетили его несколько дней тому назад в Пекине...

– Ай Циня мы ведь недавно полностью реабилитировали...

– Да, это правда. Но никакая реабилитация и восстановление чести не вернут ему 17 лет потерянной жизни, 17 лет страданий. И уж никакая реабилитация не вернет Китаю 17 лет творчества Ай Циня, и все его потерянные и уничтоженные рукописи. Не принесла ли так называемая "руководящая роль партии" больше зла, чем пользы за прошедшие десятилетия?..

– Партия ведь должна осуществлять свою руководящую роль в обществе, – защищается он уже довольно неуверенно.

– Но как? Ай Цинь и ему подобные деятели искусства и интеллектуалы были правы и в 1957 году, и в 1959 году, и во время Культурной революции. А вот именно партия была неправа. Разве не опасно продолжать дело в том же духе? Подумайте сами, Китай как раз собирается отметить 100 лет со дня рождения Лу Синя. Думаете, что этот юбилей праздновался бы, живи Лу Синь на 30 лет дольше?

– Именно критика и помощь коммунистической партии помогли Лу Синю найти правильный путь, – твердо твердит наш собеседник.

– Но ведь это было до того, как партия пришла к власти. Что бы случилось с Лу Синем, если бы он жил на 30 лет позже и позволил бы себе покритиковать политику партии? Его творческая деятельность охватывает всего лишь 17 лет. Что, если бы он, подобно Ай Циню, вынужден был бы провести эти 17 лет в изгнании, где-нибудь в пустыне? Тогда его творчество вообще, наверно, не возникло бы...

– Если деятели искусства имеют право критиковать, то это право должна иметь и партия. Но партия не станет больше применять ни к работникам искусства, ни к их творчеству административные меры, – заверяет нас на прощанье хозяин.

Летом 1981 года атмосфера была куда более свободной, чем за прошедшие 30 лет, за исключением, может быть, первых послереволюционных лет.

”Писатели получили большую свободу, они могут писать почти обо всем. Я чувствую себя свободным, потому что никто не может мне ничего приказывать или ограничивать меня в моей работе. Раньше бывало, что литературные критики навязывали писателям свои ”измы”, а писатели этому подчинялись. Но ведь писатель может тоже иметь свое собственное толкование марксизма, маоизма или ленинизма”, — осторожно формулировал свою точку зрения Ай Цинь.

”Культурный климат” в Китае стал сегодня вольготнее. Но не все еще выиграно: некоторые выступления о литературе и искусстве, имевшие место осенью 1981 года, снова вызывают опасения...

Культурная революция в университете Хуадун Шида

На низких столиках из красного дерева стояли фарфоровые чашечки с благовонным чаем. Мучила невыносимая жара. В помещении собралось восемь профессоров восточнокитайского университета Хуадун Шида. Один из них произнес вступительную речь об университете, его истории, современном состоянии, планах на будущее.

Казалось, что предстоит стандартный визит. После вступительной речи последует дискуссия, потом — осмотр университета и некоторых лабораторий.

Но на осмотр времени не осталось. Во время дискуссии я спросил, как проходила в этом университете Культурная революция. Ответ прозвучал довольно формально. Тогда я поставил вопрос точнее: как долго университет был закрыт во время Культурной революции, какой процент педагогов пострадал от хунвэйбинов, и сколько педагогов погибло? Несколькими минутами стояла напряженная тишина. Потом одна из присутствующих

женщин набралась смелости и начала рассказывать о своем аресте, о том, как ее несколько лет ”перевоспитывали”, заставляя работать в деревне, как ее 14-летнюю дочь остригли наголо, потому что она нелестно отзывалась о Мао Цзе-дуне. Внезапно развернулась бурная дискуссия. Каждый старался дополнить ее рассказ своими собственными переживаниями. Профессора перебивали друг друга, а моя шанхайская переводчица не успевала переводить.

Восточнокитайский университет был во время Культурной революции полностью закрыт на целых 4 года. Нормальное обучение не велось здесь в течение 10 лет. Около 60% преподавательского состава пострадало. Более 50 человек из него погибло: одни покончили жизнь самоубийством, другие умерли в результате преследований хунвэйбинов; нескольких из них фанатичная молодежь замучила насмерть. Среди замученных был и последний ректор этого университета профессор Чан Цзин, известный ученый, сотрудничавший с коммунистической партией еще до освобождения.

Руководил Культурной революцией и инспирировал ее небезызвестный Лю Шао-ти, бывший председатель студенческой организации. Его ”деятельность” в восточнокитайском университете помогла ему сделать карьеру — он стал одним из ведущих партийных деятелей в Шанхае и, после попытки совершить вооруженный путч в 1976 г., был арестован.

Профессора взволнованно рассказывали о своей судьбе, страданиях, о вреде, причиненном Культурной революцией университету и всему Китаю. Их рассказы могли бы послужить материалом для целого романа. На мой вопрос, занесены ли где-нибудь эти исключительно ценные и эмоциональные свидетельства, чтобы их могли прочесть будущие поколения, я получил положительный ответ. Да, Кафедра современной истории проводит письменные и устные интервью с жертвами и участниками Культурной революции.

- Что случилось с Лю Шао-ти? — спрашиваю я.
- Он сидит в тюрьме!
- Был уже процесс? На сколько лет он осужден?

– Процесса пока не было, но обязательно будет.

– Думаете, что это правильно, держать человека 5 или более лет в тюрьме без суда? – спрашиваю одного из профессоров, политолога.

– Но ведь он преступник, – не понимает он мой вопрос.

– Но кто решил, что Лю Шао-ти преступник? – спрашиваю осторожно.

– Это каждому ясно: мы ведь вам рассказывали только что о его преступлениях...

– Разве не было хунвэйбинам тоже "совершенно ясно", что вы совершили преступление против революции и что у них поэтому есть полное право арестовывать вас и посылать на перевоспитание?..

– Но это нельзя сравнивать, – почти оскорблен седоволосый профессор физики, сидящий рядом со мной.

– Конечно, это нельзя сравнивать, но я, тем не менее, хочу это сделать. Если можно держать человека в тюрьме несколько лет только потому, что существует общее убеждение, что он – преступник, то тогда в стране царит беззаконие и нарушаются гражданские права. В таких условиях нет гарантии, что законы не будут вновь нарушены. Ведь вы хорошо знаете по собственному опыту, как легко можно манипулировать общественным мнением...

На осмотр университета времени не осталось. Мы долго беседовали о праве, о критериях невиновности, о роли судей и прокуроров, о китайской государственной безопасности. Мне это напоминало дискуссии, которые мы вели в 1968 г. в Чехословакии. Барьер, лежащий между нами, связан был не только с языком. Больше, чем языки, нас разделяет исторический опыт. Я сказал бы, – и различные правовые традиции, различное правовое сознание или, скорее, – его нехватка. Именно с этой нехваткой правового сознания сталкивается сегодня Китай, а проблемы, связанные с этим, сильно напоминают те проблемы, которые возникали или будут возникать и в остальных восточноевропейских странах. В Китае дело еще осложняют огромные размеры страны, а также тот факт, что на право, гражданские

права и законы долгие десятилетия смотрели как на какие-то буржуазные пережитки.

Эти проблемы обсуждались — и не один раз — в высших партийных инстанциях. В 1978 г. генеральный прокурор задал вопрос на заседании ЦК КПК, сколько членов ЦК действительно понимает, что означает закон, и как понимать равноправие граждан перед лицом закона.

* * *

В университете Хуадин Шида Культурную революцию не скоро забудут, как и во всем Китае. Повсюду сейчас собирают и публикуют документы и свидетельства. Изданы свидетельства о страшных судьбах невинных людей, которых преследовали, мучили или казнили во время Культурной революции.

— Не думаете ли вы создать памятник жертвам Культурной революции здесь, в университете? — спросил я в конце нашей встречи.

— Нет, пока не думали, но это хорошая идея, и мы об этом подумаем.

Мы прощались у памятника Мао Цзэ-дуну. Пришла мысль, что это было бы наилучшим местом для памятника. Но на сей раз я оставил эту крамольную мысль невысказанной.

Упадок китайской промышленности

За первые 6 месяцев этого года развитие промышленности характеризовалось резким снижением прибыли и возрастающим дефицитом...

*(Из китайской печати,
август 1981 г.)*

Отъезд из Китая

Я всегда приезжал в Китай с массой вопросов, уезжал же оттуда с блокнотом, полным информации. Но, уезжая, я всегда увозил с собой больше новых вопросов, чем при приезде.

Я уезжал из Китая по разным маршрутам: через Москву, Гонконг, Цюрих.

В Москве меня удивляли пустые магазины. В Гонконге, наоборот, — магазины, полные товаров, и интереснейшее открытие, что китайцы не всегда однообразная сине-зелено-серая масса. В Швейцарии меня шокировала стерильная чистота и малолюдность.

Из Китая я уезжал в разные времена с различными ощущениями. Первый мой отъезд был отмечен грустью — мне казалось тогда, что я никогда уже туда не вернусь. Уезжая второй раз, я переживал депрессию, связанную с Культурной революцией: я был охвачен опасениями, неспособностью понять происходящее. Мой третий отъезд был более радостным — его сопровождала короткая "пекинская весна" 1979 года.

Сейчас я уезжаю в четвертый раз. С какими же чувствами сажусь я в китайский "Бейнг 707", который через несколько часов перенесет меня в точку пространства и времени, столь удаленную от Пекина?

Терпеливый читатель, дошедший до этого места, теперь нетерпеливо спросит меня: "Каковы же ваши три наиболее сильных впечатления от последней поездки?"

Нет, ваш вопрос, дорогой читатель, не застал меня врасплох. Я даже ждал его. Но, несмотря на это, я не готов к ответу.

Первое сильное впечатление? Может быть, это цитата из газеты, приведенная как мотто к этой главе. Для человека, выросшего в Восточной Европе, где печать, радио и телевидение пишут и говорят только об успехах партии, правительства и народа, где говорят только об исторических съездах и еще более исторических речах на этих съездах, статья об упадке китайской промышленности действует как освежающий душ в пекинскую августовскую жару. Это настоящая первая ласточка новых политических и хозяйственных перемен.

”Гм”, – слышу я вас, дорогой читатель. Вы не выражаете восхищения.

”Ну, а второе сильное впечатление?”

Я сидел в Шанхае со старым другом и пил чай. Мой друг вслух рассуждал о том, что Культурная революция была не только большой катастрофой, но и школой. Он рассказывал об одном деятеле искусства, который нехорошо вел себя во время Культурной революции: из страха, трусости или из-за карьеризма он слишком много болтал в неподходящих местах (если перевести на европейский язык – доносил на своих друзей).

– Как же вы с ним поступили? – заинтересовался я.

– Мы простили его – это художник. Он по-прежнему работает. Но наше отношение к нему изменилось. Сегодня мы считаем его только партийным товарищем, но не другом...

”Что тут интересного?” – удивляется мой ”длинноносый” читатель.

А то, что это один из признаков конца идеологической и партийной монополии. Понимание, что действительная жизнь намного богаче, сложнее, чем предписанная черно-белая партийная схема. Еще десять лет тому назад принадлежность к партии была для моего друга, старого ее члена, превыше всего. В течение Культурной революции он ”открыл”, что существуют еще другие, более важные критерии. Для Китая – это огромный скачок вперед. Отсюда уже лежит путь к либеральному гуманизму, к толерантности, которой так нехватало Китаю в прошлом.

“Ваше третье сильное впечатление?” – не отступает от меня читатель.

И я отвечаю: 6 тысяч глиняных солдат и их коней, которых Первый император династии Цин поручил вылепить и поместить в свою гробницу. Все они сделаны в натуральную величину – люди и кони, и у каждого – иное выражение лица. Эта находка считается сейчас одиннадцатым чудом света. В будущем десятилетии Сиань станет одним из самых популярных мест во всем мире.

Мой читатель разочарован: “Вы говорите сейчас как рекламная брошюра туристского бюро”, – брюзжит он.

Я позволю себе поспорить с вами, читатель. Без знания китайской истории нельзя понять сегодняшний Китай. История и современность, поэзия и политика, бессмысленная жестокость и непонятное великодушие, – все это переплелось в Китае гораздо теснее, чем где-либо в другой части света. В задумчивости смотрел я на тысячи вооруженных глиняных воинов – краски поблекли от времени. По своей монументальности это напоминало Великую стену. В отличие от последней (единственной постройки на Земле, видной с Луны), армия сианьских глиняных бойцов не имела никакого практического смысла. Какой ход мыслей императора Ши Хуана из династии Цин заставил его начать постройку Великой стены и производство глиняных бойцов? Не здесь ли спрятан ключ к пониманию всех тех переворотов, движений, хаоса, воодушевления и скепсиса, расточительства, самоотречения и жизни в роскоши, массового – иногда прямо-таки религиозного – жуткого фанатизма, до такой степени преследовавших Китай в течение целой его истории?

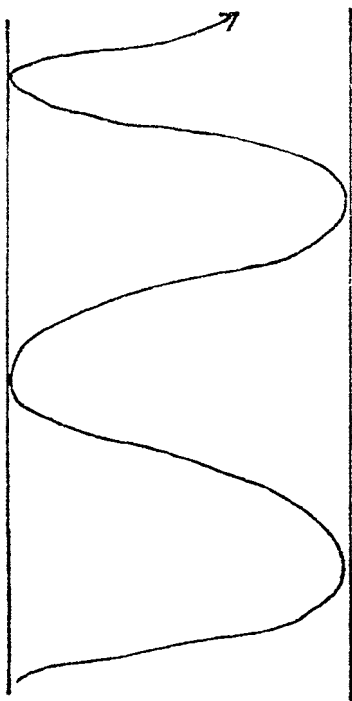
Несколько дней назад я видел в Шанхае новую пьесу о Первом императоре Ли Ши-мине из династии Тан. В пьесе повествуется об интригах и борьбе вокруг императора, о его амбициозной первой жене, любившей вмешиваться в политику, и о разных бандах двух, трех и даже четырех, состоявших из его бесчисленных сыновей, старавшихся захватить власть в стране. Автор пьесы – 20-летняя девушка, студентка университета Фудан в Шанхае. Она выбрала для своей пьесы историю,

происходившую 1.300 лет тому назад, чтобы выразить свои взгляды на происходящее в наши дни. Публика восторженно приняла пьесу: все билеты были распроданы. А партийные органы молчали в нерешительности.

Моя шанхайская переводчица очень старательно переводила мне текст – и вскоре мы совершенно запутались во всех этих двадцати сыновьях, многочисленных женах, любовницах, чиновниках, маршалах и генералах.

В перерыве один из пригласивших меня деятелей спросил, каково мое мнение об этой пьесе. Вместо ответа я нарисовал на обложке программы простой рисунок:

– Что это означает? – спросил он с любопытством.
И вы, читатель, конечно, зададите тот же вопрос.

Отвечаю: Левая линия означает левый уклон в истории и современности, правая – правый уклон.

– А что означает эта извилистая линия посередине?

– Это генеральная линия, или же "прямая" дорога к светлому будущему человечества, к лучшему завтра, к социализму, коммунизму или к тому, во что вы как раз сегодня свято верите...

Улыбка

Археологам я не верю.

Когда кто-нибудь через тысячу лет
найдет в руинах бывалой славы
на берегу морском, где давно не осталось
следов,

когда кто-нибудь найдет высохшую кость,
как узнает он, что эта высохшая кость
пламенем горела в XX столетии?

А кто найдет в земле
слезы на смерть замученных?

За сотнями решеток упрятаны слезы,
И есть только один ключик,
которым можно открыть потайные двери
и выйти из-за решеток.

Неисчислимы были ряды отважных,
старавшихся снискать этот маленький ключик,
но они все погибли

от штыков суровых стражей.

Если бы кто-нибудь нашел
ту маленькую жемчужину, слезу,
то она блистала бы несравненно больше,
чем все жемчужины из морских глубин,
сверкала бы, светила бы,
озаряла бы все далекое, прошедшее.

Разве нас, в наше время,
не прибывают к кресту,
и крест этот не столь же жесток,
как тот, в Назарете?

На головы наши терновый венец
руки врагов надевают,
из пронзенных белых висков
алые капли стекают,
боль и гнев передать невозможно,
они переполнили наши сердца.
Есть у меня лишь одно желанье: пусть однажды
когда о нас будут вспоминать,
представляя себе давних предков,
боровшихся с диким зверем,
пусть спокойная и мирная улыбка
озарит их лица.
Вы скажете, что мое желание скромно,
но я бы за эту улыбку
отдал душу.

Ай Цинь

ДОПОЛНЕНИЕ

Важнейшие китайские имена и названия
в русской транскрипции
и транскрипции ханьюйпиньинь
(hanyupinyin)

Ай Цинь	Ai Qing
Бо Цзюй-и	Bo Juyi
Гирин	Jiling
Го Мо-жо	Guo Moruo
Гуйлинь	Guilin
Дэн Сяо-пин	Deng Xiaoping
Женьминьжибао	Renminribao
Кантон	Guangzhou
Ли Бо	Li Bo
Линь Бяо	Lin Biao
Лу Синь	Lu Xin
Лю Шао-ци	Liu Shaoqi
Мао Цзэ-дун	Mao Zedong
Мукден	Dalien
Пекин	Beijing
Сиань	Xian
Сучжоу	Suzhou
Сычуань	Sichuan
Тяньаньмэнь	Tiananmen
Тяньцзинь	Tianjin
Ухань	Wuhan
Ханчжоу	Hangzhou
Хуа Го-фэн	Hua Guofeng
Цзян Цин	Jiang Qing
Ци Бай-ши	Qi Baishi
Чжанцзян	Chang Jiang
Чжоу Энь-лай	Zhou Enlai
Чжу Дэ	Zhu De
Чунцин	Chongqing
Шанхай	Shanghai
Яньань	Yan an

CHALIDZE PUBLICATIONS

505 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, N.Y. 10018

<i>З. Фрейд.</i> Толкование сновидений.	15.00
<i>Ф. Ницше.</i> Так говорил Заратустра.	15.00
<i>Б. Рассел.</i> История западной философии.	30.00
<i>С. Киркегор.</i> Наслаждение и долг.	15.00
<i>С. Киркегор.</i> Страх и трепет.	6.00
Панорама современных идей. Перевод с французского под ред. <i>Е. Еткинда.</i>	15.00
<i>Сергей Булгаков.</i> Философия хозяйства.	15.00
Коран. Пер. <i>Крачковского.</i>	20.00
<i>Г. Федотов.</i> Россия и свобода.	15.00
<i>О.И. Мейендорф.</i> Православие в современном мире	12.00
<i>И. Яхот.</i> Подавление философии в СССР (20-30 гг.).	15.00
<i>Б. Вышеславцев.</i> Кризис индустриальной культуры.	15.00
<i>Трубецкой.</i> Энциклопедия права.	15.00
Солженицын в Гарварде. Пер. с англ.	15.00
Проблемы Восточный Европы. Журнал под ред. <i>Ф. и Л. Силницких.</i> Выпуски 1 и 2	9.00
выпуск 3-4	15.00

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

CHALIDZE PUBLICATIONS

505 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, N.Y. 10018

<i>Л. Копелев.</i> На крутых поворотах короткой дороги	7.00
<i>Юз Алешковский.</i> Синенький скромный платочек. Скорбная повесть.	7.00
<i>А. Дюма.</i> Ожерелье королевы.	9.50
<i>Л. Шатуновская.</i> Жизнь в Кремле.	15.00
<i>Н. Хрущев.</i> Воспоминания. Книга 1-я.	12.00
<i>Н. Хрущев.</i> Воспоминания. Книга 2-я.	12.00
<i>В. Буковский.</i> Письма русского путешественника.	12.00
<i>И. Кичанова-Лифшиц.</i> Прости меня за то, что я живу. Воспоминания о Зоценко, Олеше, Лебедеве, Маршаке и др.	10.00
<i>В. Чалидзе.</i> Победитель коммунизма.	7.00
<i>Р. Орлова.</i> Последний год жизни Герцена.	6.00
<i>Ю. Айхенвальд.</i> Дон Кихот на русской почве.	15.00
<i>Н. Валентинов.</i> Встречи с Лениным.	15.00
<i>Н. Евреинов.</i> История телесных наказаний в России.	15.00
Ответственность поколения.	8.00
<i>Е. Гнедин.</i> Выход из лабиринта.	8.00
<i>Э. Кольман.</i> Мы не должны были так жить.	18.00
<i>Н. Новиков.</i> Эрнст Неизвестный: искусство и реальность.	10.00
Грузинские блюда.	6.00

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

CHALIDZE PUBLICATIONS

303 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, N.Y. 10018

"СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ"

Единственный *проблемный* русскоязычный

журнал об СССР за рубежом.

Выходит нерегулярно, 300-400 страниц,
цена выпуска — 15.00

Выпуск первый

И. Бирман. Противоречивые противоречия (заметки о советской экономической теории и практике); *Н. Садо́мская*. Новая обрядность и интеграция в СССР; *Б. Шрагин*. Оппозиционные настроения в научных городках; *В. Чалидзе*. О праве наций на самоопределение; *С. Глазман*. Страх свободы: декомпенсация психического состояния или феномен существования?; *И. Яхот*. Судьба статистики и математических методов в социологии (30-е годы); *В. Козловский*. Материалы к изучению языка одной субкультуры, Московские таксисты; *Г. Давыдов*. О заключенных-уголовниках.

Выпуск второй

П. Самюэлсон. Альтернативные экономические системы; *А. Канцелелинбойген*. Цветные рынки и советская экономика; *К. Симис*. Вторая экономика и коррупция в районном звене; *А. Никольская*. Об экономике советской семьи; *К. Буржуадемов*. Я обвиняю; *С. Пухов*. Отношение москвичей к профсоюзу "Солидарность"; *С. Бабенышева*. Цена прозрения; *А. Канцелелинбойген*. Нужны ли в СССР Дон Кихоты?

Выпуск третий

Максудов. Некоторые причины роста смертности в СССР; *М. Гейфтер*. Слово о деле; *В. Козловский*. Сталин в русской жаргонной лексике. *Епископ Феодосий и Глеб Якунин* о положении православной церкви; *И. Маховиков*. Уничтожение командных кадров Красной Армии; *И. Яхот*. Гибель тектологии Богданова; *Р. Орлова* о Фриде Вигдоровой; *В. Панова*. Главы из воспоминаний; *Н. Хрущев*. Секретное письмо президенту Кеннеди о Кубинском кризисе (26 октября 1962 г.).

Выпуск четвертый (выходит в мае)

Генрих Белль. Портфель Сахарова; Воспоминания *Р. Орловой* и *Л. Копелева* о Корнее Чуковском; *Ю. Фельштинский*. Об амнистиях послереволюционных лет; *Е. Кримерман*. Письмо из Бессарабии; Из воспоминаний *В. Пановой* (окончание).

Документы советско-германских отношений
1939 — 1941 гг.

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

